

Российская Федерация
Министерство науки, высшей школы и
технической политики
Красноярский государственный университет
Красноярский краевой краеведческий музей

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ,
КРАЕВЕДЕНИЯ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ**

Сборник научных трудов

Том I

Красноярск
1992

Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии приенисейского края: Сб. науч. ст. / Под редакцией А.М.Буровского; Рис. В.И.Привалихина; — Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск, 1992. — 144 с.

Предлагаемый читателю сборник посвящен 100-летию со дня рождения известного общественного деятеля Сибири, крупного археолога и краеведа Николая Константиновича Ауэрбаха. Многогранность научных интересов исследователя определила широкий диапазон представленных докладов. В сборнике отражены материалы по археологии, этнографии и краеведению Сибири, коллекции музеев страны по различным разделам истории Приенисейского края.

Рекомендуется всем, кто интересуется историей родного края.

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Красноярского университета

ISBN 5-230-07972-X

© Красноярский
государственный
университет, 1992.

ВЕХИ ЖИЗНИ Н.К.АУЭРБАХА

1892 г., 14 марта - рождение Н.К.Ауэрбаха в семье горного инженера Константина Ивановича Ауэрбаха.

1902 г. - переезд семьи Ауэрбахов в Красноярск, где К.И.Ауэрбах стал заведовать золотошлаковой лабораторией.

1910 г. - Николай Константинович окончил Красноярскую мужскую гимназию.

1914 г. - окончил одновременно Московский университет по специальности "юриспруденция", с дипломом 1 степени, и археологическое отделение Археологического института. Защищает диссертацию по теме: "Наконечники каменных стрел урочища Бор близ Красноярска" и получает звание ученого-археолога.

1914-1918 гг. - работает во Всероссийском Земском союзе, под руководством Марии Львовны Толстой, дочери знаменитого писателя. Пишет статистическое исследование о работе детских столовых (не взят в действующую армику по сильной близорукости).

1918-1920 гг. - сотрудник Музея Приенисейского края, член распорядительного комитета Красноярского подотдела Российского географического общества. Публикует материалы по истории декабристов в Енисейской губернии.

1920-1923 гг. - участник экспедиции А.В.Урванцева в Норильский район, матрос в Обь-Енисейском гидрографическом отряде. В эти годы, помимо служебных обязанностей, вывозит архив Троицкого монастыря, проводит раскопки зимовья Малого, пишет 6 работ по истории и археологии.

1923-1927 гг. - преподает в Красноярском педтехникуме, сельскохозяйственном политехникуме (был и такой!) и во 2-й школе II ступени. Сотрудник Краеведческого музея - на общественных началах. Член Коллегии музея, зав. отделом Доисторической археологии. Открытые листы на раскопки получает через музей, в музее хранит материалы раскопок.

1923-1925 гг. - раскопки большими площадями Афонтовой горы II (совместно с Г.П.Сосновским и В.И.Громовым (без выделения каких-либо средств официальной наукой).

1925 г. - раскопки Афонтовой горы II.

1926-1927 гг. - раскопки поселения Бирюса (совместно с В.И.Громовым). Пишет несколько научных статей, которые будут опубликованы позже и по большей части в соавторстве.

1927 г. - Н.К.Ауэрбах с семьей переезжает в Новониколаевск, где становится секретарем Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Выпускает несколько брошюр по методике археологических исследований, организации краеведческой работы.

1930 г. - раскопки на Афонтовой горе III.

1930 г., 11 ноября - скоропостижная смерть Н.К.Ауэрбаха, наступившая в поезде возле ст. Тайга.

А.М.Буровский
г. Красноярск

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ АУЭРБАХ (1892-1930) НАСЛЕДИЕ НАУЧНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ

Н.К.Ауэрбах происходит из старинной семьи, известной по меньшей мере с середины XVIII века.

Переезд в Сибирь отца ученого, Константина Ивановича Ауэрбаха, был совершенно добровольным и связан с занятием должности Управляющего золотосплавочной лаборатории. По законам Российской империи Николай Константинович, имея права наследственного дворянства, приобрел права личного дворянства, окончив в 1914 году Университет по специальности юриспруденция. Внешняя канва жизни исследователя небогата событиями, в ней не произошло решительно ничего экстраординарного. Первые 22 года жизни будущего ученого - это годы становления человека незаурядного, разностороннего, но достаточно обычного для своей среды. В семье было двое детей - брат Н.К.Ауэрбаха, Иван Константинович (р. в 1880 г.), окончил свои дни в 1941 г. в г.Томске в должности профессора политехнического института.

Уже в 1910 г., ко времени окончания Красноярской мужской гимназии, Н.К.Ауэрбах свободно владел французским и немецким языками, хорошо знал Русскую историю и литературу. Особо нужно отметить, что члены этой семьи нимало не походили на карикатурный образ беспомощного худосочного интеллигента, культивируемый в годы всевластия

коммунистов над Россией. Николай Константинович, несмотря на сильную близорукость, хорошо стрелял (по крайней мере из охотниччьего ружья), хорошо плавал, причем совершенно не боялся холодной воды. Впрочем и это, и широкая гуманитарная образованность, и стремление учиться в центре Империи - вполне в духе людей этого круга, и никак не выделяет Н.К. из других. В 1910-1914 гг. Н.К.Ауэрбах - студент юрфака Московского университета, который окончен им с дипломом I степени. С 1911 года он слушает лекции на археологическом отделении Археологического института. Институт он оканчивает, защитив диссертацию на тему "Наконечники каменных стрел урочища Бор близ Красноярска" и получив звание ученого-археолога. Как будто все благоприятствует хорошей карьере, удачному старту в науке.

Во время I мировой войны Н.К.Ауэрбах был освобожден от воинской повинности по сильной близорукости и работал в Всероссийском Земском союзе, заведя перевозкой медикаментов и перевязочных средств, затем работой детских столовых в Комитете Западного фронта. Характерно, что и в это тяжелое, совсем не способствующее теоретизированию время, он пишет финансово-статистическое исследование о работе детских столовых. В Красноярск ученый вернулся в начале 1918 года; с этого времени он - член рабочего комитета в Красноярском подотделе РГО и сотрудник музея Приенисейского края. В 1918-1920 гг. он публикует материалы по истории декабристов в Енисейской губернии.

С этого времени жизнь Николая Константиновича может быть охарактеризована буквально двумя словами: невостребованность и нужда. Талантливый ученый, ученик В.А.Городцова, с равным успехом способный раскапывать памятники и заниматься архивными изысканиями, прекрасный аналитик и теоретик с очень широким кругозором, человек, не способный что-либо делать не творчески, талантливый преподаватель, к которому тянулись ученики, оказался не нужен в родном городе и существовал на заработки, как правило не имевшие никакого отношения к главному делу его жизни.

В 1920-1923 гг. Н.К.Ауэрбах - участник экспедиции Н.Н.Урванцева в Норильский каменноугольный район, затем... матрос в Обь-Енисейском гидрографическом отряде, по его собственным словам, "работал в небольшой... партии, производившей геологическую разведку в районе Енисейского залива". Все это время он, помимо выполнения своих официальных обязанностей, ухитряется "закончить работы:

1. Зимовье Малое в устье Промысловой (отчет о раскопках).
2. Материалы по колонизации низовьев Енисея. 3. Материалы по картографии низовьев Енисея. 4. Опыт анализа географических названий низовьев Енисея. 5. Троицкий Туруханский монастырь (краткий исторический очерк). 6. Материалы по истории "Великой Северной экспедиции". Кроме того в эти годы он вывез из с. Монастырского архив Троицкого монастыря, произвел раскопки развалин зимовья Малое... Еще раз подчеркнем: вся эта работа была проделана на общественных началах, в "свободное время" и никогда ни в какой форме не была оплачена.

В 1923-1927 гг. Николай Константинович живет в Красноярске, преподает в педтехникуме, в сельскохозяйственном политехникуме (был и такой) и во 2-й школе II ступени. Изобилие мест работы заставляет предположить, что в каждом из них платили гроши - а ведь в это время Н.К.Ауэрбах уже обременен семьей. В эти годы он - сотрудник Краеведческого музея, - "на принципах добровольчества" заведует отделом доисторической археологии, входит в состав Коллегии музея. Открытые листы для него запрашивал Музей, и в музее же хранились привезенные им коллекции. Характерно, что последние коллекции, привезенные Н.К.Ауэрбахом, были найдены и разобраны в 1986-1987 гг. новым археологом музея, Н.П.Макаровым. Невероятно, но имеющие исключительное, без преувеличения - международное значение раскопки Афонтовой горы, проведенные Н.К.Ауэрбахом, В.И.Громовым и Г.П.Сосновским в 1923-1925 гг. были произведены без выделения каких-либо казенных средств. В связи с этим при школе № 2 был создан археологический кружок имени И.Т.Савенкова, и раскопки проводились силами школьников. В кружке сложился сильный коллектив, выпускался рукописный журнал, велась исследовательская работа.

Н.К.Ауэрбах был превосходным преподавателем - большую роль играла его широчайшая эрудиция, личное обаяние; талант рассказчика. В 1926-1927 гг. вместе с В.И.Громовым были проведены раскопки Бирюсинского поселения, разведки по Енисею от устья р. Тубы до Красноярска. В ходе этих разведок открыты кокоревская и новоселовская группы палеолитических поселений. Полученный в ходе полевых археологических работ материал нуждался в систематизации и осмыслении. Собственно, все серьезные аналитические работы Н.К.Ауэрбаха были сделаны в этот короткий промежуток времени - между 1923 и 1927 г. Поразительно, как многое ему удалось, особенно

если учитывать, что работал он только урывками. Н.К.Ауэрбах считал, что енисейский палеолит качественно отличен от европейского - хотя, в духе времени, и применял разработанную во Франции терминологию (другой тогда в России просто не было) и даже называл микропластинки "ламами". Он считал, что сибирский палеолит относится к "азиатскому кругу памятников" и что заселение долины Енисея шло из глубин Центральной Азии. По его мнению, замедленные темпы эволюции каменного инвентаря на Енисее объясняются изолированностью района среднего Енисея и, соответственно, ослаблением влияния извне, то есть географическими причинами.

Н.К.Ауэрбаху принадлежит ряд тонких наблюдений о зависимости между формой исходных заготовок и их петрографическими свойствами, приемами обработки, общей формой и назначением изделия. Причины существования "трех элементов" каменного инвентаря енисейского палеолита: скребел скребочков "верхнепалеолитических" форм и нуклевидных изделий для Ауэрбаха технологические.

Подробный анализ воззрений Ауэрбаха, его исследований в области технологии, в плане культурно-хронологического определения енисейского палеолита, его палеогеографических реконструкций потребует особого исследования, отметим только, что его работы представляют не только историографический интерес.

В 1927 году Н.К.Ауэрбах переезжает в Новониколаевск, где становится секретарем Общества изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС). Казалось бы - приходит признание (в 35 лет), и можно, наконец, посвятить себя творческой работе. Но координация краеведческих исследований, издание краеведческой литературы, популяризация научных знаний заставляет отодвинуть и научную работу, и преподавание. Сворачивание краеведческой работы, ставшей прибежищем множества неуничтоженных в Гражданскую войну представителей российской интеллигенции, ставит под сомнение положение Ауэрбаха. Он давно и тяжело болен - не может не оказаться постоянный стресс, физическое и интеллектуальное перенапряжение, жизнь на пределе всех биологических возможностей организма. Раскопки Афонтовой горы III летом 1930 года были последним актом научной деятельности Н.К.Ауэрбаха. 11 ноября 1930 г., возвращаясь из Москвы, Н.К.Ауэрбах умирает в поезде возле станции Тайга.

"Уроки Ауэрбаха"

Несомненно, что обреченный работать сразу в нескольких местах, матрос - и ученый на общественных началах, Н.К.Ауэрбах раскрыл лишь малую толику своих дарований. Способность выдавать новую информацию, организовывать людей, преподавать, изменять жизнь была искусственно отнята у этого человека.

Но главный "урок Ауэрбаха" скорее в том, что Н.К.Ауэрбах мог в любой момент кардинально изменить условия своей жизни - достаточно было вступить в ВКП(б), локтями оттеснить конкурентов (человек с его способностями не мог не понять, кого и как), укрепить положение, и - кто знает? - уже с наганом и мандатом организовывать раскопки (тогда бы и деньги на них были), и помогать другим интеллигентам.

Другим соблазном была эмиграция: до 1929 г. такая возможность была вполне реальной. При квалификации Н.К.Ауэрбаха и его знании языков жизнь в Европе грозила не нищетой - сулила обеспеченность, перспективу работы по специальности, самореализации. Кстати, такого же рода соблазны были и у других представителей интеллигенции. В 30-е годы для интеллигента и дворянина оставалось немного шансов уцелеть, и на "партийной должности" — даже меньше, чем у "простого советского человека".

Но в 20-е шансы сделать карьеру были, и вели себя археологи очень по разному — об этом говорилось во время конференции по историографии археологии, шедшей в декабре 1990 г. в Санкт-Петербурге.

Основной "урок Н.К.Ауэрбаха" — в органической неспособности разменять предназначность к определенному образу жизни и роду деятельности, свой, если угодно, "стереотип поведения" ни на какие блага и даже возможность спасения. Существовал ли для него вообще какой-либо "себлазн" принятия правил большевистской игры - не вытекает из текстов, написанных Н.К.Ауэрбахом. Тем интереснее и тем важнее для нас урок жизни этого абсолютно свободного внутренне, беспощадно погубленного человека, выполнившего свою основную работу как частное дело.

В.Б.Смирнова
г. Красноярск

ВОСПОМИНАНИЯ О НИКОЛАЕ КОНСТАНТИНОВИЧЕ АУЭРБАХЕ

Константин Николаевич Ауэрбах был другом молодости моего отца - Бориса Павловича Смирнова. Я помню его с возраста моих 4-х лет. Николай Константинович часто приходил к нам веселый, всегда о чем-то увлеченно рассказывал, часто шутил. Одет он был всегда просто; рубашка-косоворотка навыпуск, синяя, чаще белая, с вышивкой у ворота и на рукавах, подпоясанная шнурком с кисточками на концах; брюки широкие, заправленные в сапоги. Мои близкие звали его Коля Бах. А я называла его "Тли-тли" - у Н.К. был речевой недостаток, он не выговаривал некоторые буквы, и доминировал звук Л.

Отец Н.К., Константин Иванович, заведовал в Красноярске золотосплавочной лабораторией, рано одряхлел, как говорили, от действия ртутных паров при лабораторных работах.

Н.К. лишился матери во младенчестве, вырастила его чужая молодая женщина по имени Катенька, у нее была своя маленькая дочь Марфинька, которая считалась молочной сестрой Н.К.Катенька и Марфинька жили в семье Н.К. много лет на положении родственниц. У Марфиньки личная жизнь не сложилась, но была дочь Галя Турова, которая потом в Москве стала знаменитой бегуньей, победительницей на многих соревнованиях. Хозяйкой в доме Ауэрбахов была сестра отца Анна Ивановна. У Николая Константиновича был старший брат Иван Константинович - полная ему противоположность. Ванечка Ауэрбах был высок ростом, яркой наружности, любимец женщин. Женился он на красавице-цыганке, чем привел в ужас свою тетушку. У них была дочь. По специальности И.К. был химик, впоследствии заведовал Красноярской санитарно-бактериологической станцией (Санбактин). Из Красноярска он уехал в Томск, и больше я о нем ничего не знаю.

Николай Константинович был увлечен археологией. Он вел раскопки стоянок древнего человека по берегам Енисея и по притоку р.Бирюсе, где были пещеры, обитаемые древним человеком, с наскальными рисунками (в настоящее время затоплены). Стоянки по берегам Енисея не имели мощного

культурного слоя, были по большей части размыты. Уже тогда Н.К. привлекал к раскопкам красноярских школьников, организовал археологический кружок.

Когда Н.К. пришел к моим родителям и сказал, что женится на Зое Резановой, мой отец сказал: "Зою я могу поздравить, а тебя нет". Общие друзья знали строптивый характер Зои.

Позднее, потеряв интерес к раскопкам мелких стоянок, Н.К. занялся раскопками на Афонтовой горе. Н.К., бывая у нас дома, с энтузиазмом рассказывал об обширности стоянки, о толщине культурного слоя, залегавшего на глубине от 1 до 3 метров. Мой отец написал для Н.К. стихотворение "Сон археолога". Привожу по памяти фрагмент:

Лил дождь.
В лесу кричали звери.
Как гора, промчался мамонт рыжий,
А они гладили кость в пещере -
Он с палеолитикой бесстыжей.
Где-то выла дикая гиена,
Дама блок себе искала сзади.
Опустился он пред нею на колено:
"Отпусти меня ты, Маркса ради!
Я с тобой измучился ужасно,
Нет в моторе больше газолина!"
Но качала гневно головою
Из палеолита Мессалина".

В раскопках принимал участие В.И.Громов, впоследствии известный палеонтолог. Собранный материал поступал в пополнение коллекций Красноярского музея.

В начале 20-х годов Н.К. принимает участие в экспедиции Урванцева, организованной для изучения производительных сил севера Приенисейского Края. Не имея специальных знаний для проведения изыскательских работ, Н.К. выполняет хозяйствственные работы, ведет дневниковые записи с карандашными зарисовками бытовых сценок. Вскоре по возвращении с Севера, Н.К. переезжает с семьей в Новосибирск, там продолжает заниматься археологией. В 1930 году в начале июня Н.К. приезжает в Красноярск, чтобы продолжать раскопки на Афонтовой горе. Прежний археологический кружок распался, надо было все организовывать заново и быстро. Н.К. обращается к учащейся молодежи в знакомых ему семьях с предположением

принять участие в раскопках на Афонтовой горе (лето - время каникул). Так на эти раскопки попадаю я. Определился состав нашего археологического коллектива: 1) Н.К.Ауэрбах, - руководитель работ; 2) Костя Власов - наш старший; 3) Миша Заблоцкий; 4) Галя Берянин; 5) Вера Смирнова; 6) Раи Еникеева. Для жилья нам отведены 2 комнаты с отдельным выходом в 2-х этажном доме, бывшей даче инженера Кнорэ, руководившего строительством 1-го ж.-д. моста через Енисей. Остальное помещение занято детским домом. Нами была обнаружена интересная деталь - терраса второго этажа точно снивелирована на полотно моста, зрительно являясь как бы его началом.

Разместились мы так: в первой комнате наши мальчики и Н.К., во второй, меньшей, комнате - мы, девочки, с нашей поварихой Олей, обеспечивающей нам трехразовое питание. Распорядок рабочего дня: начало работ с 9 ч (после плотного завтрака) до 6-7 ч вечера с двухчасовым перерывом на обед. После ужина краткий отдых и в 10 ч вечера - отбой.

К нашему прибытию подготовительные работы закончены: участок разбит на квадраты 2x2 м, культурный слой обнажен рабочими-копальщиками. Наша работа - тщательное препарирование слоя с помощью маленьких плоских металлических лопаток для обнаружения и сбора археологических материалов. Чаще всего попадались кости диких животных (кухонные отходы), скребки, тесла, каменные топоры грубой обработки, куски бивней мамонта. Изредка встречались поделки из бивней мамонта в виде подвесок - украшений. Захоронений на этом участке не было. Фотографии наших работ переданы многим археологическому отделу Красноярского музея. Нашей работой интересовался и наши раскопки посещал учёный - краевед Косованов В.П. Преподаватели близких школ приводили к нам на экскурсии ребят. В августе, во второй половине дня, мы занимались камеральной обработкой материала. Щетками очищали наши находки от земли, прикладывали к ним соответствующие записки-этикетки, завертывали в бумагу археологические материалы для отправки в Новосибирск.

Атмосфера во время работы, в краткие часы отдыха была легкой, без напряжения. Чувствовалась дружба, взаимное уважение. Наша поговорка: "Тише-тише, не шумите, мы живем в палеолите". Работа сопровождалась шутками, умным юмором. Н.К. был прекрасным руководителем молодежи, все его уважали и любили.

Для Н.К. этот рабочий сезон был последним. Скончался он скоропостижно в 1930 году (осенью) по дороге из Новосибирска в Красноярск. В вагоне потянулся за чемоданом на верхней полке и упал. Похоронен в Красноярске на Покровском кладбище. Могила утеряна в годы войны.

Л.Ю.Китова
г. Кемерово

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.К.АУЭРБАХА В ОБЩЕСТВЕ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ

Организационная перестройка в археологической науке в столичных учреждениях в конце 10-х - начале 20-х годов XX века и рост краеведческого движения в первой половине 20-х годов повлекли за собой организационные изменения на местах.

Краеведческие съезды ряда сибирских городов поставили вопрос о научном исследовании Сибири в широком масштабе, с привлечением государственных планирующих, хозяйственных, общественных организаций, музеев и школ. Необходимо было создать общий сибирский координирующий центр.

Преобразование г.Новониколаевска в областной центр и сосредоточение здесь органов планирования и руководства хозяйственной и культурной жизнью такого огромного и неисследованного края, как Сибирь, привлекло в этот город новых специалистов, технических и научных работников. Однако здесь, в отличие от таких городов как Томск, Иркутск, Красноярск, не было ни вуза, ни музея, которые бы объединяли краеведческие исследования общественности. Поэтому, по инициативе местной интеллигенции в январе 1925 года было создано Сибирское научно-исследовательское общество, в дальнейшем переименованное в Общество изучения Сибири и его производительных сил.

Целью работы Общества было всестороннее изучение Сибири в связи с возможностью использования ее природных богатств и перспективами ее дальнейшего освоения. Свои основные задачи члены Общества связывали в первую очередь с хозяйственным развитием, с изучением производительных сил Сибири. Другое направление деятельности Общества - изучение народностей Сибири.

В состав Общества на правах юридических лиц входили сибирские университеты, краевые и областные музеи, отделы Русского географического общества и ряд хозяйственных организаций. Были избраны Совет, а затем и правление Общества, ученым секретарем которых стал Н.К.Ауэрбах. Члены правления назначили его ведать всеми вопросами научного характера. Ими было создано четыре постоянных краевых органа общества: бюро экспедиций, бюро краеведения, бюро по созыву съездов и библиотечная комиссия. Было также организовано три секции: "Человек" с палеоэтнологической подсекцией; "Недра"; "Фауна и Флора", в рамках которых велась основная деятельность Общества изучения Сибири.

Роль Н.К.Ауэрбаха в работе этого общества была огромна. Дополнительно он исполнял обязанности секретаря бюро краеведения, заместителя председателя секции "Человек", был душой и организатором деятельности палеоэтнологической подсекции.

Главной целью работы подсекции было объединение в то время разрозненных археологических исследований в Сибири. И необходимо отметить, что во второй половине 20-х годов через Общество изучения Сибири удалось установить тесную связь между археологами, работающими на территории Северной Азии. Н.К.Ауэрбах вел постоянную переписку с археологами, этнографами и краеведами Сибири и Дальнего Востока. Все сибирские музеи ежегодно присыпали свои планы и отчеты о проделанной работе в бюро краеведения Общества. Палеоэтнологическая подсекция провела анкетное обследование археологических отделов сибирских музеев. К 1927 году в 12 музеях Сибири находилось около 74 тыс. археологических предметов от эпохи камня до позднего средневековья. По просьбе ГАИМК и Института археологической технологии бюро краеведения Общества были собраны сведения о древних иностранных монетах, найденных на территории Сибири, об оловянной утвари, имеющейся в сибирских музеях.

Главным направлением деятельности подсекции были археологические обследования и раскопки древних памятников. Через Общество изучения Сибири часто шло и финансирование раскопок. На Археологические экспедиции отпускались небольшие средства от 150 до 500 руб. в год. Средства на раскопки давались тем музеям, где работали квалифицированные археологи. Для неспециалистов была разработана Н.К. Ауэрбахом и Г.П.Сосновским инструкция по обследованию и описанию археологических памятников. Также Н.К.Ауэрбах в

своих письмах краеведам неоднократно обращался с просьбой не проводить самовольные раскопки, а вести систематическое обследование своего района на предмет археологических памятников с тщательной фиксацией случайных находок, мест расположения памятников и их описанием. Эта работа проводилась с целью составления археологической карты Сибири.

Деятельность Н.К.Ауэрбаха в Обществе изучения Сибири была направлена на охрану памятников истории старины, на организацию археологических заповедников в районах, имеющих большое количество курганов, могильников, петроглифов. Но средств и сил для такой деятельности, безусловно, было недостаточно. Н.К.Ауэрбах в своих археологических исследованиях активно привлекал учащихся школ. Интерес молодежи к истории своего края он советовал использовать и окружным краеведческим комиссиям в деле охраны памятников истории и культуры.

Еще одно направление деятельности общества - издание научных трудов по исследованию Сибири. Информативным органом общества стал журнал "Сибиреведение". Большое значение в обобщении всех известных знаний о Сибири имело издание Сибирской советской энциклопедии. Н.К.Ауэрбах активно участвовал в подготовке статей для этих и других сибирских изданий.

Концентрация краеведческих знаний в Обществе изучения Сибири, его просветительская работа способствовали еще большему росту краеведческого движения. Центральные же власти не проявили особого интереса к этой стороне деятельности общества. Сведения, присылаемые с мест, не укладывались в рамки намеченного пути развития советского народа, а поэтому были не нужны. После смерти Н.К.Ауэрбаха в 1930 году деятельность Общества изучения Сибири угасает, и в 1931 году оно было ликвидировано.

А.К.Горелова
г. Красноярск

КОЛЛЕКЦИЯ Е.О.ЯКОВЛЕВА

Ученым собранием научно-естественного фонда Красноярского краевого краеведческого музея является коллекция птичьих яиц, насчитывающая около 5 тысяч штук, большая

часть которой скомплектована зоологом Евгением Осиповичем Яковлевым. Частная коллекция Е.О.Яковleva поступила в музей в 1939 году из НКВД. Это очень интересный и богатый по видовому составу материал, он отражает разнообразие пернатых нашего края, сопредельных с ним территорий, а также характеризует птиц Европейской части страны, Дальнего Востока, Кавказа, Средней Азии. Ценна коллекция и тем, что каждый вид представлен не одним экземпляром оологического материала, а в большинстве своем целыми кладками и даже несколькими.

Материалы архива музея позволяют четко проследить весь жизненный путь Евгения Осиповича. Он родился в 1894 году в городе Саратове. В личном листке сам Евгений Осипович указывает на крестьянское социальное происхождение. И при работе с оологической коллекцией (1989 г.) были совершенно случайно обнаружены под упаковочным материалом на дне ящика документы Е.О.Яковleva: свидетельство о рождении, атtestат зрелости, выписка из метрической книги. Документы хорошей сохранности и сами по себе вызывают интерес, и в то же время свидетельствуют о том, что Е.О.Яковлев - потомственный дворянин. Он с детства испытывал интерес к живой природе, увлекался наблюдениями за животными и собираением коллекций насекомых и птиц. Учась в Симбирской гимназии, он начал приобщаться к работе в местном областном музее, где получил первые уроки правильного формирования и оформления коллекций. Летом 1915 года поступает в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Однако заветной мечты стать зоологом не суждено было сбыться, ибо весной 1916 года по царскому приказу вместе с другими студентами был отправлен во Владимирское военное училище и произведен в октябре 1916 года в прапорщики. "Этот призыв, - как пишет Е.О.Яковлев, - навсегда изломал мне жизнь, поставив в ряды совершенно чуждой и неприязненной мне касте и отняв возможность окончить высшую школу". Служил Евгений Осипович в автотачках, на фронтах не был, и все свободное время от воинской службы посвящает своему любимому увлечению и продолжает самообразование. В 1918 году он переведен в Красноярский окровенкомат, и здесь, в течение двух лет на добровольных началах работает в зоологическом отделе нашего музея. С 1920 по 1923 годы заведует этим отделом, где занимается обработкой, определением и каталого-

гизацией материала, а также ведет полевые сборы, благодаря которым значительно пополняет коллекции музея.

Первой крупной экспедицией была поездка в должности фауниста-фенолога в 1920 году в составе Обь-Енисейского отряда гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в Туруханский край в низовье Енисея. Впоследствии работа по изучению фауны Таймырской тундры была продолжена. Материалы этих экспедиций хранятся в музее, они представлены тушками птиц Севера, их гнездами, яйцами, шкурками животных.

Затем Яковлев преподавал зоологию и охотоведение в сельхозполитехникуме. Некоторое время работал в институте защиты растений, но в связи с тем, что получил приглашение от комитета Севера при Президиуме ВЦИК, принял заведование краеведческим пунктом Хатангской культбазы в Таймырском национальном округе (1932-1935 гг.).

Суровые условия Севера не пугали зоолога, а давали возможность продолжить начатое дело, и в начале 1936 года ему как краеведу Хатангской культбазы была предоставлена научная командировка в зоологический институт Академии Наук СССР для обработки и описания собранного материала в Хатангском районе. Возвратившись, он продолжал работать по изучению природы края.

Работая с коллекционным материалом Е.О.Яковleva, убеждаешься в его мастерстве, знании дела, высоком профессионализме. "Местную фауну птиц Е.О.Яковлев знает прекрасно, - пишет А.Я.Тугаринов, бывший директор Красноярского краевого музея, действительный член зоологического института АН СССР, доктор зоологии (справка от 5.4.36 г.), - имеет большой опыт полевой работы и является умелым наблюдателем,ющим вполне самостоятельно вести научно-исследовательскую работу". Сборы Е.О.Яковleva в свое время поступили в зоологический институт АН СССР, и отзывы о них весьма положительны, так как все предметы отпрепарированы и этикетированы. "По своему обилию и богатству представленных форм эта коллекция представляет значительную научную ценность и ее исследование будет в значительной степени способствовать выяснению состава фауны и ее распределения в Хатангском районе". Такое заключение дает в справке Б.Виноградов, заведующий отделом млекопитающих зоологического института АН СССР.

По научным исследованиям фауны Таймырской тундры Е.О.Яковлев имеет несколько научных статей, но, к сожалению, не все были опубликованы.

Весной 1938 года Е.О.Яковлев возвращается в краеведческий музей. Последней его работой было фаунистическое обследование территории государственного заповедника "Столбы".

Ю.И.Ожередов
г. Томск

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С АНГАРЫ И
СВЕДЕНИЯ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ
ИЗ СОБРАНИЙ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Археологический музей Томского университета, именовавшийся Сибирским университетом до 1917 года, основан в 1882 попечителем Западно-Сибирского учебного округа профессором медицины Василием Марковичем Флоринским. Коллекции, в том числе и археологические, на момент открытия музея и в последующем, формировались из единичных случайных находок и небольших собраний, пожертвованных частными лицами. Достаточно полное представление о такого рода пожертвованиях дает каталог, изданный В.М.Флоринским в 1888 г. и два "Прибавления" к нему (1890 и 1898 гг.). В настоящее время эти работы являются библиографической редкостью и часто бывают недоступны специалистам. Поэтому, переиздание отдельных фрагментов с упоминанием об археологических, этнографических и в целом исторических памятниках отдельных регионов для исследователей данных территорий будут представлять определенный интерес.

В настоящей заметке представляем вниманию археологов и краеведов Приангарья письмо священника Александра Ивановича Масленникова, полученное вместе с коллекцией из 21 артефакта В.М.Флоринским в 1887 году. Коллекция первоначально должна была продемонстрироваться на Екатеринбургской научно-промышленной выставке, а затем уже поступить в Археологический музей. Не только коллекция, но

и само письмо представляют огромный интерес, поэтому приводим его целиком.

“Желая представить на выставку прилагаемые у сего орудия доисторического человека, приобретенные мною во время моих странствований, по должности благочинного, по р. Ангаре и ее притокам, в районе Пинчугской и Кежемской волостей, Енисейского округа, я считаю не лишним сообщить здесь несколько слов относительно как места находки, так равно и способа приобретения мною этих предметов.

Центральным пунктом археологических находок по Ангаре является село Чадобское, расположенное там, где в тихие волны могучей Ангары вливает свои воды сравнительно быстрый Чадобец, вершина которого теряется где-то в беспредельном пространстве тайги. Красиво и оригинально это место! Огромная гора, пологого спускающаяся в Ангару со стороны реч. Чадобца, с противоположной стороны оканчивается огромным утесом, нависшим над рекою и имеющим форму шапки, за что и прозванным на образном языке туземцев “попом”. Тут же есть соляной источник, утилизируемый жителями в качестве пойла для скота, а также пещеры, доступ в которые возможен лишь в особенно малую воду. Вообще местность этого села такова, что если бы здесь не существовало поселения, то его следовало бы завести, единственно по удобствам в отношении рыбных ловель, хлебопашства, зверового промысла и проч. И находки в роде приложенных, встречающиеся именно здесь, в углу, образуемом слиянием р. Ангары и Чадобца, свидетельствуют, что место это служило жилищем человека издавна.

В этом именно углу найдены предметы, означенные в моем каталоге № 1, 2, 5, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и 21. Здесь же существуют, занесенные песком с близлежащего острова Ангара, курганы, еще ждущие своего исследователя. Такие же курганы есть и в местности между селом Богучанским и дер. Яркиной.

№ 3 и 4 найдены близ деревни Гольтявиной, расположенной в 46 верстах ниже с. Чадобского, по Ангаре, в местности, знаменитой своим грозным порогом - Мурским - заимствовавшим свое название от р. Муры, впадающей в Ангару, в 8 верстах выше Гольтявиной. По р. Муре, близ деревни Надуйской, найдены № 6 и 19. Находки, приложенные у сего, не единственны; но к сожалению, проезжая теми местами в качестве официального лица, я не имел возможности, а отчасти и средств, сделать что-либо большее. Но было бы жаль, если бы исторические сокровища, находимые здесь,

послужили лишь для праздной забавы жителей. Изыскания по Ангаре вообще дадут, несомненно, обильный и дорогой в научном отношении материал.

По миновании надобности для выставки в моей коллекции, я желаю передать ее в музей Сибирского университета, в его полное владение. 1887 года марта 31 дня.

Священник А.Масленников”.

Вслед за текстом письма В.М.Флоринский публикует и каталог, приложенный к посланию. Но поскольку каталог в работе адаптирован к системе описания артефактов В.М.Флоринского и поэтому не представляет ценности оригинала, приводим лишь перечень предметов. Это важно, так как о них идет речь в письме, где им дана географическая привязка.

1. Каменный круглый пестик.
2. Кремневый топор.
3. Кремневый топор.
4. Кремневое орудие.
5. Кремневый топор.
6. Скребок.
7. Кремневое орудие.
8. Скребок.
11. Каменное орудие.
12. Кремневая стрела.
13. Кремневая плоская стрелка.
14. Такая же стрелка.
15. Кусок кремня.
16. Кремневая стрелка.
17. Такая же стрелка.
18. Такая же стрелка.
19. Кусок зеленого камня.
20. Бронзовая трехгранная стрелка.

Л.И.Шаповалова
г. Красноярск

КОЛЛЕКЦИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА МУЗЕЯ И ЕЕ РОЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА

Сибирская советская энциклопедия, рассказывая о крупнейших художественных хранилищах, называла на первом месте

красноярское, указывая, что в музее Приенисейского края имеется отдел искусства, в котором собрано 1465 экспонатов. История этого собрания берет свое начало одновременно с историей музея, когда его основатели Матвеевы передали в дар музею "Милосердного самаритянина" В.И.Сурикова. Эта картина и положила начало собранию живописи. Матвеевы немало сделали для того, чтобы за первую четверть века своего существования это собрание пополнилось новыми экспонатами.

В 1916 году с выставки "Старый Красноярск" сюда были переданы А.И.Суриковым 15 работ В.И.Сурикова. В это время у красноярцев возникает мысль: создать картинную галерею им. В.И.Сурикова. Сначала в музее появился уголок Василия Ивановича Сурикова, а затем - отдел искусства и художественной старины музея был назван его именем.

Самыми интенсивными годами пополнения фондов отдела были 1921-1922 гг., когда на основании Постановления Енисейского губисполкома "О взятии на учет и охране предметов художественной ценности" от 18 января 1920 года сюда доставлялись сотни памятников художественной культуры прошлого, среди которых были иконы и другие предметы религиозного культа, образцы прикладного искусства, в их числе и люстры, мебель, посуда, шитье, но самыми внушительными были поступления живописи и графики. Следует отметить, что их основную часть составляли картины, принадлежавшие семье Кузнецовых, такие как "Горе вдовца" А.А.Боброва, "Римский карнавал" А.Мокрицкого, "Девушка, ставящая свечу" Г.К.Михайлова, "Анна учит Самуила чтению" И.Угрюмова, "Исповедь" И.П.Трутного и ряд других замечательных произведений русского искусства.

Отдел искусства музея уже в первые годы советской власти располагал работами сибирских красноярских художников, а также работами известных впоследствии советских художников Н.М.Никонова, П.В.Малькова, П.Н.Староносова, находившихся в начале 20-х годов в Красноярске.

Первые годы после становления советской власти в городе были не только периодом активного пополнения фондов по искусству, велась определенная научная работа: проводилась каталогизация картин, исторические исследования, писались научные доклады, которые заслушивались на заседаниях и готовились к публикации. Их тематика позволяет сказать, что сотрудники музея интересовали разные проблемы: художественная старина красноярских церквей, современные искания

художников, В.И.Суриков как художник и человек, первый красноярский живописец М.М.Хозяинов и еще ряд проблем.

Высока заслуга музея в пропаганде изобразительного искусства. Принадлежавшие ему произведения красноярцы смогли увидеть еще на выставках картин в 1892 и 1900 годах. После гражданской войны, в годы разрухи и голода, музей начинает свою деятельность открытием экспозиции отдела искусства и художественной старины им. В.И.Сурикова. Это был 1922 год. Посетители знакомятся с 35 произведениями, созданными их прославленным земляком. Первое послереволюционное десятилетие - время кропотливой собирательской деятельности, связанной с именем В.И.Сурикова. К 10-летию со дня его смерти горсовет приобрел и преподнес в дар музею несколько работ знаменитого художника, а сотрудники музея подготовили вечер памяти, на котором прозвучал доклад о жизни В.И.Сурикова, были выставлены его картины и рисунки, а также работы красноярских художников.

Немаловажное значение имела просветительская работа, проводимая сотрудниками музея. На выставках картин организовывались лекции-беседы: "В.И.Суриков", "Сибирские художники", "Главные течения в русской живописи", "Прикладное искусство" и т.д. Один из мартаовских номеров "Красноярского рабочего" 1925 года сообщал, что после посещения музея ученики школы № 5 решили создать у себя в школе художественный уголок из репродукций картин В.И.Сурикова и картин местных художников.

Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий краснедческий музей выполнял многие функции художественного музея, что позволило на базе его фондов создать дом-музей В.И.Сурикова и художественную галерею.

А.И.Мартынов
г. Кемерово

МЕРХАРТ И АРХЕОЛОГИЯ СИБИРИ

В начале 20-х годов в Красноярском музее работал Г.Мерхарт фон Бернег, ученик венской археологической школы, археолог, обучавшийся в Вене, Цюрихе и Мюнхене. Его деятельность в Сибири в 20-е годы в последующем была незаслуженно забыта. Остались архивные материалы в

Красноярске и Германии, изданная им в Вене в 1926 г. книга "Бронзовый век на Енисее", статьи и воспоминания его учеников.

В жизни Г.Мерхарта (1886-1959 гг.) я выделяю три периода: 1) его становление как европейского ученого до Первой мировой войны; 2) семилетний плен, жизнь и работа в России, исследования археологии Сибири (1914-1921 гг.); 3) работа у себя на родине в Австрии и на юге Германии (1922-1959 гг.). После четырех лет лагерей для военнопленных он с помощью Эльзы Бранштром был устроен на работу реставратором в музей Географического общества в Красноярске. В деятельности Г.Мерхарта, несомненно, привлекают нас два аспекта: его жизнь до 1959 г. в Германии и его вклад в археологию Сибири.

По возвращению в 1922 г. в Германию ученого лишили пенсии по инвалидности и наследства, так как он числился в Австрии погибшим. Он поселился в Мюнхене, женился и вскоре начал работу в университете Инсбрука и стал почетным директором музея Фердинанда.

Эту должность он занимал до 1943 г. В 1927 г. он профессор кафедры в Марбурге. Трудно сложилась его жизнь в период фашизма в Германии. С 1936 г. у него начались серьезные трудности из-за возможности иметь работу, проводить общественную деятельность, сохранить личную неприкосновенность и честь. В 30-е годы возникли конфликты с нацистом Райнертом, возглавлявшим "Боевой союз за немецкую культуру" и специалистов фашистской Германии по доисторической истории. Известно, что Г.Мерхарт заступался за ученых евреев.

В 1938 г. по поводу проф. Г.Мерхарта министр воспитания Р.Гейдрих писал по поручению Гимлера ректору университета: "Профессор доистории университета Г.Мерхарт воспитывает сыновей в изуитской школе в Австрии, что несовместимо со званием профессора немецкой доистории и вынуждает просить Вас отозвать его с поста профессора в Марбурге. Кроме того, ряд других причин говорит за увольнение профессора Г.Мерхарта. Он отрицает связь доистории с языковым вопросом, стремится противопоставить доисторию как не политическую науку, историю как политической науке". Сначала его отправили в годичный отпуск, а потом уволили. После капитуляции Германии он возобновил свою работу в Марбурге. Его научное наследие составляют статьи по археологии Средней Европы, Северной Италии, по культуре Гольштадта. Как

ученый и гражданин Мерхарт был полной противоположностью другому археологу-германисту - Г.Коссина, что проявилось в его работах 20-х годов: "Находки из Тироля" и "К вопросу о поселениях в Тироле" и более поздней работе "Древняя история Альп".

Сибирский период его деятельности был коротким, но весьма результативным. Образованный ученый, хорошо подготовленный археолог, он оказал значительное влияние в становлении советской археологии Сибири в 20-е годы. Историографически его деятельность была как бы продолжением того, что было сделано в Сибири европейскими учеными с начала XVIII в., с путешествий Г.Мессершмидта, Г.Миллера, Стеллера, Я.Линденау, И.Фишера, И.Гемелина и С.Палласа. С другой стороны его деятельность проходила в условиях формирования молодой сибирской школы, сложения трех основных центров науки в начале века в Томске, Красноярске и Иркутске и основной роли музеев в то время в развитии археологических исследований. Научное наследие Г.Мерхарта значительно: полевые исследования, сборы материалов и изучение коллекций, теоретические работы по хронологии, происхождению бронзовых предметов, по типологии, звериному стилю. Обобщением этих статей и своеобразным завершением явилась его книга о бронзовом веке на Енисее.

Наиболее значительными результатами красноярского периода его деятельности можно считать теоретические выводы ученого, которые позже были учтены С.Теплоуховым. В частности, он установил относительную хронологию курганов эпохи бронзы и выделил три периода в развитии. Самым древним он считал курган у д. Андроновой, ко второму этапу расцвета бронзы он относил четырехугольные оградки с камнями на углах и третий этап - это курганы с коллективными погребениями. Их реконструкция привела его к мысли, что они использовались как склепы, куда клались трупы. Окончательное захоронение производилось после неоднократного захоронения.

Интересным и по своему правильным был его вывод о том, что в бронзовый период в Енисейской губернии существовали две "резко ограниченные" разные археологические культуры. Одна из них - северная, по его мнению, получила значительное влияние с запада, а вторая - южная, испытала юго-западное влияние (звериный стиль, геометрический орнамент, кривые ножи и книжалы). Весьма значителен его вывод и о границах минусинской культуры, которая ограничивалась

котловинами. "Все, что находится за пределами этой области, - это растерянные находки". До сих пор не претерпел изменений его вывод о красноярско-канском типе кельтов. Заслуживают внимания его выводы по типологии вещей, технологии их гравирований, которые не потеряли своего значения до сих пор.

Весьма интересны выводы Г.Мерхарта по хронологии бронзового и раннего железного века Южной Сибири. Так начало "коллективных склепов" он относил в одних случаях к VI в. до н.э., в других к III в. до н.э. Проникновение же железа и начало развития железного периода предполагал с III в. до н.э. Второй фазой "коллективных курганов" он считал появление погребений с масками и относил их к III-IV столетиям нашей эры.

Заслуживают внимания его выводы относительно предметов звериного стиля, которые хронологически он разделяет на две группы. Старшие относит к периоду развития бронзы. Они охватывают, по его мнению, фигуры спокойно стоящих зверей, птицы головы, закрученные в кольцо фигуры животных, изображения рыб и предметы с отисками копыта лошади. Эти мотивы он считал не местными. В целом по происхождению звериного стиля он отдавал предпочтение районам сарматии, германской культуре, Переднему Востоку.

Мы коснулись только незначительной части научного наследия Г.Мерхарта, которое остается пока малоизвестным, не исследованным и может составить целую область историографии археологии Сибири.

Ю.С.Худяков
г.Новосибирск

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЕВ СРЕДНЕЙ АЗИИ (по материалам экспедиции ЮНЕСКО "Степной путь" в 1991 г.)

В апреле - июне 1991 г. автор принимал участие в работе экспедиции ЮНЕСКО "Степной путь" по территории республик Средней Азии и Казахстана. Экспедиция посетила многие исторические, археологические и архитектурные памятники. Участники экспедиции имели возможность ознакомиться с археологическими и этнографическими коллекциями музеев и

научных институтов Туркмении, Кара-Калпакии, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Казахстана.

Хотя публикации по археологии Средней Азии и Казахстана весьма многочисленны, легко доступны и достаточно подробно освещают процесс культурогенеза в регионе со временем его первоначального заселения до развитого средневековья, обзор просмотренных археологических коллекций может представлять определенный интерес для сибирской археологии, поскольку дает возможность ознакомиться с содержанием экспозиций различных музеев и фондов научных учреждений. Особого внимания заслуживают материалы, отражающие широкие и разносторонние культурные и торговые связи ряда районов и культуры Среднеазиатского региона с определенными территориями степного пояса Евразии, включая южные районы Сибири. Музеефикация археологических памятников и оформление музеиных экспозиций обусловлены спецификой процесса культурогенеза в регионе, включающего длительную традицию развития долговременных постоянных поселений и городов со сложной культовой архитектурой и фортификацией. Развитие городской цивилизации Средней Азии получило достаточно полное отражение в музеефикации археологических и архитектурных памятников: городищ, крепостей, замков, дворцов, буддийских и зороастрийских храмов, мусульманских мечетей, медресе, мавзолеев, хонако, караван-сараев. Материалы городской культуры, детали архитектурного декора, керамическая посуда, монеты и др. экспонируются во многих музеях региона.

В Туркмении экспедиция ознакомилась с археологическими коллекциями в музее г. Ашхабада и Ташауда, осмотрела коллекции находок в музее пос. Тазы Ел, музее Репетека, музее-заповеднике Куня-Ургенч. В экспозиции представлена гончарная посуда, светильники-чираги, керамические статуэтки, сфероконусы, изразцы, относящиеся преимущественно к античному и раннесредневековому периодам. Более представительны этнографические коллекции, в которых имеются предметы традиционной культуры туркмен: оружие, сбруя, украшения, одежда, ковры и т.д.

В Кара-Калпакии была осмотрена экспозиция музея в г. Нукус, в которой выставлены материалы из раскопок известных памятников Джанбас-Кала IV, Кой-Кырылган-Кала, Топрак-Кала, среди них имеются бронзовые наконечники стрел античного времени: кинжалы эпохи средневековья; сабли, кольчуга, кольчужное наголовье, стремя, относящиеся к периоду

хивинского ханства. В фондах Института истории, языка и литературы имеются находки из памятников сармат и средневековых кочевников с территории плато Устюрт.

В Узбекистане, во время симпозиума, проходившего в г. Хиве, была развернута выставка находок местных археологов и сборов местного краеведа Р.Джуманиязова, который собрал на памятниках Джанбас-Кала, Топрак-Кала, Измукшир богатую коллекцию посуды, украшений, наконечников стрел, торевтики античного и средневекового времени. В г. Бухара экспедиция посетила музей-заповедник Арк и художественно-архитектурный музей, в которых есть археологические экспедиции. В них выставлены мечи, кинжалы, наконечники стрел, гагатовые и kostяные поясные пластины, застежки из курганов IV в. до н.э. - IV в. н.э., находки из городищ Варахша и Пайкенд. Интересные археологические экспозиции имеются и в сельских музеях. В музее с/х "Ударник" выставлены предметы с городища Еркурган и погребения VI-VII в. н.э. В музее с/х "Гулистан" экспонируются разнообразные материалы сапаллинской культуры эпохи бронзы из памятников сапалли и Джаркутан: сосуды, бронзовые ножи, кинжалы, булава и др. В музее в г. Термез выставлены каменные орудия из грота Тешик-Таш и пещеры Мачай, сосуды сапаллинской культуры, бронзовые наконечники стрел, прядица, сосуды, ядра пращи и катапульты, статуи античного периода, средневековые железные клинки, наконечники стрел и др. В г. Самарканде экспедиция осмотрела археологические экспозиции областного музея, музея искусства и культуры, музея Афрасиаба, музея института археологии Узбекистана. Среди находок преобладает керамическая посуда эпохи бронзы, античного и средневекового времени, архитектурные детали, монеты, украшения, оружие из различных районов Узбекистана. Больше всего предметов из городища Афрасиаб. Есть экспонаты, относящиеся к позднему средневековью и этнографическому периоду. Среди редких экспонатов сакский бронзовый шлем и древнетюркское каменное изваяние из Южного Казахстана.

В Таджикистане экспедиция посетила музей в г. Кободиан. В экспозиции представлены разнообразные находки из памятника Тахти Сангин, относящегося к античному периоду: kostяные накладки лука, наконечники стрел, копья, мечи и кинжалы. В музее г. Куляя выставлена керамическая посуда античного и средневекового времени. В г. Курбан-Шант, в музее городища Хульбук представлены образцы средневекового архитектурного декора и керамической посуды. В г. Душанбе

участники экспедиции осмотрели музей археологии в институте истории им. А.Дониша, в котором представлены находки из памятников античного и средневекового времени: бронзовые наконечники стрел, железные стрелы, копья, палаши, акинаки, керамическая посуда и др. Ряд интересных находок хранятся в фондах камеральной лаборатории этого института.

В Киргизстане участники экспедиции посетили выставку археологических находок из фондов исторического музея в г. Бешкек. В коллекции были представлены древнетюркские каменные изваяния, предметы вооружения, золотые полихромные украшения кенкольской культуры, средневековое оружие, сбруя, керамика.

В Казахстане экспедиция посетила музей в с/х им.Ч.Валиханова. В экспозиции выставлено несколько каменных изваяний и предметы традиционной культуры казахов. В г. Алма-Ата была осмотрена экспозиция исторического музея, в которой выставлены разнообразные предметы андроновской и сакской культур, материалы из курганов кочевников гунно-сарматского периода, раннего и развитого средневековья, из раскопок средневековых городищ: керамика, торевтика, украшения, сбруя, оружие, каменные изваяния и др.

Ознакомление с многочисленными коллекциями археологических находок в музеях Среднеазиатского региона позволяет наглядно представить широкий круг вещественных источников, накопленных в результате многолетней работы археологов. В музеях Киргизстана и Казахстана представлены материалы культур кочевников раннего железного века и средневековья. Они имеют важное значение для проведения сравнительного анализа определения направленности культурных и торговых связей с Северной и Центральной Азией.

Ю.С.Худяков, Е.А.Локотко
г. Новосибирск

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ ОКУНЕВСКИХ СТЕЛ И ИЗВАЯНИЙ В МУЗЕЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ

Своеобразные монументальные памятники Минусинской котловины попали в поле зрения исследователей сибирских древностей в начале ХУШ в. В дальнейшем они длительное

время изучались визуально и интерпретировались в связи с погребальными сооружениями, в составе которых они были обнаружены. Большую работу по фиксации енисейских изваяний проделала в конце XIX в финская экспедиция И.Р.Аспелина. В 1911 г. И.Т.Савенковым были произведены специальные раскопки вокруг изваяния на р. Бюрь, одного из немногих памятников, сохранившихся на месте первоначального расположения. Значительным событием в исследовании енисейских изваяний явилась работа М.П.Грязнова и Е.Р.Шнейдера, вышедшая в 1929 г. Проанализировав большую серию памятников из Минусинской котловины, авторы впервые выделили енисейские изваяния в самостоятельную группу, доказали факт переиспользования этих стел в курганах железного века и отнесли изваяния к карасукской культуре эпохи бронзы. В 1950 г. М.П.Грязнов, вернувшись к анализу изваяний в связи с новыми находками предметов мелкой пластики, предложил датировать их андроновским временем. Изучению изваяний посвятил ряд работ С.В.Киселев. В дальнейшем енисейские изваяния привлекали внимание многих исследователей. Большую работу по классификации изваяний провела Э.Б.Вадецкая. Открытие Г.А.Максименковым серии плит с окуневскими изображениями позволило отнести енисейские изваяния к окуневской культуре. А.Н.Липский предлагал отнести часть енисейских изваяний к эпохе неолита. Анализом хронологии и семантики изваяний занимались Э.Б.Вадецкая, Н.В.Леонтьев, М.Д.Хлобыстина, Я.А.Шер и др. Л.Р.Кызласов, произведя раскопки некоторых памятников, в составе которых изваяния и необработанные стелы установлены в ряды, предложил отнести изваяния к "тазминской культуре" неолитического времени. Однако целесообразность выделения данной культуры вызывает сомнения. Вероятно, ряды поминальных стел, для которых были использованы енисейские изваяния, должны относиться к таштыкской культуре.

В 1950-1960 г. А.Н.Липским была проделана большая работа по сбору изваяний. В Хакасском музее была собрана целая галерея этих памятников. К сожалению, при сборе изваяний не всегда фиксировались условия их честонахождения, что отразилось в оформлении экспозиции Хакасского музея. Ряд изваяний стал достоянием музеев Минусинска и Красноярска, Государственного Эрмитажа и Музея этнографии в Санкт-Петербурге, Государственного исторического музея и кафедры археологии МГУ в Москве.

С начала 1970-х годов начала формироваться коллекция енисейских изваяний в Музее истории и культуры народов Сибири ИИФФ СО АН ССР в Новосибирском Академгородке. В 1970 г. А.К. Конопацкий принес А.П.Окладникову портативное каменное изваяние, обнаруженное на территории НВВПУ в Академгородке. Происхождение этого памятника не установлено, но, по-видимому, он привезен из Минусинской котловины.

В 1972 г. Г.А.Максименков передал в МИКНС несколько плит с рисунками из раскопок могил окуневской культуры. В 1973 г. Л.Р.Кызласов передал в Новосибирск два изваяния из раскопок в котловине Сорга. В 1977 г. плита с изображениями быков, солярного знака и лунок из раскопок Большого Табатского кургана была передана в Академгородок М.Н.Пшенициной.

Большую помощь в деле пополнения коллекции изваяний в г. Новосибирске оказывал Я.И.Сунчугашев, при содействии которого планировалась передача двух изваяний из Хакасского музея. С 1975 г. поисками енисейских изваяний занялись, по инициативе А.П.Окладникова, археологи Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН ССР. В 1975-1983 гг. Ю.С.Худяковым было обнаружено несколько изваяний и плит с рисунками окуневского облика на курганах тагарской культуры на памятниках Тустукель, Утух-Хая-Кисте, Пистах, Хара-Юс в Аскизском, Бейском и Орджоникидзевском районах Хакасии. В 1978 г. в Музей истории и культуры народов Сибири была доставлена стела Утух-Хая-Кисте, в 1979 г. - стела Тустукель. В 1979 г., при содействии В.Я.Буанаева, В.И.Молодиного было доставлено в г. Новосибирск изваяние из с. Усть-Есы.

В 1980 г., при активном содействии Э.А.Севастьяновой и В.Ф.Капелько, сотрудниками четвертого отряда Среднеенисейской экспедиции было доставлено изваяние из с. Подкамень.

Таким образом за десять лет поисков в Музее истории и культуры народов Сибири собрана небольшая коллекция изваяний, стел и плит с рисунками окуневской культуры. Эти материалы, полученные в результате новых исследований, представляют несомненный интерес для изучения енисейских монументальных памятников.

Анализ новых данных должен способствовать разработке музейных экспозиций в соответствии с назначением изваяний, стел и плит с рисунками.

Н.Е.Бердникова
г.Иркутск

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЫДЕЛЕНИЯ “ЗЕМЕЛЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ”

Складывающаяся в последние годы система охраны памятников все более и более требует научного обоснования как отдельных элементов, так и структурных связей между ними. Остро проявилась потребность в этом, когда в законодательстве появилось понятие “земли историко-культурного назначения”, которому необходимо определить четкий правовой статус. Особенno сложно выделять “земли историко-культурного назначения” для памятников археологии, определять их ранжирование и тем самым установить систему их функционирования.

В Иркутском университете начата разработка методики выделения земель историко-культурного назначения для памятников археологии. Она основывается на следующих положениях:

а) терминологическое уточнение и определение основных понятий системы государственной охраны памятников археологии;

б) осознание того, что многие термины и понятия, ими обозначаемые, в системе охраны памятников несут разную операциональную нагрузку, как-то:

- термины, связанные с описательными процедурами,
- термины, связанные с исследовательскими операциями,
- термины, связанные с реконструктивными моделями;

в) практическое выделение земель историко-культурного назначения и закрепление их пространственного положения.

На первом этапе разработки методики были рассмотрены с точки зрения системы государственной охраны памятников следующие понятия:

- археологический памятник;
- культурный (культуросодержащий слой);
- площадь (территория) археологического памятника;
- выраженность археологических памятников в современном рельефе;
- сохранность археологических памятников;
- комплекс и ансамбль археологических памятников;
- культурно-историческая значимость археологических памятников.

Все понятия, перечисленные выше, являются сложноструктурированными и связаны, в большинстве, со всеми тремя указанными выше процедурами.

С точки зрения системы охраны памятников археологическими памятниками являются определенные участки земли, содержащие в себе и на себе информацию о прошлом состоянии человеческого общества, выраженную в виде археологизированных остатков человеческой деятельности.

Археологизированные остатки человеческой деятельности (т.е. археологический памятник), в современном ландшафте имеют выраженность, прежде всего, в плоскости занимаемой ими территории. Определение плоскости памятника есть процесс многофакторный и зависит от:

- тафономических характеристик культурных отложений (Медведев, Несмеянов, 1988),
- форм организации культурных отложений (Воробьев, Медведев, 1984),
- выраженности археологических объектов в современном ландшафте.

Терминологические и понятийные уточнения чрезвычайно важны для выделения плоскости памятника - базовой единицы “Земель историко-культурного назначения” для археологических объектов в системе охраны памятников.

Для закрепления пространственного положения земель историко-культурного назначения были разработаны принципы составления карты археологических объектов (Бердникова, Савельев, Медведев, Ветров, 1990; Указатель археологических памятников... Усольский район, 1991).

Г.В.Длужневская
г. Санкт-Петербург

О ФОТОТЕКАХ И КАТАЛОГАХ КРАСНОЯРСКОГО И МИНУСИНСКОГО МУЗЕЕВ

Вопросы музееведения в целом не часто являются предметом обсуждения специалистов; еще реже рассматриваются вопросы о фототеках музеев, их специфике, значении и использовании. Музейные собрания включают богатые коллек-

ции фотодокументов, по сути, как часть музейного фонда, принятого на учет и хранение наряду с остальными материалами. Тогда как фототеки краеведческих, объединенных и прочих музеев, имеющих археологические и этнографические отделы и ведущих самостоятельные полевые исследования, скорее сродни научно-отраслевому фотоархиву ЛОИА АН ССР. Известно, что при разработке техники ведения фотоархива при научно-исследовательском учреждении - еще в 40-50 годах Т.М.Девель учитывала, в первую очередь, опыт фототеки Музея этнографии народов ССР (Ленинград).

Взаимосвязь фотографических отделов Красноярского и Минусинского музеев с фотоархивом ЛОИА, помимо специфики документации, обусловлена наличием среди материалов ленинградского фотоархива коллекции негативов и отпечатков, сделанных с предметов, хранящихся в данных музеях.

В настоящее время в музееведении достаточно прочно утвердилась практика публикации каталогов выставок. Но даже наиболее полные каталоги не включают всех изображений экспонируемых материалов.

Крайне редко сохраняются снимки залов и витрин, планы временных экспозиций, хотя данные документы, бесспорно, отражают важные страницы истории как музейного дела, так и истории культуры, а иногда даже остаются единственными изобразительными материалами.

Каталог "Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох", составленный Д.А.Клеменцем и изданный в 1886 г., и монография Ф.-Р.Мартзна "Бронзовый век в Минусинском музее" (Стокгольм, 1893) являются единственными изданиями, далеко не полно представляющими богатейшие коллекции одного из первых музеев Сибири.

"Описание коллекций и материалов археологического отдела Красноярского музея", составленное В.Г.Карзовым и опубликованное в 1929 г., остается единственным целенаправленным изданием коллекций Красноярского музея.

Материалы из этих музеев часто используются археологами и выборочно публикуются ими, тогда как назрела скорее необходимость издания полных каталогов, скажем, археологических коллекций. Примером такого издания может служить "Каталог археологических коллекций", составленный Б.А.Раевым (Новочеркасск, 1979), по материалам Музея истории Донского казачества. В каталоге приводятся инвентарный номер и наименование предмета, краткое описание его, если не имеется рисунка (или фотографии), место находки, источник

и время поступления, ссылка на рисунок и литература, где предмет был опубликован. Материал сведен в таблицы рисунков. Хорошим примером также может послужить каталог выставки "Древности Таджикистана" (Душанбе, 1985), где представлены фотографические изображения предметов.

В предисловии к "Каталогу" Д.А.Клеменца 18 января 1886 г. Н.М.Мартъянов писал, что "если первая попытка ознакомить публику с древностями нашего края будет признана небесполезной, то мы постараемся, по мере сил и средств, выпустить в возможно непродолжительном времени описание" коллекций, которые не вошли в издание. Попытка оказалась определено небесполезной и выдержала испытание временем, но, к сожалению, не получила продолжения в отношении Минусинского и Красноярского музеев. Что и является важнейшей задачей в наши дни.

При издании значительно пополнившихся фондов данных музеев необходимо использовать материалы фототек, а также фотоархива ЛОИА для проверки наличия и состояния предметов.

Не исключено, что археологические и этнографические материалы нуждаются в реставрации или вовсе утрачены. В случае утраты самих материалов фотонегативы или позитивы могут явиться единственным свидетельством их былого наличия, и тем важнее их скорейшее опубликование.

Знакомство с техникой ведения фотоархива "изнутри" позволяет предположить, что и сами фотодокументы нуждаются в проверке наличия и сохранности. Инвентаризация, связанная с составлением каталогов позволит выявить гаснущие хранения, создавать современные картотеки и многие другие, о чем, к сожалению, до сих пор мало задумываются архивные работники, теряя при этом ценнейшие документы.

Отсутствие своевременных публикаций при утрате и вещественных, и фотографических материалов полностью обесценивает труд исследователей. Более того, если "фотография - это память народов", то мы постепенно теряем свою память, свое близкое и далекое прошлое.

Н.А.Белова, Р.В.Васильева
г. Санкт-Петербург

МАТЕРИАЛЫ РУКОПИСНОГО АРХИВА
ЛОИА АН СССР КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
МУЗЕЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

В рукописном архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР имеются материалы, отражающие исследования сибирских древностей от случайных находок, эпизодических раскопок, частных коллекций до создания местных музеев и систематического исследования Сибири. Этот комплекс документов сложился в результате деятельности ведущих дореволюционных археологических учреждений и обществ, какими являлись Императорская Археологическая Комиссия (АК), один из ее предшественников - Министерство Внутренних Дел (МВД) и Русское Археологическое Общество (РАО).

Хронологические рамки материала, хранящегося в рукописном отделе, - 1837-1917 гг. Самые ранние документы (материалы) (1837-1847 г.) отложились в фонде МВД (ф. 6). В их числе документы, поступившие в ответ на циркуляры МВД, - "О памятниках древности. Сведения, полученные от начальников губерний Сибири: Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской и Якутской областей" (ф. 6, д. 52, ч. IX), в которых собраны всевозможные сведения о древних памятниках Сибири.

По документальной насыщенности наиболее полно в архиве представлен период научного освоения Сибири во второй половине XIX в. В известной степени это связано с деятельностью АК. 1860-1870 гг. - это переписка АК с Восточно-Сибирским отделом Географического общества, государственными учреждениями и частными лицами о различных находках, покупках древностей у местных жителей, коллекционеров, раскопках любителей древностей и местных краеведов (раскопки И.Александрова в 1866-1871 гг.), И.А.Лопатина в 1871 г.), об эпизодических раскопках ученых, путешествующих по Сибири (В.В.Радлов 1862-1863).

* Здесь и далее: Ленинградское отделение Института Археологии АН СССР.

** Здесь и далее ф. - фонд, д. - дело, ч. - часть.

Конец 70-х — начало 80-х годов прошлого столетия отличается от предшествующего периода качественно новым подходом к научным исследованиям в области археологии, когда в задачи исследования включается не только процесс изыскания, но и принимаются меры "к приведению в известность многочисленных интереснейших памятников быта древних обитателей" (Мартынов, ф. З, д. 140), а цель - не только открыть памятники, но сделать его достоянием многих ученых путем создания общедоступных музеев. Накопленный за многие годы обширный археологический материал требовал систематизации, осмыслиения и изучения. Поэтому, по словам Л.Н.Майкова: "... весьма естественным и желательным" было создание провинциальных музеев "как прямого и ближайшего результата местных археологических изысканий".

Одним из центров сосредоточения археологического материала Сибири стал организованный в 1877 г. местный музей в Минусинске, учредителем и долгие годы директором которого был Мартынов Н.М. В архиве сохранились документы по истории музея, его организации и деятельности на протяжении 1877-1902 г. (ф. 1, 3). Среди них рукописи Мартынова Н.М. "Историческая записка о минусинском местном музее", "Древности Минусинского края" с приложением 107 рисунков, часть из которых выполнена Ганченко, археологическая карта памятников Минусинского округа (1886 г.), составленная Д.А.Клеменцем, переписка музея с РАО и АК.

Вслед за минусинским музеем на территории Сибири в разные годы открываются музеи: Томский университетский музей древностей и изящных искусств (1882), Енисейский общественный местный музей (1883), Нерчинский публичный музей (1887), Красноярский (1889), Тобольский (1890) и другие.

В самой непосредственной связи с учреждением и деятельностью местных музеев находятся археологические изыскания, проводившиеся в этот период на территории Сибири. Среди документов архива дневники, полевые отчеты, описи находок, планы курганов, фотографии вещей, рисунки из раскопок А.В.Адрианова (1898-1899, 1903-1904, 1895 гг.), И.Аспелина, проф. Гельсингфорского университета (1889 г.), И.П.Кузнецова (1884; 1910-1915 гг.), Д.А.Клеменца (1888-1890 гг.), П.С.Прокураякова (1897-1899 гг.) и других. Особую группу документов составляют изобразительные материалы. Они включают фотографии коллекций находок, акварельные рисунки (например, рисунки Станкевич), схемы и планы раскопок, археологические карты.

Л.Ю.Березовская
г. Санкт-Петербург

ФОТОГРАФИИ ДРЕВНОСТЕЙ МИНУСИНСКОГО И КРАСНОЯРСКОГО МУЗЕЕВ В СОБРАНИИ ФОТОАРХИВА ЛОИА АН ССР

Одной из важнейших задач музеев является, наряду с пополнением фондов новыми экспонатами, обеспечение сохранности уже имеющихся фондов. Такими мерами являются: реставрация, тщательное описание и издание каталогов. Нам кажется, что одной из действенных мер может быть фотографирование экспонатов, таким образом даже в случае утраты вещи по тем или иным причинам можно будет работать с фотографией.

Фотоархив ЛОИА располагает фотографиями древностей из Минусинского и Красноярского музеев. Фотографии поступали в архив разными путями. Одно из наиболее ранних поступлений - серия фотографий древностей Минусинского музея, сделанных в 1889 г. Иоганном Аспелином и Акселем Гейкелем - учеными из Гельсингфорса (Хельсинки) во время их экспедиции в Енисейской губернии. Исследователи передали комплект фотографий в Императорскую археологическую комиссию, а описание к этим снимкам по просьбе А.А.Борринского составил Н.М.Мартынов - заведующий Минусинским музеем.

С 1895 по 1903 г. Комитет Минусинского музея ежегодно присыпал смонтированные на планшетах древности, приобретенные музеем, сопровождая их описями, в Императорскую археологическую комиссию (АК) на "Высочайшее рассмотрение". В Петербурге древности осматривались, их фотографировали и иногда выставляли, после чего они возвращались в музей. Фотографии остались в АК и затем попали в фотоархив, причем описи и переписка музея с АК хранятся в рукописном архиве ЛОИА до настоящего времени. Кроме этих поступлений в фотоархиве ЛОИА имеются снимки древностей Минусинского музея, сделанные в 1903 г. А.А.Адриановым и в 1911 Бекреевым.

Древности Красноярского музея представлены в фотоархиве ЛОИА не столь широко. Это небольшая серия фотографий, сделанная Бекреевым в 1911 г., а также серия снимков неизвестного происхождения с изображениями керамики, поступившая в фотоархив в составе архива А.А.Спицина.

Такова история коллекции, после ее изложения можно перейти к обзору материалов.

Минусинский музей:

серия фотографий, переданных Гейкелем и Аспелином в 1889 г. 41 отп. №№ 153/2471-2541;
фотографии древностей приобретенных музеем в 1895 г. - 9 нег., 9 отп. инв. №№ 200-208;
фотографии древностей, приобретенных музеем в 1896 г. - 5 нег., 5 отп. инв. №№ 778-781, 783;
фотографии древностей, приобретенных музеем в 1897 г. - 18 нег., 18 отп. инв. №№ 1174-1191;
фотографии древностей, приобретенных музеем в 1898 г. - 25 нег., 25 отп. инв. №№ 1607-1631;
фотографии древностей, приобретенных музеем в 1899 г. - 16 нег., 16 отп. инв. №№ 2021-2036;
фотографии древностей, приобретенных музеем в 1900 г. - 11 нег., 11 отп. инв. №№ 2723-2723;
фотографии древностей, приобретенных музеем в 1901 г. - 11 нег., 11 отп. инв. №№ 3020-3030;
фотографии древностей, приобретенных музеем в 1902 г. - 20 нег., 20 отп. инв. №№ 4093-4112;
фотографии древностей, приобретенных музеем в 1903 г. - 10 нег., 10 отп. инв. №№ 5773-5780;
фотографии древностей музея из собрания Бекреева - 14 отп. инв. №№ 153/2542-2555; снимки 1911 г.;
фотографии древностей музея, сделанные А.А.Адриановым в 1903 г. 63 отп. инв. №№ 153/1671-1733.

Красноярский музей:

фотографии древностей музея из собрания Бекреева - 8 отп. инв. №№ 153/2565-2572;
серия снимков неизвестного происхождения - 31 отп. инв. №№ 153/2600-2630.

Все эти материалы отражают археологические коллекции музеев. Они обработаны и доступны исследователям в полном объеме.

* Здесь и далее - отп. - отпечаток, нег. - негатив.

З.А.Абрамова
г. Санкт-Петербург

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БИФАСИАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В ПАЛЕОЛИТЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ И СИБИРИ

1. В Средней Азии древнейшие - домусьеерские местонахождения, расположенные у подножья горных массивов - это стоянки галечной культуры. Единственное исключение представляет Кульбулак (Узбекистан) - уникальный многослойный памятник, на котором М.Р.Касымовым вскрыто 49 неподревоженных культурных слоев, разделенных стерильными прослойками. 22 нижних слоя отнесены к ашелью и, согласно данным естественных наук, располагаются в верхней части нижнего плейстоцена (нанайского или сохского цикла) и в нижней части среднего плейстоцена (ташкентского цикла). В нижних (среднеашельских) слоях отмечено появление бифасов, в верхних (позднеашельских) представлены двусторонне обработанные наконечники копий. Другие стоянки, обладающие бифасиальной техникой, находятся на равнинах Туркменистана и Казахстана. Все они представляют поверхностные находки и датировка их не может считаться уверенной, некоторые могут быть мустьеерскими и даже неолитическими. Самый северный из этих пунктов - Вишневка 3, где бифасы, собранные на коренном склоне долины р. Ишим, отнесены В.С.Волошиным к ашелью с нижней хронологической границей миндель-рисс.

2. Далее на восток - на Алтае, Ангаре, Амуре - спорадически отмечены пункты галечной культуры, но начинают встречаться и древние орудия двусторонней обработки. Необходимо подчеркнуть, что традиция бифасиальной техники в палеолите Сибири в целом не является характерной или отличительной чертой. Число памятников с двустороннеобработанными орудиями невелико и, чаще всего, бифасиальные изделия не составляют значительных серий, скорее они единичны. Исключительный интерес поэтому представляла первая находка бифаса, сделанная А.П.Окладниковым в 1977 г. у с. Богородского на правом берегу р. Амур у подножия террасы, которую, по геологическим данным, относят к среднему плейстоцену. А.П.Окладников сравнил эту находку по форме и технике с аббевильскими бифасами. В 1988 г. С.Н.Астахов обнаружил местонахождение Торгалы А в Туве, отличающееся от прочих наличием бифасов. По весьма приблизительным

геологическим данным и по степени коррозии предметов С.Н.Астахов считает возможным отнести эту серию из 7 изделий, среди которых только одно представляет законченное орудие, по крайней мере, к среднему плейстоцену. По его мнению, техника расщепления, вторичная обработка и типология не противоречат домусьеерскому, возможно, ашельскому, определению комплекса. Еще большее значение имеет обнаружение новосибирскими археологами под руководством А.П.Деревянко в 1989 г. целой серии бифасов на местонахождении Мохово 2 в Кузнецком Алатау. Культурные остатки рассеяны в двух слоях погребенных почв и разделяющем их слое суглинка. Вместе с каменными изделиями в слоях найдены кости дикой лошади и носорога, а у подножия обнажения, помимо этих видов, еще кости мамонта, зубра, лося и каких-то оленей и хищников. В целом, фауна определена как имеющая позднеплейстоценовый возраст. Каменный инвентарь включает 26 орудий, 9 из них представляют бифасы и их обломки. Поскольку геологические условия залегания не позволяют пока датировать этот памятник, авторы идут по пути поиска аналогий, в том числе чрезмерно удаленных территориально, что, однако, позволило им предпочесть из двух вариантов значительную древность материалов (ашель, ранее мустье). На наш взгляд, наличие сходных бифасов в таких памятниках, как Каракол, с одной стороны, и Каштанка I A, с другой, - показывает возможность отнесения Мохово 2 к началу верхнего палеолита, что согласуется с характером фауны.

3. Что касается стоянок мустьеерской эпохи, здесь также много неясного. Интересно отметить, что в мустьеерскую эпоху, в настоящее время хорошо изученную в Южной Сибири, особенно на Алтае, бифасиальная техника плохо представлена. Возможно, что листовидный бифас из культурного слоя 4 стоянки Усть-Каракол I - мустьеерский. В вышележащем слое 3 этого памятника отмечено 5 бифасов. Этот слой датируется началом верхнего палеолита. Вместе с Каштанкой (Енисей) и, возможно, Мохово 2 появляется новая традиция в верхнем палеолите Сибири, поскольку ранее в эту эпоху находились не настоящие бифасы, а листовидные наконечники или двусторонне обработанные скребла. В этой связи можно вспомнить бифасиальный листовидный наконечник из Усть-Канской пещеры, не обнаруживающий заметных связей с мустьеерскими материалами этого памятника и напоминающий наконечник из верхнепалеолитической мастерской Кумары III

(Амур) или наконечники эгет-бейсн палеоиндейской традиции Северной Америки, хотя такие аналогии ровно ничего не доказывают.

4. Бифасиальные листовидные наконечники редко встречаются в верхнем палеолите Енисея, Ангара или Селенги. На Енисее выделены две археологические культуры времени сартанского оледенения: афонтовская и кокоревская. Одной из характерных черт первой является наличие редких скребел или ножей бифасиальной обработки, но без наконечников; вторая лишена двусторонней обработки. Среди многочисленных палеолитических стоянок только две: Тарачиха и Каштанка I A, не принадлежащие к афонтовской, ни к кокоревской культуре и, по всем данным, относящиеся к более древнему времени, обладают единичными бифасиальными листовидными наконечниками. Для палеолита Ангара бифасиальная техника не характерна. Лишь на стоянке Усть-Кова в верхнем и среднем слоях отмечены наконечники, хотя ножи и скребла двусторонней обработки встречаются и на других памятниках. В Забайкалье, в бассейне реки Селенги имеется много стоянок на поверхности развеянных песков. Среди сборов встречаются бифасиальные наконечники и скребла. На стратифицированной стоянке Ошурково отмечаются только скребла. Далее к востоку расположена одна из наиболее интересных стоянок Сохатино 4 (Чита). Хотя материалы ее не опубликованы монографически, очевидно, что в каменном инвентаре встречаются не только скребла бифасиальной обработки, но и ножи, и наконечники. Трудно судить о возрасте этой стоянки, поскольку две ее радиоуглеродные даты очень различны.

К северу от Забайкалья лежит обширная область распространения дюктайской археологической культуры со стоянкой-эпонимом Дюктайской пещерой, культурные слои которой датируются концом ледниковой эпохи. Наиболее характерными орудиями в каменном инвентаре являются бифасиальные наконечники и ножи. Возможно, к этой культуре относится самая северная палеолитическая стоянка Берелех, расположенная недалеко от знаменитого "мамонтового кладбища", почти на 71 гр. с.ш.

На юге Дальнего Востока сделано немало важных открытий, но проблемы возраста, периодизации и выделения археологических культур палеолита этого региона еще далеки от решения. Своебразие окружающей среды наложило определенный отпечаток на облик каменных индустрий, поэтому столь трудны сравнения с собственно сибирским палеолитом.

5. В настоящее время вообще невозможно ответить на многие вопросы, связанные с бифасиальной техникой обработки, в частности вопросы ее происхождения и развития, появление рубил и листовидных наконечников. Непременным условием должно быть четкое различие между ними, тем более, что появившаяся в литературе тенденция называть бифасами даже наконечники стрел еще больше запутывает проблему. Беглый неполный обзор позволяет, тем не менее, расположить памятники, в той или иной мере связанные с двусторонней обработкой, в трех неравнозначных хронологических срезах: домусьеरские, мусьеरские и верхнепалеолитические. В Средней Азии все стоянки домусьеरские - без возможного уточнения. В Северной Азии бифас из Богородского и бифасы из Торгалька A могут быть, скорее всего, ашельскими, но возраст орудий из Мохово 2 нуждается в дальнейшем обосновании. Для сибирского мусье не характерно наличие двусторонней техники обработки, поэтому нет твердой уверенности в возрасте листовидного наконечника из Усть-Канской. В том, что касается верхнего палеолита, то, может быть, наиболее древними следует считать наконечники из Усть-Ковы (средний слой) и Тарачихи, стоянок времени, предшествующего сартанскому оледенению. Наконечники из Верхоленской Горы, Дюктая, Берелеха, Ушковских стоянок относятся к финальному палеолиту и, таким образом, в развитии техники двусторонней обработки нет последовательной определенной линии.

Е.В.Артемьев
г.Красноярск

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ В АНАЛИЗЕ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ И ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПЕРЕХОДНЫХ ПЕРИОДОВ В ТЕХНОЛОГИИ КАМЕННОГО ВЕКА

Применение типологического метода, разработка различного рода классификаций и корреляционных схем, широко представленных в научной литературе, основываются в целом на аналогиях между комплексами артефактов, характеризующимися повторяемостью технико-типологических характеристик.

Исследователями при этом априорно принимается положение о наличии у древних мастеров мысленного образа, модели изготавливаемого предмета. Однако при работе с инвентарем возникает представление о более сложной системе сложения образа, его эксплуатации и последующей эволюции в процессе развития технологии обработки камня.

Если рассмотреть в общем процесс формирования стереотипа деятельности, то получится структура из четырех последовательных этапов:

1. Формирующаяся потребность получения определенного результата (артефакта, техники и т.д.) обуславливает возникновение представлений о структуре и характере желаемого продукта, его полезных свойств.

2. Осознание необходимости получения данного продукта формирует образ технических операций и самой продукции в конкретных показателях технологии и формы.

3. Непосредственная деятельность по достижению необходимого результата, которая складывается из различных операций опробования тех или иных приемов и выбора оптимального технологического варианта.

4. Под воздействием повторяемости трудовых операций, закрепляющих оптимальный технологический вариант, складываются модели, формы получаемого изделия, а также комплекс технических приемов, посредством которых этот результат достигается.

Таким образом, более или менее стандартизованный каменный инвентарь является уже результатом данного процесса и свидетельствует об уже сложившейся технике (или их совокупности). Причем, в каждом конкретном случае локальные различия и модификация могут быть следствием своеобразия этнокультурного порядка, проявляющимся в выборе оптимального переходного варианта.

В последнее время появляются работы, затрагивающие вопросы эволюции той или иной группы изделий. При этом, как правило, в качестве переходных комплексов приводятся совокупности артефактов, иллюстрирующих уже свершившийся переход с достаточно высоким уровнем стандартизации, что мне кажется не совсем верным.

Нет необходимости раскрывать положение о предполагаемой сильной роли социальных запретов древнейшего населения,

* Например, различные варианты леваллуазских нуклеусов, техники клиновидных нуклеусов и др.

касающихся традиций в технологии, ибо это продиктовано было прежде всего стремлением самосохранения социальной группы.

Значит, стандартизация является следствием не только оптимальности, но и закреплением в качестве опыта, регулируемого в рамках консервативности, сложившихся образов действия, передаваемого в практической неизменности.

В итоге только необходимость служит причиной дальнейшей эволюции технологии обработки камня. И переходные комплексы в чистом виде представляют собой совокупность каменного инвентаря с низким уровнем стандартизации, фиксирующую моменты технологического экспериментирования (естественно, что здесь речь идет только об эволюционирующих группах изделий).

При анализе мы, таким образом, столкнемся с известным многообразием переходных форм, что отнюдь не свидетельствует о многовариантности совершаемого технологического перехода, так как тогда мы будем иметь дело с артефактами, отображающими лишь процесс опробования путей эволюции.

Нам представляется, что более эффективным будет поиск переходных форм в комплексах с высокой стандартизацией изделий более позднего времени, где уже выбранный путь технологического развития зафиксирован в качестве устойчивой традиции и закреплен в передаче опыта.

Данную работу можно рассматривать лишь как попытку объяснить ряд закономерностей развития технологии обработки камня. При дальнейших исследованиях, несомненно, появятся результаты, свидетельствующие об истинности или ложности ее. Однако, мне кажется, что некоторые спорные моменты, касающиеся переходных периодов в технологии каменного века могут быть выяснены с помощью предлагаемой схемы.

В.А.Ранов
г. Душанбе

ТЕРМИН "КЛИВЕР" И ЕГО ДЕФИНИЦИИ

Термину кливер (англ. - дровокол, нож мясника) соответствует ашеро (фр. - топорик; исходя из традиции русского перевода слов, начинающихся с буквы "Н" следовало

бы говорить "гашеро" по аналогии "омо сапиенс - гомо сапиенс" и т.д.). В советской литературе употребляется термин кливер. В.Н.Гладилин, подчеркивая особенность орудий этой группы из Королево (отсутствие краевой ретуши), называет отщепы с массивным основанием и поперечным лезвием сечками.

Наиболее подробно кливеры исследованы в Африке, особенно французскими исследователями (Ж.Тикье, 1956; Ж.Шавайон, 1964 и др. Сводка по французским работам, относящимся к этому термину, приведена у М.Брезийона, 1968). Судя по находкам кливеров в среднем слое Олдувайского ущелья и широком их распространении в Африке, можно умать, что орудия этого типа возникают еще в Олдувае именно на этом континенте, откуда они распространяются на юг Европы, Ближний Восток и в Индию. Сходство хорошо выраженных образцов кливеров в Африке и Индии проявляется настолько ярко, что говорить о возможной конвергенции просто затруднительно.

Если обратиться к дефинициям кливеров, то главным определением для этого орудия у подавляющего большинства авторов будет существование поперечного, специально не обработанного лезвия (рабочего края), образованного двумя сходящимися плоскостями скользования - обработанными или нет. Отмечается еще массивность основания, сечение в виде параллелограмма или V-образное, общая подпрямоугольная форма. Подавляющее число кливеров сделано из отщепов, часто краевых. Специальная крутая ретушь, альтернативная или простая, с двух сторон или с одной стороны, но всегда имеющая характер затупливающей, создает по длинным сторонам изделия обушок. Но наличие или отсутствие такой ретуши или более грубой обработки, имеющей то же назначение, отмечается далеко не всегда, и это открывает возможность для отнесения к кливерам любого массивного отщепа, имеющего подпрямоугольные очертания и поперечный рабочий край. Но правильно ли это? Как и во многих других случаях, пытаясь давать в палеолите точную дефиницию какого-либо изделия, мы от главной ("классической") формы очень быстро уходим к менее ярко выраженным типам и весь вопрос состоит в том, чтобы не потерять нить "принципа сделанности", когда-то удачно провозглашенного А.Г.Медоевым. Сечки Королево, бесспорно, сделаны при помощи специально отработанного приема, суть преднамеренно сделанные предметы, повторенные в десятках образцов, хотя и не имеющие

вторичной обработки, но орудия. Однако массивный отщеп, не имеющий затупливающей ретуши или хотя бы серии крупных сколов, сделанных с той же целью на длинных сторонах артефакта, может получиться и случайно. Поэтому называть подобное изделие кливером будет неправильно.

На мой взгляд, к группе кливеров надо относить изделия, имеющие поперечное лезвие, вытянутую подпрямоугольную форму, крутую затупливающую ретушь или грубую подправку по длинным краям, придающую артефакту симметричные очертания и сечение в виде параллелограмма или V-образное. Изделия, не имеющие данных признаков, следует описывать индивидуально или давать им свои локальные названия как это сделано для Королево. Классические типы кливеров из Северной Африки (Музей Человека в Париже) или стоянок мадрасской культуры (Храмилище Сафарджант в Дели) наводят на мысль, что боковая затупливающая ретушь этих орудий нижнего палеолита лежит в основе идеи затупливания спинки, столь ярко проявившейся на более поздних этапах развития палеолита.

В.П.Чеха
г. Красноярск

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СЕВЕРО-МИНУСИНСКОЙ ВПАДИНЕ

1. Северо-Минусинская впадина отличается высокой плотностью палеолитических памятников, на порядок превосходящий этот показатель для соседних впадин Минусинского межгорного прогиба. Памятники приурочены исключительно к долине Енисея, где на протяжении около 100 км выявлено свыше 50 стоянок и местонахождений (Палеолит Енисея, 1991; Хроностратиграфия..., 1990). Небольшая группа памятников известна в предгорьях Кузнецкого Алатау.

2. Эти различия обусловливались, надо полагать, природными условиями. Видимо Северо-Минусинская впадина в конце позднего плейстоцена была, как и ныне, менее засушлива по сравнению с другими впадинами прогиба. Благоприятствовали морфоструктурный и ландшафтный факторы. На всем протя-

жении впадины Енисей протекает в пограничной между впадиной и Восточным Саяном зоне, разделяя горные таежные и лесостепные, степные ландшафты. Такое положение определяло действие известного в экологии "эффекта краевых границ", обуславливающего ряд важных для проживания человека последствий.

3. Самыми распространенными в долине Енисея являются стоянки позднего палеолита. Плотность заселения людьми долины в эту эпоху была неравномерной. Места максимальной концентрации стоянок известны под названиями Таштыкской, Кокоревской, Новоселовской групп, Куртакского археологического района (Цейтлин, 1979; Дроздов, Чеха, 1991). Достаточно четко проявлены закономерности размещения таких групп. Во всех случаях они приурочены к краевым частям сильно расчлененных холмистых и низкогорных массивов, прорезаемых Енисеем (предгорья Батеневского кряжа, Северный склон Кокоревского поднятия, юго-западный и юго-восточный склоны Новоселовского поднятия). Очевидно, что такие участки обладали для человека положительным сочетанием геоморфологических, гидрологических, ландшафтных условий (расчлененный рельеф с многочисленными спускающимися к реке и притокам логами, склоны разных экспозиций, часть которых была покрыта древесной растительностью, наличие полугорных небольших рек и ручьев, видимо подпитывавшихся подземными водами из толщ палеозоя). В более крупном плане естественной в таких районах была связь с приусыевыми частями притоков Енисея. Ориентировка склонов существенной роли не играла, стоянки располагались на тех и других берегах притоков.

4. Так называемая группа "памятников высоких террас" (Палеолит Енисея, 1991) связь с террасами имеет спородствованную, либо такой связи не выявляется. Более определенно намечается ассоциация этой группы позднепалеолитических памятников с долинами небольших притоков Енисея. Учитывая отчетливое двухъярусное строение долины, целесообразно для таких археологических объектов дать название "памятники верхнего яруса долины Енисея".

5. В верхнем ярусе долины Енисея выявлены памятники и более древние, чем позднепалеолитические (Хроностратиграфия..., 1990). Иными для них являются и закономерности размещения. Они приурочены к расширениям долины, а в пределах последних к вскрытым абразией Красноярского водохранилища цоколям древних террас.

Н.Ф.Лисицын
г. Санкт-Петербург

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Несмотря на более чем столетнее изучение каменного века на Енисее, данных о времени перехода от мустье к позднему палеолиту практически нет. Единственный стратифицированный мустьерский памятник (пещера Двуглазка) в этом регионе не имеет радиоуглеродной привязки. В качестве репера пока могут служить две даты (32 и 31 тыс. лет назад), полученные недавно по древесному углю из нижнего слоя стоянки Куртак-4. К слову привязываются находки треугольных мустьерских отщепов, кости носорога и гигантского оленя.

Наиболее ранние памятники позднего палеолита в Минусинской котловине датируются концом каргинского межледникова. По характеру обработки камня и типам изделий намечаются две линии или два пути развития. Комплекс стоянки Куртак-4 (верхний слой) характеризуется техникой изготовления орудий на отщепах. Многоплощадочные галичные ядрища не имеют заранее подготовленных ударных плоскостей. Представлены скребла, скребки, зубчатые и выемчатые изделия, проколки, своеобразный костяной инвентарь. Зафиксирована многочисленная мамонтовая фауна. Интересно отметить, что в костных остатках полностью отсутствует северный олень - индикатор наступления сартанского оледенения. Многочисленные даты по углю и кости укладываются в рамки 25-24 тыс. лет.

Совершенно другая традиция обработки камня наблюдается в коллекции стоянки Сабаниха (26-24 тыс. лет). Изделия изготавливались на пластинках, снятых с плоских ядрищ с тщательно подготовленными ударными площадками. Очень выразителен орудийный набор: острия, остроконечники, концевые скребки, ретушированные пластины, коленчатые ножи, выемчатые формы, проколки, долотовидные и стамескообразные изделия, костяные иголки и тесла. В фауне доминирует гигантский олень, отсутствует северный олень. Инвентарь стоянки Куртак-4 дает возможность поставить вопрос о местных истоках формирования афонтовской культуры. Аналогичны инвентарю Сабанихи материалы стоянки Малая Сыя в Хакасии.

Возраст последнего памятника, вероятно, более поздний, чем предполагается его исследователями.

На начальных стадиях сартанского оледенения существовали стоянки Тарачиха, Афанасьева Гора, Шленка, Новоселово-13 (нижний слой), Приморск. Наиболее яркими изделиями в коллекциях данных памятников являются мелкие пластины с притупленным крутой ретушью краем и с усеченным ретушированным концом. Скалывание заготовок производилось с небольших односторонних плоских ядрищ со скосенными площадками. Возраст памятников, судя по радиоуглеродным датам, колеблется в пределах 22-18,5 тыс. лет. Генетические корни группы не выявлены, не исключено, что имеется связь с комплексами типа Сабаниха. В культурно-историческом плане енисейские стоянки входят в круг памятников мальтийской культурной общности. Среди находок фиксируются первые признаки зарождения техники торцевых микроядрищ. Объектом охоты наряду с мамонтом становится северный олень.

Более поздние верхнепалеолитические памятники, относящиеся к афонтовской и кокоревской культурам Енисея, изучены хорошо, но определенные затруднения вызывает проблема начальных этапов формирования этих комплексов. Обе культуры имеют вполне сложившийся вид. Если время существования стоянок кокоревской группы ограничено серией радиоуглеродных дат в рамках 15-11 тыс. лет, то вопрос о хронологии поселений афонтовского типа остается открытым. Неясность геологического возраста самого древнего памятника афонтовской культуры - стоянки Афонтова Гора II (нижний слой); обилие в инвентаре разнообразных торцевых микроядрищ "классических" пропорций, не встречающихся на поселениях раннесартанского возраста; преобладание среди фаунистических останков костей северного оленя позволяет поставить вопрос о более позднем, чем принято сейчас, времени существования данной стоянки. Каменный инвентарь и фауна Афонтовой Горы-II аналогичны комплексу Кокорево-II, что дало возможность З.А.Абрамовой (1979 г.) высказать предположение о рамках существования первого поселения в пределах 17-16 тыс. лет. Таким образом, между стоянками типа Куртак-4 (верхний слой) и афонтовскими памятниками существует хронологический разрыв в 7-8 тыс. лет, что не позволяет пока говорить о непрерывной линии развития. Необходим поиск промежуточных звеньев.

Из-за огромного временного интервала нельзя связать пластинчатый комплекс стоянки Сабаниха с коллекциями

кокоревских памятников. Также как нельзя напрямую сопоставить крупные изделия на пластинах кокоревской культуры с мелким пластинчатым инвентарем более поздних (раннесартанских) орудийных наборов. В связи с этим представляют интерес находка немногочисленных каменных изделий переходного характера в среднем слое стоянки Новоселово-13. Эти предметы позволяют поставить вопрос о преемственности между коллекцией нижнего (раннесартанского) слоя и типично кокоревским комплексом верхнего (позднесартанского) горизонта.

Афонтовская культура с техникой отщепа и кокоревская пластинчатая индустрия развиваются параллельно вплоть до голоцен, причем первая занимает территорию всей Минусинской котловины, а вторая концентрируется в северной части. Общими признаками для этих культур являются широкое использование техники торцевых микроядрищ и способ хозяйствования, основанный на охоте на одни и те же виды животных.

Нельзя не отметить и проблему появления в позднесартанское время на южной границе Минусинской котловины своеобразного пластинчатого комплекса в коллекции стоянки Голубая-I. Вопрос о генезисе этой пластинчатой индустрии остается открытым.

Очень сложна задача определения конца палеолитической эпохи на Енисее из-за отсутствия раннеголоценовых памятников. К рубежу плейстоцена-голоцена происходит нивелировка культурных комплексов кокоревской и афонтовской культур. Исчезает ряд палеолитических типов: долотовидные орудия, выемчатые формы, резцы, острия и остроконечники, проколки и др. Среди нуклеусов торцевого скальвания клиновидные формы постепенно замещаются аморфными формами с негативами снятия микропластин с узкой стороны отщепа или осколка. К голоцену исчезает и основной объект охоты в конце палеолита - северный олень.

Судя по многочисленным сборам с развеянных дюнных стоянок в южной части Минусинской котловины, относящимся не к самым ранним этапам голоцена, из палеолитических типов изделий в обиходе остаются только скребла и скребки. Появляется группа рубящих орудий с двусторонней оббивкой, тесла, серии призматических микронуклеусов различных пропорций и аморфные микроядрища на случайных сколах. Индустрия имеет ярко выраженный микролитический характер, свойственный мезолитическому времени.

Таким образом, границу между палеолитом и мезолитом в Минусинской котловине условно можно провести по временному интервалу рубежа плейстоцена-голоцена. Открытие и изучение раннеголоценовых стоянок сможет уточнить наши представления о finale палеолита на Енисее.

Г.А.Демиденко, Н.И.Дроздов
г. Красноярск

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА
КАЗАНЦЕВСКОГО МЕЖЛЕДНИКОВЬЯ
КАМЕННОЛОЖСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
УЧАСТКА

Казанцевские педокомплексы вычленяются в нескольких разрезах позднеплейстоценовых отложений Куртакского археологического района на Красноярском водохранилище в Новоселовском районе. Наиболее физиономично по морфологическим признакам казанцевские почвы фиксируются в разрезах археологических объектов Бережково и Каменный лог. Ископаемая почва Казанцевского времени получила региональное название Каменноможской.

Стратиграфически почвы залегают на разных глубинах от дневной поверхности, а свой нижней границей вы полаживают древнюю поверхность выравнивания. Приуроченность горизонтального простирания Казанцевских палеопочв вблизи коренных пород является одним из возрастных ее критериев.

Мощность педокомплексов в разрезах Каменного лога 130-150 см. Педокомплекс четко выражен двухчленностью. Верхняя часть представлена серым неравномерно гумусированным суглинком с большим количеством древесных углей и с внедрениями серой супеси из перекрывающего, горизонта. Нижняя часть - темно-серый однородно гумусированный суглинок с мелкими углистыми включениями. Нижняя граница языковидная, со следами разрывов и затеков в нижележащий слой щебенисто-дрессянного материала. По интенсивности гумусированности нижняя часть педокомплекса визуально отмечалась геологами (Чеха, 1990). Морфологически возможность двухчленности Казанцевской почвы в разрезах Каменного лога подтверждает присутствие промежуточного горизонта, лишенного признаков почвообразовательного процесса.

Нижняя часть педокомплекса имеет условно индицируемые горизонты А и ВС.

Горизонт А в шлифах бурой окраски, компактного сложения, неоднородного микростроения. Пылевато-глинистая гумусная плазма слабо анизотропная, бескарбонатная, неравномерно покрашена тонкодисперсным гумусом. Некоторые участки по гумусированности напоминают современную почву разреза Каменный лог. Шлифы горизонта ВС не одинаковы по микростроению, что отражает активный процесс затекания гумуса по мерзлотным трещинам. Это проявляется в разной степени гумусированности. Единично встречаются железистые микроконкремции, указывающие на луговость горизонта. Почва имеет среднесуглинистый гранулометрический состав. Содержание глинистой фракции уменьшается от верхнего горизонта к нижнему. Реакция почвенной среды щелочная. Содержание карбонатов меньше процента. Содержание углерода гумуса до 1,32 %. Состав гумуса горизонта А гуматно-фульфатный (Сгк: Сфк равно 0,8). Фракционный состав гумуса указывает на сходство его со степными почвами.

Таким образом, морфолого-аналитические данные позволяют палеопочву нижней части педокомплекса отнести к черноземному типу. Формирование почвы происходило в сухих и теплых климатических условиях под степной растительностью.

Верхняя часть педокомплекса сохранила только горизонт А почвы. Нижняя, ровная граница поверхности почвы говорит, вероятно, о перерыве в осадконакоплении. Микроморфологически горизонт А отличается от горизонта А нижележащей палеопочвы присутствием ожелезненности, следов наездных образований коломорфной глины, микроорганизмами, вероятно, это были почвы типа серых или бурых лесных почв.

Сравнивая почвы Каменноможского педокомплекса казанцевского времени с современными почвами этих же разрезов можно сделать выводы, что палеогеографическая обстановка менялась от теплой сухой (степные и лесостепные ландшафты) до теплой влажной (лесные ландшафты). Процесс накопления биомассы и продуцирования гумуса, вероятно, проходил в более благоприятных климатических условиях, чем в голоцене. Сделанные выводы согласуются с выводами Г.А.Воробьевой для Игетейского комплекса Приангарья (Воробьева, 1990).

Археологические находки зафиксированы *in situ* в кровле ископаемой почвы, переотложенной в полигонально-ножильную систему. В кровле почвы видны все переходы от первичной полигональной и вторичной кольцевой сети, а вертикальная

слоистость в клиньях и бахрома в их основании являются признаком морозобойного происхождения первично-грунтовых жил, которые сформировались в раннезырянское оледенение.

Артефакты, найденные в раскопках, шурфах и траншеях, приуроченные к кровле каменноложской почвы, представляют по своему морфо-типологическому виду мустерьскую индустрию. К ним относится: продолговатое скребло, нуклеус параллельного принципа скальвания со следами патинированности, чоппинг из белой кварцитовой гальки и леваллуазский нуклеус с десятью отщепами от него. Основная часть орудий, нуклеусов, пластин, отщепов, имеющих выраженный мустерьский облик, найдена на пляже и приурочена к продуктам корыветирования.

Н.Д.Соколова
г. Санкт-Петербург

ОПЫТ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ ГАЛЕЧНЫХ ОРУДИЙ ВЕРХНЕГО И НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Изучение галечных орудий всегда находилось в поле зрения археологов, но это в основном касалось нижнепалеолитических комплексов Африки и Юго-Восточной Азии. Сибирь была включена в сферу влияния Юго-Восточных галечных культур. На поверхку же оказалось, что картина нахождения галечных орудий в Сибири значительно сложнее и разнообразней. Изучение галечных орудий идет по различным направлениям, каждое из которых в большей или меньшей степени обогащает наше представление об этой группе орудий. Галечные орудия в верхнем палеолите встречаются на памятниках в хронологических границах всей этой эпохи и во всех регионах Сибири. Это обычно чопперовидные изделия, но есть и тесловидные, рубящие, орудия единичных форм. Они имеют различные размеры и функции. На известных местонахождениях мустерьского времени или нет вовсе галечных орудий, или они представлены единичными экземплярами. Нижнепалеолитических местонахождений с галечными орудиями немного и, в основном, это подъемный материал. В отношении галечных орудий Сибири существует два противоположных мнения: о неизменности галечных орудий нижнего палеолита и

верхнего. Однако эти мнения детальным изучением не были подтверждены, таким образом хронологическое сравнение галечных орудий становится обоснованным. Долгое время при описании Сибирских коллекций о галечных орудиях упоминалось лишь для того, чтобы подчеркнуть архаический характер данной индустрии. Это особенно несправедливо на фоне тщательнейшего изучения галечных орудий нижнепалеолитических комплексов соседних регионов: Средней Азии, Китая, Индии и т. д. Интерес к галечным орудиям Сибири особенно возрос в 70-80-е годы. Тогда появились работы по типологии галечных орудий Енисея (З.А.Абрамова, 1972), Верхнего Приангарья (Ю.С.Пархоменко, 1983), работы с использованием статистико-математического анализа (Ю.П.Холошкян, 1979) и определения функций орудий (В.С.Щелинский, 1972). Данная работа посвящена итогам хронологического сравнения галечных орудий юга Восточной Сибири. Для хронологического сравнения главным условием является наличие на территории одного региона различных по времени местонахождений с галечными орудиями. Юг Восточной Сибири обладает такими памятниками. Рассматриваемая коллекция галечных орудий насчитывает 267 экземпляров: из них 202 экземпляра относятся ко времени верхнего палеолита и 65 - с местонахождений, датируемых нижним палеолитом. Сравнение галечных орудий верхнего и нижнего палеолита показало, что они значительно отличаются по форме лезвия, характеру ретуши, количеству сколов, шагу лезвия и его ориентации. В верхнем палеолите преобладают орудия с выпуклым (51 %), прямым (20 %) и выпукло-вогнутым (15 %) рабочим краем. В нижнем палеолите наряду с выпуклой формой лезвия (48 %) преобладают лезвия в виде "носика" (17 %) и лезвия угловатой формы (11 %). Для вторичной обработки верхних палеолитических галечных орудий преобладающей является регулярная ретушь (52 %), для аналогичных орудий нижнего палеолита - частичная ретушь (63 %). Верхнепалеолитические галечные орудия обрабатывались в среднем большим количеством сколов в сравнении с однотипными орудиями нижнего палеолита. Типы галечных орудий, требующие большей обработки, также лучше представлены в верхнем палеолите. У 17 % нижнепалеолитических галечных орудий рабочий край имеет неровный характер. Средний шаг лезвия этих орудий равен 18 мм. В то время как в верхнем палеолите лишь единичные орудия имеют неровный край и средний шаг их лезвий не превышает 7 мм. По ориентации лезвия верхнего и нижнего палеолита заметно

различаются. Продольное расположение лезвий (по длиной оси орудия) в нижнем палеолите встречается почти в четыре раза чаще, чем в верхнем палеолите (33 % и 9 %). Параллельный характер скальвания, напротив, в два раза реже встречается у галечных орудий нижнего палеолита, чем верхнего.

По таким признакам, как величина угла заострения, количество обработанных краев, характер обработки лезвия (двухсторонний или односторонний) различий между галечными орудиями верхнего и нижнего палеолита не обнаружено.

Для более точного представления хронологических различий галечные орудия верхнего палеолита были разделены по двум временным этапам:

1 - начальная стадия верхнего палеолита (34-26 тыс. лет), представленная памятниками: Толбага, Макарово IV, Сухотино 4, Варварина Гора - всего 52 орудия;

2 - памятники в основном сартанского времени (до 10900 лет - Ощурково) - всего 150 орудий.

Для галечных орудий нижнего палеолита характерно наличие значительного количества орудий с "носиком". Для верхнего палеолита в целом процент этих орудий мал. Если же рассматривать начальный этап верхнего палеолита отдельно, то оказывается, что почти все верхнепалеолитические орудия с "носиком" относятся именно к этому времени. Для галечных орудий с угловатым лезвием имеет место тенденция уменьшения этих орудий в комплексах. Аналогичную тенденцию имеют тесловидные орудия (галечные орудия с подтеской лезвия тесловидным профилем, малым углом заострения). Помимо различий в количественном составе, у тесловидных орудий сартанского времени форма лезвия бывает не только выпуклой, но и прямой. Для чопперов с прямым лезвием характерно следующее: количество их в верхнем палеолите по сравнению с нижним весьма значительно, причем, если в нижнем палеолите и ранней стадии верхнего палеолита у этих орудий преобладает параллельное скальвание, то в сартанское время преобладает тип орудий с конвергентным скальванием. Для всех типов галечных орудий следует отметить, что параллельный характер скальвания в верхнем палеолите представлен лучше (6-13 %), причем наибольшее применение параллельное скальвание имело на раннем этапе верхнего палеолита (16 %), т.е. во время зарождения призматического нуклеуса. Рубящие орудия (орудия с устойчивой формой и топоровидным профилем) появляются на раннем этапе верхнего палеолита.

В рассматриваемой коллекции этого времени имеются только одностороннеобработанные рубящие орудия. В сартанское время имеют место как односторонние, так и двухстороннеобработанные рубящие орудия. Таким образом хронологические различия имеются по типам и по признакам, особенно эти различия касаются лезвия. Для верхнего палеолита характерна большая тщательность первичной обработки, преобладание регулярной ретуши, шаг лезвия минимален. Эти различия, в конечном счете, влияют на функции данных орудий и связаны с изменением применения галечных орудий для иных, чем в нижнем палеолите, работ. В основном это работы типа скобления-тесания. Разумеется, и в верхнем палеолите есть орудия с малым количеством сколов, без ретуши и т.д., но они не являются преобладающими. По результатам сравнительного анализа становится ясно, что ряд типов и признаков галечных орудий могут служить уточняющими элементами датировки. Хронологические различия галечных орудий, по всей видимости, связаны с изменением их основной функции.

Данный анализ, проведенный в рамках палеолита, лишь наметил основные принципы хронологического сравнения галечных орудий и указал на направление, в котором можно вести поиск-функциональное направление. Дальнейшее развитие сравнительного анализа связано с более глубоким изучением функциональных признаков и с расширением временных границ изучаемого материала с привлечением галечных орудий неолитических местонахождений.

E.B.Акимова, B.B.Сидоренко
г. Красноярск

“ЖЕЗЛ” С ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЛИСТВЕНКА

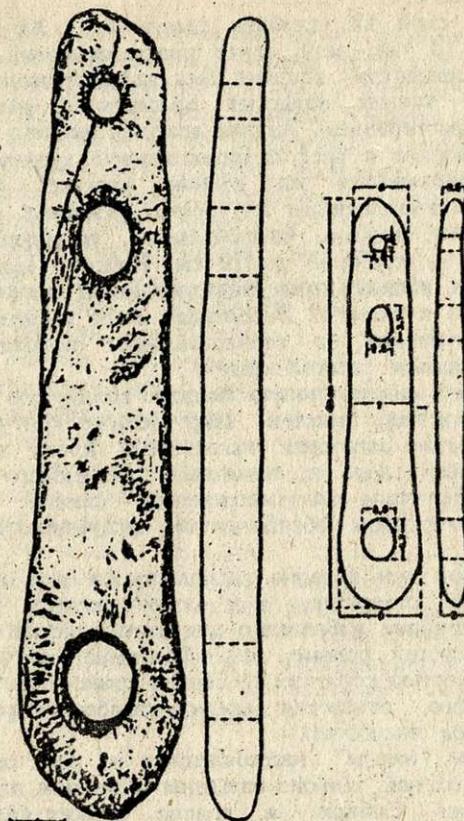
Летом 1991 г. при раскопках многослойной позднепалеолитической стоянки Лиственка (г. Дивногорск) в культурном слое 12 В было найдено оригинальное изделие из бивня мамонта, относящееся к категории так называемых “жезлов начальника”.

Культурный слой 12 (глубина залегания - 3,6 - 4 м, возраст - около 15 тыс. лет), ранее прослеживаемый единым “пунктирным” горизонтом, впервые был зафиксирован в виде 3-6 сближенных тонких золистых прослоек с ритмичным волнообразным простиранием. Анализ археологического материала позволил говорить о трех самостоятельных культурных образованиях, проявившихся на данном участке, частично деформированных и смешанных на уровне элементов. Выявлен сегмент локального, видимо, чашеобразного, углубления диаметром около 2 м, глубиной до 10 см. Нижний контур его подчеркнут двумя сближенными параллельными прослойками, отнесенными нами к слою 12 В. Изделие было зафиксировано на границе углубления, в горизонтальном положении, с ориентацией по линии “восток-запад”.

“Жезл” имеет симметричную овально-вытянутую форму, уплощенную в сечении, “мягкие” закругленные контуры (см. рис. 1). В качестве заготовки использован кусок кривого бивня, распиленного вдоль и, возможно, прошедшего стадию расправления. Величина и массивность самого изделия сочетаются с изяществом обработки и продуманностью его конструкции.

По продольной оси изделия располагаются два овальных и одно круглое отверстие, при этом размер каждого пропорционален ширине выбранного для него участка. Стенки первых двух отверстий ровные, отшлифованные, но с грубой продольной истертостью коротких сегментов кромок. На стенах третьего, округлого, отверстия следы обработки режущим орудием сохранены полностью.

Традиционные “жезлы”, изготовленные из рога северного или благородного оленей, широко известны в позднем палеолите Европы, а также Сибири - в долине Енисея (Афонты гора II, III, Кокорево I, III, Новоселово VII и др.). Как правило, одно овальное или круглое отверстие располагалось у ответвления надглазничного отростка. Бивень использовался значительно реже (Костенки XX!) и при этом сохранялся один из основных элементов модели - удлиненная опорная рукоятка, видимо, вбивавшаяся в расклиненное дерево. Особенностями нашей находки, помимо использования бивня, являются отсутствие подобного упора и наличие трех различных по размеру отверстий. Наиболее популярна точка зрения, что “жезлы” были выпрямителями древков копий или дротиков, а также - оправ для вкладышевых орудий, заготовок иных изделий (Семенов, 1966, 1968; Семенов, Коробкова, 1983). Но

К докладу Акимовой Е. В. Сидоренко В. В.
"Жезл с палеолитической стоянки
Лиственка"

подобная интерпретация конкретного артефакта вызывает ряд сомнений, связанных в первую очередь с нестандартностью его конструкции и характером утилизации. Кажется очевидным, что данное изделие имело именно производственное назначение и использовалось при операции, требовавшей определенных физических усилий.

Е.В.Акимова
г. Красноярск

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ КОЛЛЕКЦИИ АФОНТОВОЙ ГОРЫ

В 1925 г. под руководством Н.К.Аузербаха и В.И.Громова были продолжены раскопки поселений на Афонтовой горе. Работы велись у бывшей дачи Г.В.Юдина (Афонтова II) и у нефтеклода - бывших усадеб акционерных обществ "Нобель" и "Волга" (Афонтова III). Еще в процессе раскопок часть археологического материала - "отбросы производства, включая незначительные каменные осколки" (Аузербах, 1930) - не прошла первичной обработки и была отправлена в "резерв". Эта выбраковка материала сказалась и на полноте прилагаемой информации: на этикетках указывались участок (но не номер стоянки), квадрат (не всегда) и в очень редких случаях - глубина залегания от дневной поверхности. Многие пакеты снабжены "домашними" этикетками ("у лесенки", "за забором", "у оврага" и т.п.), для расшифровки которых объем информации, имеющейся в нашем распоряжении, к сожалению, явно недостаточен.

Афонтова гора II

Главное внимание было сосредоточено на "разрезе" № 2 (по полевой документации - "основной участок"), расположенному непосредственно юго-восточнее усадьбы Г.В.Юдина, по склону горы. Раскопки велись здесь с 1923 г. В коллекции присутствуют материалы с 40 квадратов.

На участке выделено три культурных горизонта: верхний, разделенный на два уровня (B1, B2), средний (C1, C2, C0) и нижний (C3). На этикетках, за очень редким исключением,

* По Н.К.Аузербаху и Г.П.Сосновскому, в 1925 г. было вскрыто 28 кв. м (Аузербах, Сосновский, 1932).

эта информация отсутствует. Ряд косвенных признаков (особенности записей, выдержки из полевого дневника, сохранившиеся кусочки грунта...) дают основания считать, что большинство материалов относится к горизонту С3.

Общее количество каменных артефактов участка № 2 - 7136 экз. (из них 6260 - отщепы, сколы, гальки).

Нуклеусы (18 экз.): а) "упрощенный" клиновидный вариант на первичных, как правило, отщепах, где оформление киля и гребня производилось в меру необходимости, если подобие этих элементов естественным образом отсутствовало на заготовке (рис. 5, 6); б) бифронтальный торцевый микронуклеус на сколе; в) микронуклеус с плоским широким фронтом и сегментовидной площадкой; г) заготовки микронуклеусов на отщепах и бифасе; д) массивный галечный амфорный нуклеус, в результате дефекта материала расколотый на три самостоятельных изделия.

Долотовидные орудия (42 экз.) на отщепах. Преобладают квадратные и прямоугольные продольные формы, узкие с "точечными" рабочими участками, реже - овальными. В единичных экземплярах представлены треугольные, клиновидные, трехгранные, очевидно являющиеся индивидуальными отклонениями от стандарта.

Скребки (22 экз.) концевые с низким рабочим краем на отщепах, пластинчатых сколах, в одном случае - на сколе подживления (рис. 4). Классические микроформы единичны.

Скребловидные орудия (18 экз.). Преобладают боковые продольные на крупных отщепах, встречены два вентральных унифаса на отщепе (рис. 7) и пластине.

Проколки, провертки, сверла (17 экз.). Жальце располагалось, как правило, на остром конце заготовки (пластиинки, отщепа, обломка другого изделия), реже на изломе (рис. 1, 2). В ряде случаев плечики оформлялись разнонаправленной краевой ретушью.

Резцевидные орудия (5 экз.) - угловые на отщепах и обломке унифаса, срединный на бесформенном сколе (рис. 3).

Галечные орудия (40 экз.) - отбойники, ретушеры в виде нуклевидных изделий с характерными смятиями по кромкам, чопперы-струги с отвесной ретушью по краю, чопперы с острым рабочим углом.

В коллекции участка также присутствуют многочисленные обломки неопределенных изделий, заготовки, стандартный набор пластин, микропластин и отщепов с ретушью, при значительном преобладании последних.

Афонтова гора III

Раскопы у нефтесклада фактически являлись продолжением известных работ И.Т.Савенкова (1914 г.) - были найдены места некоторых старых "разрезов" (№ 1-6), сохранена и продолжена его нумерация участков. Для обозначения стоянки использовался термин "Нобель". На площади двора нефтесклада работа велась на участках № 7 (22 кв. м), № 8 (45 кв. м), № 9 (9 кв. м), № 10 (1,5 кв. м). За его пределами располагались участки № 11-13, на каждом из которых вскрытая площадь не превышала 3-4 кв. м, и № 14, представлявший собой 8 различных по площади шурfov, не давших практически никаких находок.

Особое внимание было сосредоточено на участке № 8. Верхний культурный горизонт (по Ауэрбаху) зафиксирован в разрезе на глубине от 90 до 153 см, в темном прослое в толще серо-желтого (темно-желтого) суглинка. Иногда в залегании находок прослеживался разрыв в 12-20 см. Нижний горизонт (пройден на 10 кв. м) зафиксирован на глубине 202-228 см в илистом песке с характерными гумусированными и сажистыми примазками. Все немногочисленные находки нижнего горизонта были занесены в основную коллекцию, а в "отходы" отправлены артефакты только верхнего горизонта.

Общее количество каменных артефактов участка № 8 - 2788 экз. (2474 - отщепы, сколы, гальки).

Нуклеусы (9 экз.): а) "упрощенный" клиновидный вариант (идентичны Афонтовой II); б) клиновидные микронуклеусы на отщепах абсолютно различные по морфологии (рис. 8).

Долотовидные орудия (16 экз.). Преобладают подквадратные формы, редки - овальные (рис. 9) и подтреугольные. Полностью отсутствуют микродолотовидные узкие формы с "точечными" рабочими участками.

Скребки (12 экз.) с концевым или боковым расположением рабочего края на отщепах, как правило, мелких размеров. Угол нанесения ретуши соответствует массивности края заготовки.

Проколки, провертки (4 экз.). Идентичны изделиям Афонтовой II. Резец на сколе с нуклеуса. Рабочая кромка образована серией продольных резцовых снятий (рис. 10).

* По С.Н.Астахову, верхний горизонт представлял собой два различных слоя (Астахов, 1966).

Резчики (?) (3 экз.). Оригинальная группа изделий, характерной особенностью которых является треугольное острье без выделенных плечиков, оформленное крутой краевой, иногда противоположно направленной ретушью (рис. 11).

Бифасиальное изделие овальной формы с параллельной и радиальной системами снятий по обоим фасам.

Галечные орудия (7 экз.) - чопперы, в том числе со следами работы в качестве отбойника.

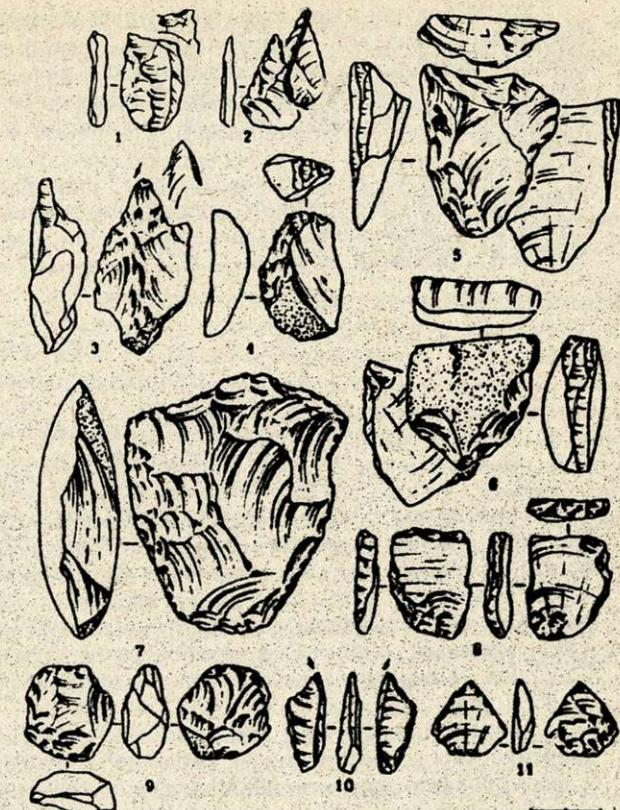
Основную часть коллекции, как и на Афонтовой II, составляют обломки неопределенных изделий и заготовок, отщепы с ретушью. Костяной инвентарь "резерва" представлен изделиями (преимущественно в обломках) и заготовками, в числе которых пронизка из полой трубчатой косточки, вкладышевое орудие и стерженьки из рога оленя, пластины со следами скобления, строгания из бивня мамонта (Афонтова II), обломки иглы и шильца (Афонтова III).

1. Предварительный анализ археологического материала в таких масштабах может быть объяснена огромным количеством ярких показательных артефактов, поверхностным характером первичной сортировки (если не полным ее отсутствием) и, возможно, некоторой стереотипностью восприятия: выбраны все "енисейские" скребла, микроскребки, микропластинки "с притупленной спинкой", большинство клиновидных нуклеусов - "нуклеусов-скребков", но оставлены оригинальные формы, заготовки, поврежденные и переоформленные артефакты. Здесь надо учесть и традиционную недооценку в 20-е годы массового "бросового" материала.

2. Введение в научный оборот неизвестных коллекций не дает, видимо, оснований для сколько-либо серьезной коррекции наших представлений об этих памятниках, однако кажутся интересными два момента:

а) ведущей заготовкой клиновидных нуклеусов являлся первичный скол с естественно приостренными контрфронтом и дистальным концом, что демонстрирует иной путь развития микропластинчатой индустрии, в отличие от перевода фронта одноплощадочного монофронтального нуклеуса на узкую латераль, распространенного в памятниках кокоревской группы;

* Общее количество артефактов, полученных с участков № 2, 3 и "южный склон" (Афонтова II), участков № 8, 9 (Афонтова III) составляет 10770 экз. В это число не вошли отщепы, не имеющие какой-либо привязки.

К докладу Аксимовой Е. В.
"Неопубликованные коллекции Афонтовой горы"

1-7 Афонтова гора II (участок №2)

8-11 Афонтова гора III (участок №3)

б) характерными являются многообразие приемов переформирования изделий, оригинальность комбинирования в одном орудии нескольких производственных функций, зависимость морфологии изделия от совокупности качеств заготовки и, следовательно, большая степень индивидуализации в изготовлении.

3. В целом, коллекции "резерва" подтверждают однокультурность обоих памятников, достаточно ранний возраст (первая половина сартанского оледенения) при, видимо, несколько большей древности горизонта С3 Афонтовой горы II.

В.Т.Монгуш
г. Кызыл

ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТУВЫ

Тува находится на юге Красноярского края, отделена от Средней Сибири хребтом Западного Саяна. Тувинская земля богата археологическими памятниками каменного века, в том числе объектами эпохи палеолита. Она была заселена и освоена первобытным человеком уже в древнем палеолите. Республика Тува является одним из наиболее перспективных регионов Северной Азии для изыскания и изучения палеолитических памятников.

Археологическое изучение палеолита Тувы имеет важное значение для определения и решения вопросов возникновения и формирования древнепалеолитических культур в Центре Азии.

До середины 20-х годов XX в. палеолит в Туве не изучался. Часть открытия палеолита в Туве принадлежит известному советскому археологу С.А.Теплоухову, который в 1926 г. обследовал выдувы Ангачи и берега озера Чедер. Материалы им опубликованы не были. Это сделал Г.П.Сосновский, который увидел в них сходство с орудиями из минусинских и селенгинских палеолитических памятников. По мнению самого Теплоухова, эти изделия отличны от минусинских и имеют аналогии находкам из Монголии. После этого долгое время специальных исследований на предмет поиска палеолита в Туве не проводилось. В то же время единичные каменные артефакты и кости четвертичных животных продолжали поступать в фонды Тувинского музея,

преимущественно из Тоджинской котловины. В 50-х годах А.Ф.Головачев обнаружил на правом склоне Кара-Суг небольшой пирамидальный нуклеус из кремня. Тогда же в окрестностях Чая-Холя была найдена крупная ножевидная пластина. В 1955 г. С.И.Вайнштейном открыта позднепалеолитическая стоянка около поселка Ийме, что в Западной Туве. В 1957 г. А.Д.Грач в Южной Туве собрал с поверхности склонов гор в Саглы Бажи, на Красной горке и в урочище Саглы коллекцию каменных изделий леваллуа-мустьеरского облика.

В 1960 г. М.Х.Маннай-оолом обнаружено позднепалеолитическое местонахождение у поселка Торгалык в Южной Туве. В 1957, 1959, 1960 годах Л.Р.Кызласовым были собраны дополнительные материалы со стоянки Ангача-и открыты новые местонахождения. Он же нашел призматический нуклеус у реки Мутур и отщеп верхнепалеолитического облика на реке Чаяты, а на дюнах по левому берегу реки Баян-Кольчик - орудия. В 1962 г. А.Д.Грач и С.Н.Астахов в Центральной Туве в местонахождениях Аргалыкты, Демир-Суг, Паром, Куйлуг-Хем собрали подъемные материалы эпохи палеолита и изделия архаичного облика, которые ими были отнесены к началу верхнего палеолита.

Важный этап в изучении палеолита Тувы связан с работами Саяно-Тувинской экспедиции. Отрядом С.Н.Астахова было открыто в Центральной и Северо-Западной Туве более 70 объектов. С 1985 по 1991 годы палеолитической группой С.Н.Астахова обнаружены новые палеолитические памятники: Барлык, Ирбитец, Оорзайты, Чозу и у рек Улуу-Хем и Эйлиг-Хем. В 1988 г. С.Н.Астахов и К.А.Соколов впервые открыли в Южной Туве раннепалеолитическую стоянку около поселка Торгалык. В 1989 г. В.А.Семенов в таежной зоне Тоджи нашел палеолитическую стоянку.

В 1972-1973 гг. автор сообщения собрал подъемные материалы у рек Хемчик и Чинге и в районе Саргол-Аксы, Беделиг, а также открыл позднепалеолитические стоянки Джой, Кантегир, Кантегирские камни в Саянском каньоне. С 1976 по 1990 гг. им же выявлено свыше 60 палеолитических местонахождений, пунктов, стоянок. В 1980 г. В.Е.Ларичев и В.Т.Монгуш нашли палеолитические изделия на речных террасах Ангачи, Морен, Нарын, Сесерлиг, Черби, Тапса, Каскал, Согуналыг и у озер Тере-Холь, Чагытай, Дус-Холь. А в 1982 г. В.Т.Монгуш собрал каменные орудия у рек Улаатай, Хандагайты, Солчур, Саглы и Мутур. В 1984 г.

автором найдены орудия из речной гальки, кремня и кости в пункте Саргол-Аксы рядом с петроглифами Мугур-Саргола. В 1985 г. А.П.Деревянко, С.В.Маркин и В.Т.Монгуш обнаружили каменные орудия в двух километрах от поселка Чодура и у села Бай-Даг, на реке Эрзин. В 1987 г. В.Т.Монгушем собраны каменные изделия у источника Аржан, расположенного к западу от поселка Ишти-Хем; в 1991 г. открыты палеолитические местонахождения Тоге-Баары, Онгар-Хову, Сын-Чурээ, у гор Аргалыкты, а также на реках Элегест, Улут-Хем, в районе паромной переправы Кара-Хаак по правому берегу Бий-Хема.

Таким образом, в настоящее время известно свыше ста пунктов единичных находок, местонахождений и стоянок раннего, среднего и позднего палеолита на территории Тувы. При дальнейшем изучении палеолитических памятников нашего древнего края будут получены новые материалы по генезису, хронологии и другим проблемам палеолитических культур Тувы.

В.Г.Кольцова
г.Красноярск

ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МУСТЬЕРСКОГО ПАМЯТНИКА "ГРОТ ДВУГЛАЗКА"

Гrot Двуглазка, изучавшийся З.А.Абрамовой (1975, 1979, 1980, 1981, 1985, 1991 и др.), находится в Боградском районе Красноярского края недалеко от д. Толчая. Отложения опробованы на спорово-пыльцевой (с/п) анализ в 1979 г. Общая глубина раскопа 365 см. Из северной стенки раскопа проанализировано 42 образца, из южной - 15. Большинство образцов оказалось палинологически немыми.

В образцах слоя 7 встречены лишь единичные пыльцевые зерна (п.з.) сосны, бересклета, смородины и злаков.

Из нижних образцов слоя 6 пыльцы не получено. С/п спектры средней части слоя состоят в основном (на 82-99 %) из п.з. трав (рис. 1), относящихся к сложноцветным, маревым, гвоздичным, зонтичным, лютиковым, гречишным. В средней и верхней частях слоя встречаются п.з. крапивы. Большая же часть пыльцы трав оказалась неопределенной. Древесные породы представлены единичными п.з. сосны и ивы, кустарниковой и карликовой бересклета.

В с/п спектрах слоя 5 увеличивается разнообразие пыльцы трав, характерных для открытых пространств. Здесь, кроме названных ранее, представлены крестоцветные, злаки, полыни, губоцветные. Очень много пыльцы, сходной с подмаренником. В с/п спектрах нижней части слоя 5 встречаются единичные п.з. бересклеты кустарниковой формы, выше - древовидной бересклета, ели, сосны, а также смородины.

В с/п спектрах из нижней части слоя 4 увеличивается роль пыльцы деревьев. Травянистая часть представлена маревыми, сложноцветными, гвоздичными и прочим разнотравьем, здесь также присутствуют осоки, а в верхней части слоя - эфедра.

Слой 3 и нижняя часть слоя 2 пыльцы не содержат сплошные угли. С глубины 40 см (слой 2) получен спектр с преобладанием пыльцы трав - п.з. полыни, прочих сложноцветных, маревых, бобовых, осоковых, подорожника. Пыльцы древесных пород - около 30 %, это п.з. сосны, ели, бересклета, ивы.

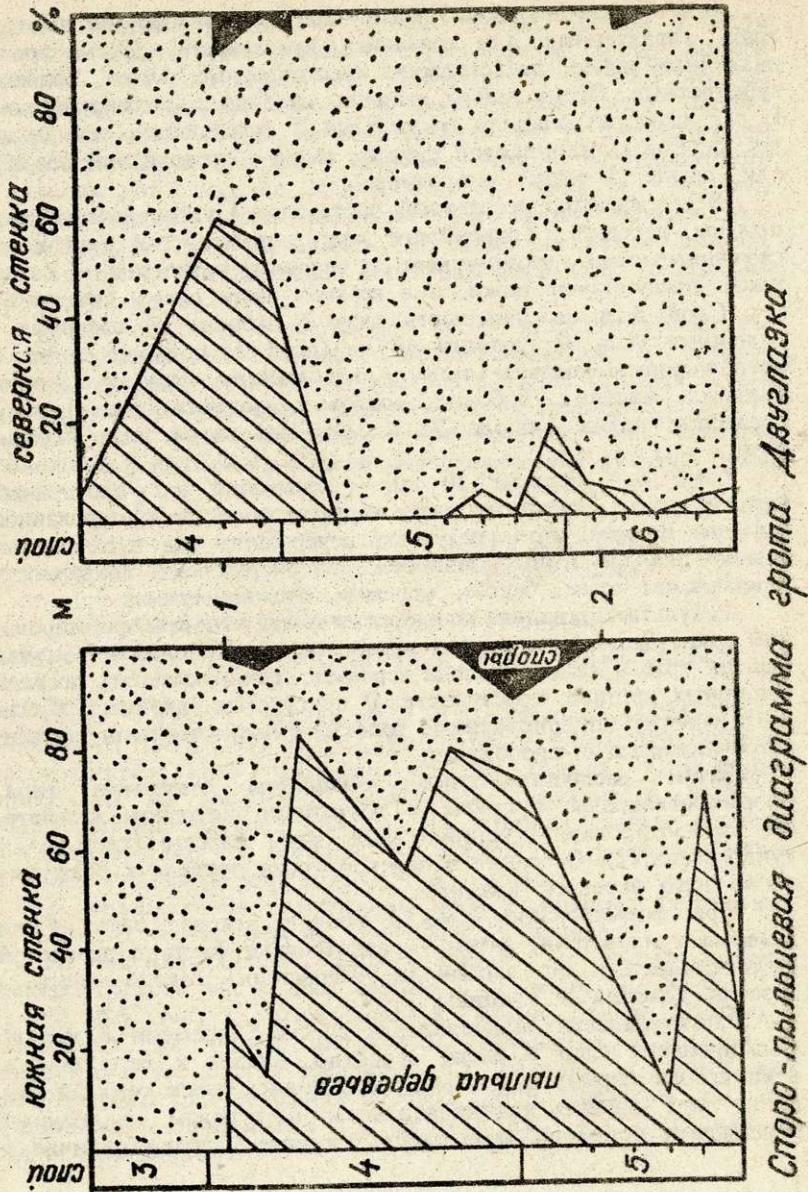
Слой 1 - верхние 10 см, - состоящий из уплотненных погадок птиц, - содержит массу неопределенной деформированной пыльцы. Видимо, это - результат переработки п.з. в пищеварительном канале птиц. Единичные п.з. нормальной сохранности принадлежат сосне, бересклету, маревым, сложноцветным.

Результаты анализа свидетельствуют, что при формировании слоя 7, в мустырское время, в гrot попадала местная пыльца трав и легкая пыльца деревьев, произраставших посреди обширных степных пространств. О присутствии хвойных вблизи гrotа говорят мацерированные волокна с окаймленными порами, встречающиеся в препаратах.

Затем распространились ландшафты открытого типа, сформировавшиеся в сухом и достаточно холодном климате, где присутствовали кустарниковые виды бересклета (слой 6) - тундростепь (?). Освоение человеком гrotа привело к развитию около него зарослей крапивы.

При формировании слоя 5 вначале, скорее всего, были развиты тундростепи, затем - разнотравные степи с древесной растительностью по западинам (лесостепи), около гrotа - заросли конопли и крапивы.

Растительность позднепалеолитического времени в начале формирования слоя 4 была, вероятно, близка к лесостепи, а в конце его формирования распространились более ксерофитные степи при крайне континентальном и суровом, с резкими перепадами суточных температур, климате. Однако наличие в

спектрах пыльцы если говорит о ее существовании в каких-то рефугиумах лесной растительности. Найдены в слое 4 остатки яка и аргали (Абрамова и др., 1991), не противоречат таким выводам.

В завершающую стадию накопления слоя 2, отнесенного З.А.Абрамовой к мезолитическому времени, видимо, широко развиты разнотравно-полынные степи, преобразовавшиеся в конце голоцене в современную лесостепь.

Г.В.Синицына
г.Санкт-Петербург

ПАЛЕОЛИТ БИРЮСЫ

Материалы палеолитических слоев Бирюсинского многослойного поселения частично уже нашли отражение в литературе: в общем виде определена их культурная принадлежность и хронология (Ауэрбах, Громов, 1935; Хлобыстин, 1972; Абрамова, 1979; Цейтлин, 1979), однако детальной характеристики и интерпретации до сих пор не получили.

За все годы исследования памятника на нем было установлено наличие четырех (C1, C2, C3, C4) палеолитических горизонтов Н.К.Ауэрбахом и В.И.Громовым (1935) или пяти культурных слоев (I, II, III, III-A, IV) Л.П.Хлобыстинным (1962). В публикации Н.К.Ауэрбаха и В.И.Громова палеолитические материалы рассматривались суммарно, как относящиеся к слою "С", поскольку в верхних слоях раскопок 1926-1927 гг. содержалось слишком мало материала. Указывалось только, что из 136 предметов палеолитических культурных слоев горизонт C3 дал 101 предмет из камня и 14 из кости, а горизонты C1, C2 - только 21 предмет. Информация о горизонте C4 в публикации ограничивается его положением на разрезе. Нет коллекций этого горизонта в фондах МАЭ, где хранятся материалы раскопок Бирюсинского поселения 1926-1927 гг. При подготовке публикации использовались материалы раскопок 1961, 1962 годов, хранящихся в фондах ИИМК АН СССР, а также материалы, хранящиеся в МАЭ АН СССР.

Инвентарь пяти горизонтов Усть-Бирюсинского поселения достаточно однородный. Различия между материалами горизонтов в первую очередь следует связывать с различными количественными характеристиками коллекций. Типологический

облик материала определяется в основном тремя категориями изделий: скребками, скреблами, долотовидными орудиями, в несколько меньшей степени - галечными орудиями. Единичными орудиями почти в каждом горизонте представлены резцы, грохолки. По технико-типологическим характеристикам материал Бирюса относится к афонтовской культуре (Абрамова, 1979).

Хронологические рамки функционирования палеолитических поселений на Усть-Бирюсе на настоящий момент определяются на основании типологии инвентаря и его отнесения к афонтовской культуре. Рассмотрение материала из пяти стратиграфически последовательных прослоек отражают последовательно существовавшие на одном месте временные стойбища, оставленные населением с одними технико-типологическими традициями материальной культуры. То, что на поселении имеют место проникновение находок из одного слоя в другой, объясняется небольшой мощностью разделяющих культурные горизонты стерильных прослоек. Реальность выделяемых горизонтов подтверждается тем, что подбирающиеся при ремонтах изделия в основной своей массе происходят из одного горизонта. Не противоречит этому и то, что прослойки и скопления материалов часто располагаются одно над другим. В настоящее время есть примеры такого расположения жилых сооружений (Студеное 1, горизонты 18 и 19), в чем нет ничего необычного при периодическом (сезонном) заселении местности одним населением.

Поскольку абсолютные датировки палеолитических отложений стоянки пока отсутствуют, суждения о ее возрасте возможны только на основании косвенных данных, которые к тому же, далеко неоднозначны. Так, если В.И.Громов относил отложения, вмещающие культурные горизонты к первой террасе (Громов, 1935), то С.М.Цейтлин (1979) полагал, что они залегают на второй террасе и являются одновременными однокультурными памятниками, имеющими абсолютные даты (Кокорево III с датой 12690 + 140, ЛЕ 629).

На основании анализа фаунистических остатков добытых раскопками 1926-1927 гг. В.И.Громов полагал, что климат во время обитания на стоянке палеолитического населения был относительно умеренным в условиях облесенного ландшафта и предполагал существование в этих условиях сайги и пещерного льва, которых не было в материалах раскопок 1926-1927 гг. В настоящее время, на основании определения фаунистических материалов из раскопок 1961 г., из слоя III-А И.Е.Кузьминой

получены данные о присутствии здесь остатков сайги и кулана, что в общем является аргументом в пользу точки зрения В.И.Громова.

Хотя сравнительный анализ материалов стратиграфически последовательных полузамкнутых комплексов не дал направленной линейной изменчивости или развития инвентаря, он является важным для понимания реальной картины функционирования позднепалеолитического населения этой территории в позднесартанский период.

Н.И.Дроздов, Е.В.Артемьев
г.Красноярск

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

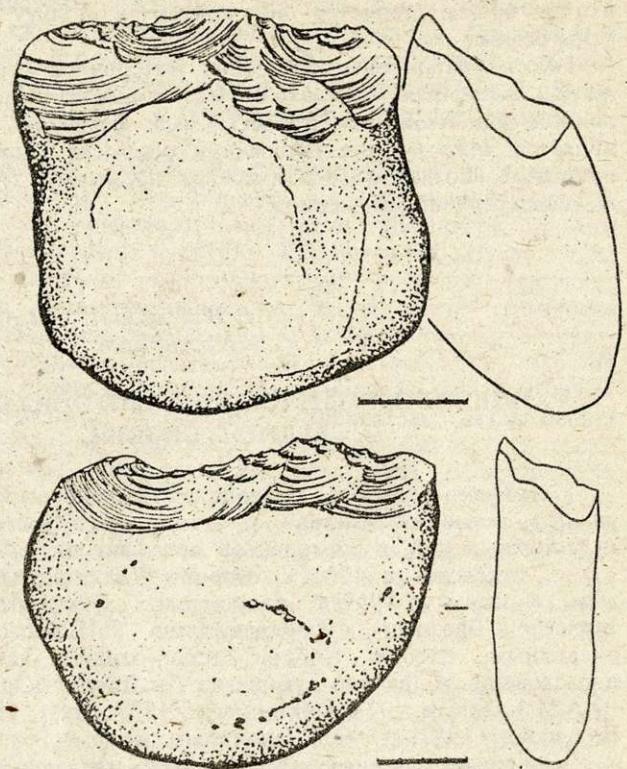
Проблема раннего палеолита периодически возникает в разных регионах Сибири в связи с новыми открытиями местонахождений и комплексов артефактов.

С открытия в 1961 г. стоянки Улалинки А.П.Окладниковым, а затем в 1969 г. кварцитовых артефактов на высоких террасах Братского водохранилища Г.И.Медведевым, стало очевидным, что в Сибири есть ранний палеолит. Затем последовали и другие открытия - Диринг-Юряха (1982 г.) Ю.А.Мочановым, Усть-Олекмы (1983 г.) Н.М.Чафэзовым, Большова (1987 г.) О.В.Задониным и др.

Основной закономерностью почти всех раннепалеолитических местонахождений можно считать, что они дислокируются на 80-110 метровых террасах Сибирских рек. Ансамбли артефактов имеют выраженный характер галечных индустрий со следами люстриажа или коррозии различной степени. В технологическом плане они не сопоставимы с классическими шельскими и ашельскими типами, что подчеркивает особенности древнего палеолита Сибири.

В связи с этим представляет особый интерес древняя галечная индустрия из местонахождений на левобережье Красноярского водохранилища.

Местонахождение Разлог II находится на отмели и в береговом уступе Красноярского водохранилища, в 3 км ниже

К докладу Дроздова Н. И. Артемьева Е. В.
"Раннепалеолитические местонахождения
Средней Сибири"

рис 1. Местонахождение Разлог II,
чопперы

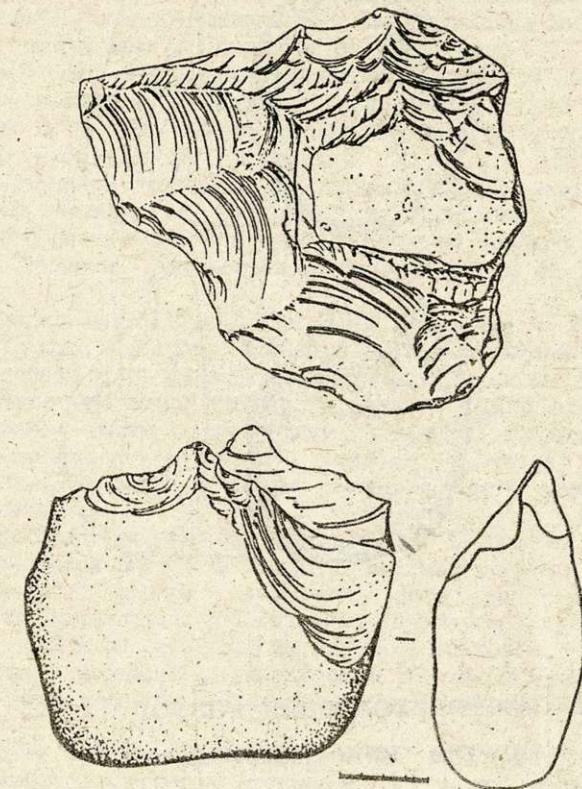

рис 2. Местонахождения Разлог II,
1. Поддисковидный нуклеус
2. Орудие с носиком

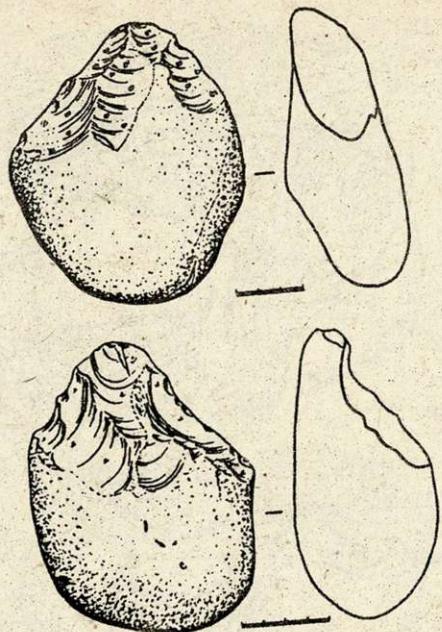

рис 3. Местонахождения Разлог II,
Орудия типа "павиан"

поселка Куртак. Первичное расщепление представляют дисковидные и поддисковидные нуклеусы радиального принципа расщепления, нуклеусы-чоппинги, где линия площадки идентифицируется с контуром лезвия чоппинга, нуклевидные гальки, чопперы с выпуклыми и прямыми лезвиями (рис. 1), изделия с "носиком" (рис. 2) и клювовидные типа "павиан" (рис. 3).

Местонахождение Бережково расположено в 0,3 км от Куртакского лога, в 0,7 км от поселка Ку́ртак. Археологический материал обнаружен в раскопках № 1 и № 2 в щебенисто-галечной толще. Здесь найдены: продольно-расколотые гальки, гальки со следами целенаправленных ударов, которые не обрашают рабочий край, скребок из черного кремня, изделие с "носиком", провертка, отщепы и сколы со следами коррозии.

Местонахождение Верхний Камень находится в 5 км от поселка Куртак, вблизи залива Ижуль. Археологический материал собран с поверхности пляжа Красноярского водохранилища. Нуклеусы одноплощадные, которые можно отнести к леваллуазскому типу. Из орудий наиболее выразительны чопперы, чоппинги (нуклеус?), скребла, зубчатое орудие, остроконечник, отщепы и сколы. Большая часть артефактов коррадирована.

Местонахождение Разлив находится в 23 км от залива Аешка. На поверхности неогеновых отложений древней долины найден комплекс древних артефактов. Здесь для первичного расщепления характерны дисковидные нуклеусы радиального принципа расщепления, конвергентные нуклеусы. Орудия представляют - чопперы со скошенными и прямыми лезвиями, отщепы и сколы. Многие артефакты имеют коррозию различной степени.

Учитывая геолого-геоморфологическое положение и своеобразие археологического материала с явно выраженной галечной индустрией, преобладанием дисковидных нуклеусов, крупных чопперов, орудий с "носиком" и типа "павиан" с различной степенью коррозии вышеупомянутые местонахождения можно отнести к раннему палеолиту Средней Сибири.

МАСТЕРОВ КЛЮЧ - НОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА РЕКЕ ХИЛОК

Хилок наряду с Чикоем, Орхоном, Удой является одной из наиболее крупных рек Селенгинского бассейна. Хилокская долина представляет собой почти восьмисоткилометровый коридор, простирающийся с востока на запад и разделяющий южнозабайкальские хребты (причикойские, примыкающие к Центральной Азии) и северные водоразделы Витимо-Ленской гидросистемы. Верховья Хилка, прилегающие к западным склонам Яблонового хребта, остаются в настоящее время наименее изученными в археологическом отношении. Этим определяется интерес к открытому в 1989 г. на верхнем Хилке поселению Мастеров ключ.

Данное поселение находится по правому берегу Хилка, в устье боковой долины ручья Мастерово на выложенной террасовидной поверхности в основании шлейфа. Раскопами площадью в 40 кв. м вскрыт участок вблизи бровки шестиметрового эрозионного уступа, обращенного в широкую долину Хилка.

Изучение стратиграфии производилось с учетом рекомендаций С.М.Цейтлина. Раскопом на глубину до 4 м вскрыты отложения, представленные семью супесчано-дресевянистыми по составу литологическими слоями. Слои 1, 2 - маломощные (0,2 м), относятся к голоценовому времени. С уровня слоя 3 выражены псевдоморфозы по эпигенетическим мерзлотным клиньям, разбивающие нижележащую толщу на глубину до 1,5 м при ширине 0,7 м. Слой 4 (0,3 м) менее насыщен дресвой и щебнем. Со слоем 5 (0,4 м), сильно карбонатизированным, связана зона почвообразования, представленная парой гумусированных прослоев толщиной до 5 и 7 см. Под верхней палеопочвой простирается второй горизонт криотурбации в виде тонких (0,02 м) и непротяженных (0,7 м) трещин. Слой 6 (более 1,5 м), разнородный по составу, имеет сложную текстуру солифлюкционного течения. Слой 7 ввиду угрожающей близости ключа вскрывался на ограниченной площади. Он характеризуется горизонтально-слоистыми хорошо отсортированными песками. Артефактов в данном слое не обнаружено. Таким образом, в представленном разрезе выделяются три генетически разнородных пачки отложений: слои 1-5 -

делювиальные, слой 6 - солифлюкционный, слой 7 - аллювиальный. В профиле зафиксировано пять самостоятельных уровней залегания находок. Горизонт 1 содержит явно переотложенные артефакты палеолитического облика. Он относится к современной почве. Горизонт 2, связанный с литологическим слоем 2, содержит многочисленные микроплатинки, микроскрабки, комбинированные скребки, фрагменты тонкостенной керамики с вариантами гребенчатого орнамента. Артефакты в слое концентрируются пятнами в заполнении углублений. Характер инвентаря с учетом стратиграфической позиции слоя типичен для стоянок бронзового века Юго-Западного Забайкалья (Семина, 1985). Литологические слои 3, 4 вмещают отдельные переотложенные находки палеолитического облика. Они объединяются в культуроодержащий горизонт 3. Данные стратиграфии позволяют предположить, что толща слоя 3 сформировалась в finale сартанского времени. К основанию литологического слоя 5 приурочен четвертый горизонт. Находки концентрируются в нижней палеопочве и чуть выше ее. Обнаружено более ста артефактов. В двух случаях каменные изделия слоя аплицировались. Нуклеусы представлены двумя типами. Один экземпляр - двуплощадочный, двуфронтальный, призматического расцепления, с негативами пластинчатых снятых. Второй - подпризматический, одноплощадочный, со следами мелких пластинчатых сколов. Заготовками для орудий служили отщепы и призматические пластинки (6 x 1,5 x 0,5 см). Среди выраженных типов преобладают отщепы с ретушью, проколки, долотовидные инструменты. Встречен резец "верхоленского" типа.

Типологический анализ коллекции позволяет установить верхнепалеолитический возраст. Стратиграфическая позиция слоя соответствует раннему сартану. Горизонт 5 относится к верхней части солифлюкционной пачки. В коллекции выделяются нуклеусы, орудия, отходы расщепления. Нуклеусы, имеющие высокую степень утилизации, представлены мелкими образцами плоскофронтальных многоплощадочных типов с негативами снятых отщепов. Орудийный набор объединен типологически. Это главным образом ретушированные отщепы с различными вариантами краевой обработки и конфигурации лезвий.

В качестве исходных пород в горизонтах 4 и 5 использовались гальки андезитов и липпарит-пирофиров. В обоих горизонтах отсутствуют образцы микротехники, широко рас-

пространенные в финальнопалеолитических индустриях Забайкалья.

Данные характеристики сближают хронологически культурные комплексы горизонтов 4 и 5 с индустриями начального этапа верхнего палеолита Забайкалья, но не означают полного типологического соответствия. Своеборазная геоморфологическая ситуация и наличие нескольких самостоятельных горизонтов выделяют Мастеров ключ из числа известных ранее в бассейне Селенги палеолитических памятников, связанных с высокими отметками делювиальных шлейфов от 12 - 60 м и до 180 м относительно реки, таких как Толбага, Варварина Гора, Куналей, Сапун, Байн (Базаров, Константинов и др., 1982; Асеев, Холюшкин, 1983; Лобова, 1987).

Н.Д.Оводов, Н.В.Мартынович
г. Красноярск

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО МЛЕКОПИТАЮЩИМ И ПТИЦАМ ГРОТА ДВУГЛАЗКА В ХАКАСИИ

За три полевых сезона (1975, 1978 и 1979 гг.) археологическим отрядом ЛОИА под руководством З.А.Абрамовой в гроте Двуглазка вскрыто 38 квадратных метров грунта. Общее количество собранного, в том числе определимого остеологического материала из публикаций неизвестно. Отмечено только, что в сезон 1978 года собрано 16 тысяч костей (из них 3035 определимых), а в 1979 году было добыто 13213 костей. То есть в результате раскопок удалось получить весьма обширную палеозоологическую коллекцию.

По итогам полевых исследований грота Двуглазка З.А.Абрамовой и Н.М.Ермоловой опубликована серия статей, содержащих описание грота, стратиграфию отложений, список выявленных по остаткам видов млекопитающих и мустырский археологический материал.

Невозможно не согласиться с авторами публикаций по поводу высокой научной значимости добытых фактических данных из первого мустырского пещерного памятника на территории Красноярского края, коим является грот Двуглазка.

Грот расположен в придонной части узкого лога, он уютен для летнего обитания человека тем, что сух и имеет не

слишком просторные размеры (длина и ширина выложенного грунтового "пола" - 15 x 10 м). Дневной свет легко проникает внутрь полости благодаря большим размерам входа (7 x 6 м), обращенного к юго-востоку.

Максимальная мощность рыхлых отложений, выявленная благодаря раскопкам З.А.Абрамовой, составила около 4 м. Вся толща сложена из восьми слоев, представленных в значительной мере типичными приустьевыми пещерными осадками, насыщенными в разном объеме десквамационным известняковым материалом с супесчано-суглинистым заполнителем эолового и субаллювиального генезиса. По археологическим находкам второй слой датирован мезолитом, четвертый - поздним палеолитом; слои 5, 6, 7 - мустыре. Восьмой слой лишен археологических и палеофаунистических находок. Возраст четвертого слоя по мнению Н.М.Ермоловой (сб. Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука. 1983, с. 103) не менее 31 тысячи лет.

Богатая по обилию и видовому разнообразию териофауна грота, представленная в значительной мере обломками костей крупных млекопитающих, охарактеризована Н.М.Ермоловой следующим образом: слои 2 и 3 - остатки мелких млекопитающих из погадок и кости архара; слой 4 - преобладает архар, отмечены кости байкальского яка, а также редкие остатки мамонта и северного оленя (в одной из публикаций З.А.Абрамовой: КСИА. 1981, № 165, с. 76 - к этому слою отнесено большое количество остатков грызунов из погадок пернатых хищников); слои 5 и 6 - в порядке убывания отмечены многочисленные кости кулана и лошади, носорога, зубра и аргали, благородного оленя и сайги.

Здесь же обнаружены многочисленные зубы и разрушенные кости пещерной гиены, есть фрагменты скелетов пещерного медведя, серого волка, лисицы, росомахи, остатки зайцев, грызунов и птиц. Тафоценоз седьмого слоя по составу сходен с пятым и шестым слоями, отмечено преобладание в нем костей зубра. Слой 8 - (ярко-оранжевая глина) - лишен остатков животных.

В общей сложности во вскрытой толще отложений грота Двуглазка отмечены кости 23 видов млекопитающих.

Ввиду безвременной кончины Н.М.Ермоловой, участвовавшей в полевой работе по исследованию грота Двуглазка и, естественно, намеревавшейся со временем дать полную палеотериологическую характеристику памятника. Н.Д.Оводовым при любезном содействии З.А.Абрамовой и А.К.Каспарова

в 1991 году была предпринята попытка ревизии коллекции с целью выяснения повидовой по слойной количественной характеристики состава этого уникального тафоценона.

Наличный этикетированный материал из Двуглазки в камеральной лаборатории ЛОИА составил 2466 определимых костей млекопитающих и птиц и около тысячи фрагментов, условно отнесенных к остаткам копытных.

КОЛИЧЕСТВО ОСТАТКОВ МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ПТИЦ ИЗ ГРОТА ДВУГЛАЗКА

Вид	Из публикаций З.А. Абрамовой и Н.М. Ермоловой	Слои					
		2	3	4	5	6	7
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Lepus</i> sp.	+	-	-	-	-	-	-
<i>Lepus</i> cf. <i>tolai</i> Pall.	+	22	105	415	278	24	-
<i>Ochotona</i> sp.	+	2	27	46	11	-	-
<i>Citellus</i> sp.	+	3	-	18	19	3	-
<i>Marmota</i> sp.	+	-	-	62	30	4	-
<i>Cricetus</i> sp.	-	-	-	30	-	-	-
<i>Lagurus lagurus</i> Pall.	-	-	-	155	-	-	-
<i>Arvicola terrestris</i> L.	-	-	-	2	-	-	-
<i>Microtus gregalis</i> Pall.	-	-	-	7	-	-	-
<i>Microtus oeconomus</i> Pall.	-	-	-	2	-	-	-
<i>Microtus arvalis</i> Pall.	-	-	-	5	-	-	-
<i>Canis lupus</i> L.	4	2	-	2	1	2	-
<i>Vulpes vulpes</i> L.	+	-	-	2	5	-	-
<i>Vulpes corsak</i> L.	+	-	-	? 1	-	-	-
<i>Ursus spelaeus</i> Rosen.	+	-	-	-	-	-	-
<i>Ursus</i> sp.	+	-	-	-	2	-	-
<i>Gulo gulo</i> L.	+	-	-	-	-	-	-
<i>Putorius</i> sp.	-	-	-	-	1	-	-
<i>Crocuta spelaea</i> Goldf.	4	-	-	29	49	24	-
<i>Mammuthus primigenius</i> Blum.	+	-	-	-	1	-	-
<i>Eguus caballus</i> L. fossilis	+	-	-	62	132	51	1
<i>Eguus hemionus</i> Pall.	+	-	-	-	-	-	-
<i>Eguus caballus</i> L. (fossilis)	+	-	-	62	132	51	1
<i>Eguus hemionus</i> Pall.	+	-	-	62	132	51	1
<i>Eguus hydruntinus</i> Reg.	+	1	-	-	-	-	-
<i>Coelodonta antiquitatis</i> Blum.	+	-	-	13	65	32	-

	1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Cervus elaphus</i> L.	+	-	-	-	1	2	3	-
<i>CCervus</i> sp.	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>Carpeolus carpeolus</i> L.	-	-	-	-	2	-	-	-
<i>Alces alces</i> L.	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>Rangifer tarandus</i> L.	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>Poephagus baicalensis</i> N. Ver.	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>Bison priscus</i> Boj.	+	-	-	-	7	26	12	1
<i>Procavia</i> sp.	+	-	-	-	-	-	-	-
<i>Saiga tatarica</i> L.	+	-	-	-	1	-	-	-
<i>apra sibirica</i> Pall.	-	-	-	-	2	-	-	-
<i>Ovis ammon</i> L.	4	-	2	87	57	14	2	-
<i>Ovis nivicola</i> Esch.	-	-	-	1	-	-	-	-

ПТИЦЫ

<i>Anas platyrhynchos</i> L.	-	-	1	-	-	-	-	-
<i>Anas</i> cf. <i>acuta</i> L.	-	-	1	-	-	-	-	-
<i>Anas acuta</i> aut <i>penelope</i>	-	-	-	3	3	-	-	-
<i>Anas querquedula</i> L.	-	-	3	2	-	-	-	-
<i>Anas querquedula</i> aut <i>crecca</i>	-	-	-	-	-	-	3	-
<i>Anatidae</i> indet.	-	1	5	-	-	-	-	-
<i>Certhneis tinunculus</i> L.	-	-	10	13	-	-	-	-
<i>Falco cherrug</i> Gray	-	-	1	-	-	-	-	-
<i>Perdix dauticæ</i> Pall.	-	-	5	1	2	-	-	-
<i>Lagopus mutus</i> Montin	-	-	1	-	-	-	-	-
<i>L. lagopus</i> L.	-	1	24	+	17	11	-	-
<i>Lagopus</i> sp.	-	-	-	53	-	-	-	-
<i>Asio flammeus</i> Pontopp.	-	-	2	2	-	-	-	-
<i>Eremophila alpestris</i> L.	-	-	-	1	1	-	-	-
<i>Lanius excubitor</i> L.	-	-	-	1	-	-	-	-
<i>P. pyrrhocorax</i> L.	-	-	9	36	27	5	-	-
<i>Corvus corone</i> aut <i>cornix</i>	-	-	-	-	1	-	-	-
<i>C. corax</i>	-	-	-	3	1	-	-	-
<i>Passeriformes</i> indet.	-	2	-	3	-	-	-	-

Судя по данным таблицы, в уцелевшей коллекции не представлены остатки пещерного медведя, росомахи, пещерного льва, лося, северного оленя, байкальского яка, дзерена, что, безусловно, значительно снижает научную значимость произведенных раскопок, ибо ценность публикаций никогда не превысит исходный фактический материал. К опубликованным ранее материалам по плейстоценовым млекопитающим благодаря ревизии коллекции удалось добавить такие виды, как

хорь, сибирский горный козел, снежный баран, а также 16 видов птиц, из которых для палеолита Средней Сибири, подобно находке барана-чубука, впервые указаны: кряква, шилохвость, свиязь, чирок-трескунок и чирок-свиристунок, пустельга, даурская куропатка, болотная сова, рогатый жаворонок, большой сорокопут, клушица, ворона.

Особый палеозоогеографический интерес представляет первая для территории Хакасии находка черепа снежного барана, приуроченного к четвертому слою Двуглазки. Современный ареал этого животного простирается к востоку и северо-востоку от Ангары, охватывая горные районы Восточной Сибири, Чукотки и Камчатки. Изолированный участок ареала известен на плато Пutoran. Ископаемые плейстоценовые остатки снежного барана за пределами современного его ареала обнаружены ранее в Кузнецкой котловине (низкие западные отроги Кузнецкого Алатау и Салаира).

Новая находка черепа чубука, отстоящая много юго-восточнее прежних, свидетельствует об относительно резком сокращении его ареала в finale плейстоцена. Было ли причиной тому изменение растительной обстановки трудно сказать, так как нынешние островные степи юга Приенисейской Сибири указывают на устойчивость ландшафтов открытого типа в обширных котловинных понижениях рельефа, служивших лучшим местообитанием большинства копытных мамонтовой фауны.

Преобладающее количество степной пеструшки (определение Н.Г.Эрловой) в четвертом слое Двуглазки хронологически может быть связано с палеолитическим местонахождением Каштанка на левобережье Енисея, расположенного примерно в 130 км к северо-востоку от грота и датированного 23830 плюс-минус 850 лет (ИГАН - 1050). Нижележащие мустырские слои грота Двуглазка по видовому набору млекопитающих относительно близки тафоценозу грота Прокурякова на Белом Июсе, датированному 46 тысячами лет (СОАН - 848) и отстоящего к северо-западу от Двуглазки на расстоянии порядка 80 км.

Тафономически остатки птиц, зайцеобразных и грызунов связаны главным образом с пищевой деятельностью пернатых хищников, а кости крупных млекопитающих накопились в слоях вследствие продолжительного обитания в гроте пещерных гиен, следы которых, помимо собственно их костей, зафиксированы в виде капролитов и многочисленных погрызов, отмеченных на остатках крупных млекопитающих З.А.Абрамо-

вой и Н.М.Ермоловой. В пользу этого вывода свидетельствует также относительно малое количество артефактов и незначительные пожоги от кости, особенно в мустырских слоях.

Н.В.Мартынович, А.Ю.Тарасов
г. Красноярск

ПАЛЕОФАУНИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В КАРСТОВЫХ ПОЛОСТЯХ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Летом 1987 и 1991 годов во время археологических разведок по реке Тасеево был осмотрен карстовый массив по правому берегу реки в 65 км от слияния с Ангарой. Наибольший палеофаунистический интерес представляют две полости, названные пещерой Графской (ПГ) и пещерой Подкидыш (ПП). Описание ПГ дано в тезисах, посвященных археологическим находкам пещеры. ПП представляет собой узкую полость с высотой входа чуть более метра, длиной около пяти метров. Пещерка поднята над уровнем реки на 50-60 м. Кости животных в ПГ были включены в грубошебнистый заполнитель полости, а в ПП - в поверхностный слой буроватого суглинка мощностью 25-30 см. В обеих пещерах рыхлые отложения были переотложены, поэтому материал в инситном залегании обнаружить не удалось.

Органолептически кости можно отнести к голоценовому времени. Большая их часть слабо окрашена в палевый цвет, только единицы имеют более интенсивную окраску и на поверхности несут отложения солей в виде звездчатых дендритов. Костное вещество негигроскопичное, слабо минерализованное.

Всего было определено около 500 костных остатков, принадлежащих 40 видам млекопитающих и птиц (табл. 1). Вероятно, в накоплении их в ПП ведущую роль играли филины, о чем свидетельствует обилие костей грызунов, зайцев, птиц. ПГ в большей степени использовалась четвероногими хищниками.

В целом указанный фаунистический комплекс имеет таежный облик, определяемый такими обитателями тайги, как белка, соболь, кабарга, лось, рабчик, глухарь, длиннохвостая неясыть, мохноногий сыч, желна.

Повышенный интерес к го эоценовым, и в особенности к раннеголоценовым (постплейстоценовым), местонахождениям

фауны Приангарья определяется поиском таежных палеорефугиумов и связанных с ними таежным фаунистическим комплексом, который в позднесартанскую эпоху максимального похолодания был вытеснен в Приангарье (палеолитические стоянки Малытка, Усть-Кова) фаунистическим комплексом тундрово-лесотундрового облика. Отсутствие четкой стратиграфии, абсолютных датировок заметно снижает научную ценность ПГ и ПП. Однако, в палеофаунистическом отношении полости представляют несомненный интерес, поскольку дают представительный и оригинальный материал по млекопитающим и птицам голоцену Приангарья.

**ВИДЫ МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ПТИЦ, ОТМЕЧЕННЫЕ
В ПЕЩЕРАХ ГРАФСКАЯ И ПОДКИДЫШ**

	ПГ	ПП		ПГ	ПП
МЛЕКОПИТАЮЩИЕ					
Крот		+	Чирок-свистунок	+	
Летучая мышь		+	Гоголь	+	
Водяная полевка		++	Пустельга	+	
Заяц-беляк	+	++	Чеглок	+	
Бурундук		+	Сапсан	+	+
Летяга		+	Ястреб-тетеревятник	+	
Белка		++	Осоед	+	
Ласка		+	Тетерев	+	+
Горностай		+	Рябчик	+	+
Соболь	+	+	Глухарь	+	+
Барсук		+	Коростель	+	
Рысь	+		Вальдшнеп	+	
Волк	+		Голубь	+	
Лисица	+	+	Мохноногий сыч	+	
Медведь	+		Длиннохвостая		
Косуля	+	+	неясность	+	
Лось	+		Ушастая сова	+	
Кабарга	+		Филин	+	
ПТИЦЫ					
Кряква		+	Белопоясничный		
Свиязь		+	стриж	+	
			Желна	+	
			Певчий дрозд	+	
			Кукиша (?)	+	

А.С.Вдовин
г. Красноярск

**ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА
НА БОЛЬШОМ КЕМЧУГЕ**

Стоянка открыта А.П.Окладниковым в 1970 году при осмотре правобережной части мыса реки Б.Кемчуг. Памятник расположен на 16-20 метровой террасе, которая поднимается к востоку до 40 м, в правобережной части деревни Большой Кемчуг (Козульский район Красноярского края) в 100 км к западу от краевого центра.

В 1975 году Алексей Павлович проводит раскопки стоянки на площади 41 кв. м. В 1991 году разведочным отрядом археологической экспедиции Краевого дворца творчества юных на памятнике был собран подъемный материал, определены перспективы исследования.

Площадь памятника составляет около 2000 кв. м. Большая часть стоянки уничтожена дорогой, пересекающей ее по центру, а также местными жителями, берущими здесь глину для хозяйственных нужд.

Стратиграфическая ситуация стоянки следующая:

1. Дери - 10-15 см.
2. Серо-желтая супесь - 20-30 см.
3. Серо-коричневая глина - 18-46 см.
4. Серо-желтая супесь - ниже.

Находки фиксируются в слое серо-коричневой глины.

В связи с тем, что материалы А.П.Окладникова неопубликованы, однослойность стоянки позволяет рассматривать всю совокупность полученных археологических материалов, как один одновременный комплекс.

Коллекция каменного инвентаря составляет 463 предмета. Основную массу находок представляют отщепы и осколки кремнистого сланца.

Нуклеусы составляют самую многочисленную группу выразительных изделий - 18 экз. Среди них: одноплощадочные грубопризматические и клиновидные; двухплощадочные с площадками, расположенным параллельно друг другу и под углом 90°; нуклеусы с бессистемным принципом расщепления. Со всех типов скальвались пластины и отщепы неправильной огранки.

Группа орудий малочислена и составляет 12 экз. Скребла на крупных отщепах с ретушью со спинки. Скребки на отщепе с крутой ретушью. Рубящее орудие с перехватом (топор?), отбойник, а также встречены пластины с ретушью.

А.П.Окладниковым были обнаружены остатки жилища площадью 36 кв. м. Оно имело впущенный в глубь котлован. Пол почти горизонтальный. На плечиках и полу располагались каменные изделия: нуклеусы, пластины и отщепы.

Комплекс каменных изделий находит аналогии с памятниками раннего голоцена (мезолит) бассейна Среднего Енисея и предварительно может быть отнесен ранней стадии мезолита (10-9 тыс. лет назад).

Памятник требует дальнейшего изучения в связи с тем, что он интенсивно разрушается. Поэтому необходима организация охранно-спасательных работ. А так же памятник представляет особый интерес, как, вероятно, долговременная стоянка, о чем свидетельствует наличие жилища-полуземлянки, и как памятник раннего мезолита для понимания процессов переходного периода от эпохи позднего палеолита к мезолиту, который практически не изучен в данном регионе.

С.А.Васильев
г.Санкт-Петербург

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ СИБИРИ И МАДЛЕН ФРАНЦИИ: ПАРАЛЛЕЛИ В СТРУКТУРЕ СТОЯНКОК

1. За последнее время в различных областях Сибири исследованы на широкой площади десятки многослойных памятников, приуроченных к толщам перигляциального аллювия низких надпойменных террас (Приобье, Прииртышье, Енисей, Приангарье, Верхняя Лена, Забайкалье). По большей части эти стоянки относятся к финальному отрезку плейстоцена (16-10 тыс. лет) и хронологически близки памятникам французского мадлена. Самым поразительным фактом является сходство сибирских памятников с группой мадленских стоянок Парижского бассейна, исследованных коллективом под руководством А.Леруа-Гурана и продолжателями его дела (Пенсеван, Вербери, Марсанжи, Этьоль, Ле Тартарет II и др.). Несмотря на огромную разницу в облике каменной индустрии,

позднепалеолитические стоянки, расположенные на разных концах Евразии, обладают рядом общих черт в структуре культурного слоя и характере изученных в нем объектов.

2. Прежде всего, сходство заключается в геологическом контексте и строении культурного слоя. Залегающие в слоистом аллювии культурные слой сравниваемых памятников довольно тонкие, иногда подразделяющиеся на ряд горизонтов. В плане залегание культурных остатков прерывистое, стоянки представляют собой скопления разбросанных по площади приочажных комплексов, разделенных обширными пространствами слоя с разреженными находками. Зачастую уровень слоя здесь определяется только как горизонт залегания предметов.

3. Основная масса находок сосредотачивается в насыщенных артефактами и костями и окрашенных углем (иногда охрой) скоплениях округло-ovalной в плане формы, расположенных вокруг очагов. По сибирским материалам можно выделить ряд типов очажных конструкций: маломощные кострища, углубленные в землю очаги, очаги с каменными обкладками различных модификаций. Эти очаги имеют прямые аналогии во Франции. В то же время в сибирских памятниках нет очагов в виде мощных каменных набросок с кучами приочажных камней (Этьоль). В ряде случаев очаги группируются в линию по 3-4, образуя овальные скопления остатков (Усть-Менза II и III, Майнинская, Пансеван). Основной вопрос, возникающий при интерпретации приочажных скоплений - это проблема разделения остатков легких наземных жилищ от следов огня, разводившегося под открытым небом. Легче проблема решается, когда сохранилась кольцевая внешняя обкладка жилища в виде пунктирной линии камней (Усть-Менза I-IV, Студеное I, Уй II, Этьоль). В целом разработанная А.Леруа-Гураном по материалам Пансевана модель структуры остатков приложима и к сибирским памятникам. Так, во вскрытом в 7 культурном слое стоянки Уй II овальном жилище четко дифференцируется почти свободная от находок задняя часть жилья за очагом (спальное место), центральная приочажная зона и привходовая площадка. Гораздо труднее установить наличие жилища в случае отсутствия кладки. Разработанная Л.Бинфордом по этноархеологическим данным модель распространения остатков в плане при наличии костра под открытым небом приложима в ряде случаев как к французским (Вербери), так и к сибирским (Полубая I, Майнинская) образцам. Однако в отличие от мадленских стоянок на Енисее нет однозначной связи мощных приочажных скоплений и очагов с каменными конструкциями.

В качестве одного из критериев выделения жилых сооружений может быть выдвинута повышенная концентрация пластинок с притупленным краем (Пенсеван, Вербери, Этьоль, Уй II).

4. Особый вид структур - расположенные поблизости от очага или изолированного скопления расщепленного камня - "рабочие площадки". Анализ состава находок позволяет наметить определенную типологию таких концентраций (места с полным циклом производства, с преобладанием деятельности по первичному раскалыванию или же изготовлению орудий). В отличие от французских памятников, в Сибири практически нет (за исключением Корево I) куч выброса - следов очистки жилых сооружений от мусора. Работы по массовому ремонту, изучению "связей" продемонстрировали внутреннюю упорядоченность пространства стоянок, позволяя выделить в пределах даже относительно кратковременных поселений ряд фаз обитания. Выделяется связь между жилищем с центральным очагом, дополнительными периферийными очагами и мастерскими, в совокупности составлявшими хозяйствственно-бытовой комплекс - место жизнедеятельности одной или нескольких семей.

5. Сходство в структуре памятников, разделенных тысячекилометровыми расстояниями и относящихся к различным зонам развития позднепалеолитической культуры, может быть объяснено только общностью хозяйственно-культурного типа кочевых охотников на стадных копытных. Стоянки представляли собой сезонные места обитания древних общин, преимущественно нам достаются памятники, заселившиеся в течение весны-осени. Накопленный уже сейчас материал позволяет в будущем перейти к задаче карттирования хозяйственно-культурных типов финального плейстоцена в масштабе Евразии.

С.А.Лаухин,
г.Москва

ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ ЧЕЛОВЕКОМ КАМЕННОГО ВЕКА В НАЧАЛЕ ГОЛОЦЕНА (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕЙ СИБИРИ)

Формирование первых центров заселения палеолитическим человеком Алтас-Саянской горной области (Алтай Минуса и

др.) относится к среднему плейстоцену и, как выясняется в последние годы, не к самому концу его. Не исключено появление его в Северной Азии и в более ранние этапы геологической истории. Однако на обширных пространствах этого региона к северу от его южного горного пояса (Казахский мелкосопочник и южное горное обрамление Сибири) и предгорий этого пояса самые ранние местонахождения палеолита не древнее 35 тыс. лет. При этом ойкумена палеолитического человека 35-15 тыс. лет назад занимала едва ли третью этой территории на юге и востоке ее (Лаухин, 1990). Лишь 13-10 тыс. лет назад произошла незначительная экспансия его на равнины, но более половины Северной Азии по-прежнему оставалась незаселенной. Причем большая, незаселенная, часть этой обширной территории отличалась (и отличается) условиями наименее благоприятными и экстремально неблагоприятными для обитания человека. Эта половина Северной Азии была заселена практически в течение одного-двух тысячелетий и 8-9 тыс. лет назад человек каменного века уже осваивал арктические острова около 76 град. с.ш. Очевидно, в этот же период более плотным стало население и южных территорий. Поэтому изучение палеоэкологических условий первой половины голоценена представляет особый интерес при решении проблем заселения Северной Азии человеком каменного века.

Одним из важнейших показателей палеоэкологических условий обитания человека каменного века являются палеоклиматы. До недавнего времени палеоклиматы первой половины голоценена реконструировались в основном на качественной основе. Накопление фактического материала позволяет в настоящее время перейти к реконструкциям основных показателей палеоклимата на количественной основе: средненянварских (зимних), среднисентябрьских (летних), среднегодовых температур и среднегодовой суммы осадков для разных этапов первой половины голоценена.

В преобореале-бореале выявляется одно-два резких похолодания, когда среднегодовая температура на 1-3 град., а годовая сумма осадков на 30-50 мм были ниже современных. Они разделялись потеплениями, самое значительное из которых приходится на оптимум бореала.

Максимальное увеличение солнечной радиации и концентрации CO_2 в атмосфере приходится на оптимум бореала около 8,8-8,5 тыс. лет назад. Однако в это время еще существовал Лаврентийский ледниковый щит и в зоне атлантического влияния (Средняя Сибирь находится на востоке этой зоны)

оптимум голоцене приходится на более позднее время - 6-5 тыс. лет назад. Около 8,8 тыс. лет назад выхолаживающее влияние могли оказывать и остатки ледников на Пutorане. Поэтому оптимум также несколько запаздывает.

Около 8,5 тыс. лет назад на Севере Средней Сибири среднегодовая температура была на 3-5 град., а сумма осадков на 100-150 мм больше, чем современная; в средней части региона климатические показатели были близки современным, а на юге - среднеянварские и среднениольские температуры могли опускаться на 2-3 град., сумма же осадков была на 50 мм ниже современной.

6-5,5 тыс. лет назад, в оптимум атлантика, на севере Таймыра среднениольские температуры были на 3-4 град., а среднеянварские - на 2-3 град. выше современных. К западу от р. Котуй среднегодовые суммы осадков были на 100-150 мм больше современной, а к востоку от Анабара - близка к современной и даже ниже. В районе Подкаменной Тунгуски среднегодовые температуры были на 2 град., а южнее - на 1 град. выше современных. Количество осадков южнее 55 град. с.ш. было близко к современной. Лесотундра продвигалась на 200-300 км, а южная граница многолетней мерзлоты на 300-400 км севернее современного положения.

Анализу материалов количественных реконструкций палеоклимата первой половины голоцене и некоторым палеоландшафтным следствиям изменения палеоклиматов посвящено предлагаемое сообщение. Сделана попытка проследить детали изменения палеоклимата, палеоландшафтов и возможный ход расселения древнего человека в пределах Средней Сибири в первые 2 - 3 тысячи лет голоцене.

Н.А.Савельев, А.Г.Генералов,
Т.А.Абдулов, С.А.Дзюбас
г. Иркутск

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (К СВОДУ ПАМЯТНИКОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

1. При паспортизации археологических местонахождений часто возникает проблема, когда научные интересы сложившихся коллективов не совпадают с границами административ-

ных районов. Чтобы исключить дублирование работ и получить возможность постоянного и взаимоприемлемого обмена научной информацией необходимы регулярные публикации результатов проводимых полевых исследований. Несмотря на очевидную актуальность подобных публикаций, в рамках сложившейся практики археологических работ, подобное встречается очень редко. Эту ситуацию, на наш взгляд, можно разрешить созданием серии ежегодных выпусков "Археологических открытий Северной Азии", которые могут возбудить определенный интерес у различных групп паспортизации отдельных регионов и создадут фон для упрощения их работы.

2. Предлагая вниманию исследователей настоящую публикацию с перечнем археологических местонахождений Канской лесостепи, открытых и в различной степени изученных Канским, Мезенским, Маслеевским и Нижнеканским отрядами Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (КАЭ ИГУ), авторы полагают, что она положит начало доброй традиции в направлении плодотворного обмена информацией и успешного проведения паспортизации археологических памятников.

3. Впервые задача сплошного и комплексного обследования территории Канской лесостепи и непосредственного финансирования работ была поставлена в 1972 г. Работы велись в соответствии с научной тематикой кафедры всеобщей истории и лаборатории археологии ИГУ в рамках программы "Сибирь" и комплексных программ Минвуза СССР и РСФСР. Основной целью был поиск и детальное изучение многослойных, хорошо стратифицированных поселений, которые по своей информативности могли бы стать опорными для характеристики археологических культур. К 1989 г. открыто 109 пунктов археологических местонахождений в хронологическом диапазоне от позднего палеолита до железного века. Значительная часть из них достаточно полно изучена с получением и обобщением данных не только археологии, но и геологии, палеозоологии, палеоботаники; составлена предварительная периодизация археологических культур.

4. В ближайшее время главной задачей станет детальное и всестороннее изучение археологических памятников в Канском, Казачинско-Потанческом, Маслеевском, Мезенском и Нижнеканском районах. Планируется также сплошное обследование Канско-Бирюсинского междуречья и долины р. Бирюсы.

ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ Р.КАН

Наименование памятника	Тип	Административный район	Хронология
1	2	3	4
Шумиха I,II	стоянки	Иланский	палеолит-мезолит
Укладов Лог	-"	Канский	палеолит
Бражное I-III	-"	-"	палеолит-неолит
Ашкапул	-"	-"	бронза
Попиха	посел.,мог.	-"	мезолит-железо
Волково	стоян.,погр.	-"	неолит-железо
о-в Ржавый	погребение	-"	железо
Катарная гора I,II	стоянки	-"	неолит, бронза
Пионерлагерь	стоянка	-"	неолит, бронза
Анжевка I-III	стоянки	-"	неолит
Ключ	стоянка	-"	мезолит-бронза
Смоленка I,II	стоянки	-"	мезолит-бронза
Стрижовая Гора	поселение	-"	палеолит-бронза
Мусульманское	-"	-"	мезолит-бронза
Предмостная	стоянка	г.Канск	мезолит
Анцирь	-"	Канский	неолит-бронза
Туевская	-"	-"	неолит-бронза
Терское I-Y	стоянки	-"	неолит-железо
Высокие Борки	стоянка	-"	мезолит-бронза
Харлово I,II	стоянки	-"	мезолит-неолит
Пермяково	стоянка	-"	неолит-бронза
Змеинка	-"	-"	бронза
Комарово	-"	-"	неолит-бронза
Зыково	-"	-"	мезолит, неолит
Казачка I-YIII	поселения	-"	мезолит-железо
М.Камала I,II	стоянки	Рыбинский	неолит-бронза
Черемшанка I,II	-"	-"	неолит-бронза
Б.Уря	стоянка	Канский	неолит-бронза
Б.Камала	-"	Рыбинский	неолит-железо
Ручей	-"	-"	неолит-бронза
Потанецет I-Y	поселения	Канский	палеолит-железо
Алешино I-III	стоянки	Рыбинский	мезолит
Ефремушкин	стоянка	-"	мезолит
Осиновый	поселение	-"	неолит-железо
Б.Ростовцев I,II	стоянки	-"	мезолит-бронза
Усть-Талая	стоянка	-"	мезолит
Усть-Рыбная I,II	стоянки	Уярский	мезолит-бронза

1	2	3	4
---	---	---	---

Усть-Немкино I-III
Усть-Кан I,II

-"
-"
-"
-"

Сухобузимск. палеолит-железо
мезолит, неолит

Памятники долины р.Усолка

Березовка I-IV	стоянки	Абанский	железо
Мезенск I,II	-"	-"	палеолит-железо
Гурьев лог	стоян.,погр.	-"	бронза-железо
Курай I,II	стоянки	Дзержинский	неолит
В.Тонай I,II	-"	-"	неолит-железо
Н.Тонай I,II	-"	-"	неолит-железо
Усолка I-III	-"	-"	неолит-железо
Ермолинка I,II	стоянки	-"	бронза
Денисово	стоянка	-"	неолит-бронза
Макарово	-"	-"	мезолит
Кондратьевское поле	-"	-"	бронза
Кондратьевские горы	-"	-"	неолит-бронза
Сухой ручей	-"	-"	железо
Усть-Топол	-"	-"	бронза-железо
Ярок	стоянка	-"	бронза-железо
Бакчет	-"	-"	неолит-бронза
Хандала	-"	Тасеевский	неолит-бронза

Памятники долины р.Абан

Становое	стоянка	Абанский	железо
Воробьевка I,II	стоянки	-"	бронза-железо
Лежневка I,II	-"	-"	неолит-бронза
Усть-Абан	стоянка	Дзержинский	неолит-бронза

Улоколь I-III	стоянки	Дзержинский	неолит-железо
---------------	---------	-------------	---------------

Маслеево I-Y	стоянки	Дзержинский	неолит-железо
--------------	---------	-------------	---------------

Низинка	стоянка	Рыбинский	неолит, железо
Рыбная I,II	стоянки	-"	бронза-железо

В.И.Привалихин, Н.П.Макаров,
А.С.Чупров
г. Красноярск

ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В КАНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Северная периферия Канской лесостепи (Дзержинский, Абанский районы), переходящая в обширные таежные массивы Нижнего Приангарья, представляет собой территорию, которая в археологическом отношении обследована и изучена еще слабо. Поэтому особый интерес у специалистов - археологов вызывают многочисленные свидетельства информаторов и очевидцев о случайных находках археологических артефактов на указанной территории, в местах предполагаемого существования древних поселений, стоянок и могильников. Как правило, эта информация и находки поступали в местные школьные музеи, а также в Канский и Красноярский краеведческие музеи, и в последующем служили путеводной нитью для проведения целенаправленного археологического поиска и раскопок различными научными организациями и учреждениями.

Так, например, директор Ношенской восьмилетней школы Абанского района В.М.Кривоносов организовал при школе небольшой историко-краеведческий музей. В археологической экспозиции его музея имеются предметы, представляющие большую научную ценность. К их числу следует отнести бронзовый тагарский котел, бронзовый кельт, каменные пришлифованные орудия, найденные вблизи деревень Ношино и Березовка. Им были собраны интересные сведения о местонахождении древних стоянок верхнего течения реки Усолки. Приведем некоторые из них.

В 1912 году крестьянин деревни Ношино Асютин Егор Яковлевич, работая с братом на правом берегу ручья Итанак, впадающего в реку Усолку, выпахал "медную сбрую, удила и бронзовые стремена".

В двух километрах к западу от деревни Мачино крестьянин Осетров при вспашке поля неоднократно находил каменные орудия, кости и изделия из меди и бронзы.

В 30-х годах нашего столетия местный житель Мутовин Ефим выпахал плугом древнее кострище, бронзовый котел, принадлежности сбруи, стремя и человеческие кости. Часть

предметов и кости были переданы в Канский краеведческий музей.

В 1960 году Захаров Михаил в пойме реки Усолки, на участке впадения ручья Истра, нашел бронзовый котел и три бронзовых орнаментированных кельта.

В 1968 году в Красноярский краевой музей поступила коллекция археологических предметов, собранных учителем Покотевской средней школы Абанского района А.П.Мишиным в окрестностях поселка Хиндичет, расположенного на правом берегу реки Бирюса. Коллекция состояла из фрагментов керамической посуды, ножевидных призматических пластинок, скребков и наконечников стрел с ретушированными пильчатыми краями. Все эти предметы были найдены на территории нижнего склада Хиндичетского лесопункта. В сентябре 1969 года археолог краевого музея Н.В.Нащекин предпринял разведку данного района. Результатом этой разведки явилось открытие трех археологических памятников в пунктах Хиндичет - 1, 2, 3 (Нащекин, 1969; Макаров, 1989).

В 1973 году в Дзержинском районе, на северном возвышенном берегу озера Улюколь, при планировании бульдозером площадки под фундаменты домиков строящегося пионерского лагеря, были вскрыты четыре древних могилы. Разрушенные погребения обнаружили ребята из пионерского лагеря Денисовской вспомогательной школы-интерната, отдыхавшие поблизости. Они сообщили о своих находках директору лагеря В.И.Чубарову. Обследуя древний могильник, он обратил внимание на расположение погребений, которые шли на равном расстоянии друг от друга строго с севера на юг и предположил, что за четвертым погребением должны следовать другие захоронения. Вот как он описывал в районной газете "Дзержинец" дальнейшее развитие событий.

"...Поиск был продолжен. Лопата уперлась во что-то твердое. Осторожно руками разгребаем землю. Вскоре обозначился еще один скелет. Человек был захоронен лицом вниз. У изголовья истлевший сосуд, по-видимому, деревянный или из бересты. На плечо положен бруск, похожий очертаниями на каменный молоток. Рядом с левой рукой - глиняный сосуд.

...Из раскопанной могилы мы вынули костяной наконечник стрелы, костяные крючки для вязания рыболовной снасти, костяные ложки, каменные ножи". Пополнилась и коллекция бус из ракушек" (Чубаров, 1973).

Остается лишь сожалеть, что только малая часть предметов погребального инвентаря из разрушенного могильника, датиру-

емого ранним бронзовым веком, поступила в фонды Канского краеведческого музея и в Красноярский краевой музей (ККМ, о/ф, № 6413 - (1-7) - табл. 1, рис. 2 - 5).

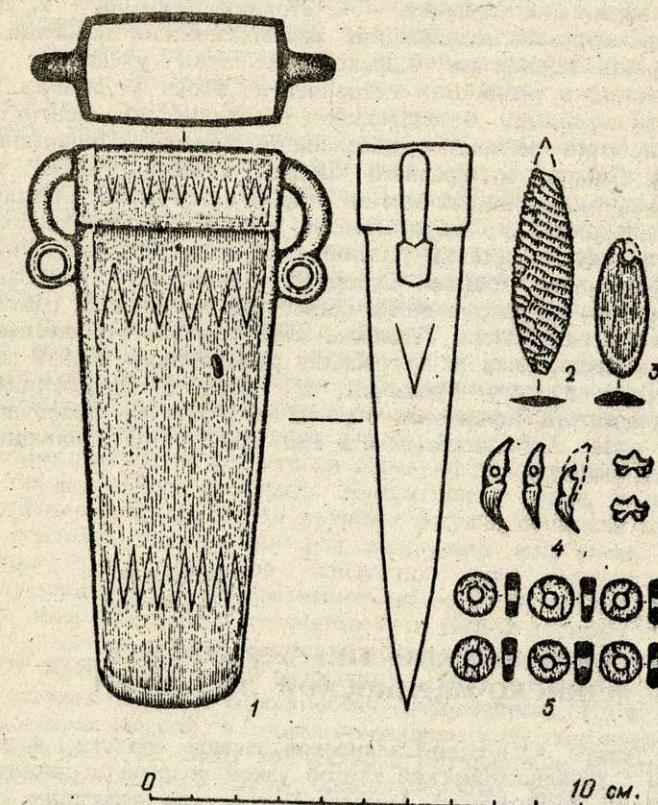
В июле 1989 года на озере Улюколь, на месте расположения пансионата-больницы, председатель Дзержинского сельского совета Г.О.Гусарова нашла бронзовый орнаментированный кельт (табл. 1, рис. 1), переданный ею позднее в Дзержинский районный краеведческий музей.

Летом 1980 года рабочий Канского химлесхоза В.Н.Колбаса, проводя в лесу близ села Дзержинское межквартальную распашку, обнаружил каменный топор с ушками. Судя по его рисунку, присланному вместе с письмом в Красноярский краевой музей, топор имел размеры 19,7 x 8,3 x 2,5 см.

В 70-х годах к исследованию археологических памятников на территории Канской лесостепи приступила Комплексная археологическая экспедиция Иркутского государственного университета. В 1972 году была обследована долина реки Кан. Открыто 20 памятников археологии различных эпох, ряд из которых многослойные (Стрижова Гора, Казачка, Потанчет, Камала) (Дзюбас, 1985).

В 1980-1983 годах КАЭ ИГУ было проведено обследование рек Усолка, Абан, Топол, а также озер Улюколь, Маслеево. Обнаружено 25 стоянок, 8 из которых относятся к эпохе бронзы (Мезенск, Гурьев лог, Верхний Тонай - 2, Улюколь - 1,3, Лежневка - 2, Маслеево - 3,4) (Генералов, 1982; Дзюбас, 1985). По мнению иркутских исследователей, все местонахождения бронзового века Канской лесостепи разбиваются на четыре локальные группы (Мезенская, Маслеевская, Улюкольская, Казачинско-Потанчетская), занимают сравнительно небольшой отрезок времени и относятся к концу III - первой половине II тыс. до н.э. (Дзюбас, 1985).

В 1989 году научный сотрудник Красноярского краевого музея В.И.Привалихин обнаружил в районном центре села Дзержинского древнюю разновременную стоянку. В 1991 году Археолого-этнографическая экспедиция (АЭЭ) краевого музея, совместно с Дзержинским районным краеведческим музеем, провела раскопочные работы на памятнике. На площади раскопа (6 x 6 м) выявлены два культурно-содержащих горизонта. Предварительное изучение керамического материала, полученного в процессе раскопок стоянки Дзержинское, дает нам основание первый культурный горизонт датировать железным веком, а второй культурный горизонт отнести к эпохе неолита.

К докладу В. И. Привалихина и др.,
"Исследование археологических памятников
Канской лесостепи". Случайные находки на
стоянке, могильнике Улюколь-І

Помимо стационарных работ на стоянке Дзержинское, АЭЭ ККМ провела обследование берегов озера Улюколь. Осмотрены стоянка, могильник Улюколь - 1, стоянки Улюколь - 2, 3.

Таким образом исследования археологических памятников на северной периферии Кансской лесостепи указывает на существование в различные исторические эпохи устойчивых и тесных культурных, а возможно и этнических контактов населения этого региона с населением Нижнего Приангарья, Западной Сибири и Среднего Енисея. Особенно четко это видно на примере присутствия во втором культурном горизонте стоянки Дзержинское керамической посуды, декорированной оттисками "сетки-плетенки", которая повсеместно присутствует на неолитических стоянках Северного Приангарья. Погребальный инвентарь из разрушенных погребений могильника раннего бронзового века с озера Улюколь, обнаруживает удивительное сходство с предметами из погребения раскопанного в 1959 году З.К.Глусской в логу Гремячем, а также с погребениями, раскопанными на Афонтовой горе II в 1933 году археологом краевого музея А.Ф.Катковым и в 1937 году А.П.Окладниковым (Глусская, 1963).

В.В.Бобров
г. Кемерово

СМИРНОВСКИЙ ТИП КЕРАМИКИ В АЧИНСКО-МАРИИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

На севере Кузнецко-Салаирской горной области, в зоне контакта с западносибирской тайгой узкой полосой в широтном направлении расположена Ачинско-Марийская лесостепь, соединяющая два древних культурно-исторических центра Южной Сибири: верхнеобский и среднеенисейский. В основном изучение археологических памятников эпохи неолита и бронзы этого района связано с 70-80-ми годами нашего столетия, что было обусловлено формированием научных направлений кафедры археологии Кемеровского государственного университета и началом промышленного освоения зоны КАТЭКа. В эти годы здесь было исследовано свыше 20 памятников, содержащих разновременные и разнокультурные материалы. Специфика исторической среды этой зоны, фрагментарность археологиче-

ских источников осложняют их классификацию, определение их хронологической и культурной принадлежности. В связи с этим особое значение приобретают памятники с керамическими комплексами, имеющими отчетливо выраженную характеристику. Одним из них является поселение Смирновский ручей-1.

Памятник расположен на первой надпойменной террасе реки Кия в предгорнотаежном районе. Среди многочисленных фрагментов посуды переходного времени от эпохи бронзы к железу, которые характеризует крестово-штамповная орнаментация, и эпохи раннего средневековья выделяется комплекс (не более 10-15 сосудов), обладающий своеобразными технологическими, типологическими и декоративно-морфологическими признаками. (Бобров, 1982). В нем преобладают сосуды открытой баночной формы, изготовленные из глиняной массы с добавками шамота, дресвы и песка (внутреннюю поверхность выколачивали, а затем заглаживали); венчик с прямым срезом, по краю которого нанесены наколы, реже волнообразный. Вся поверхность сосудов, включая дно, орнаментирована. Техника нанесения декора - отступающая конволютивная. Ведущим орнаментом являлась широкая округлая лопаточка. На сосудах небольших размеров ее оттиски образуют горизонтальные ряды, что придает моносюжетность декоративной схеме, а на дне концентрические круги. На крупных сосудах орнамент зонален: под венчиком расположен ряд жемчужин или ямок, диагональные ряды оттисков лопаточки или горизонтальные, чередующиеся с волнообразными линиями. Остальная поверхность орнаментирована сплошными рядами оттисков.

Аналогичные керамические материалы найдены на поселениях Инголь и Кадат-б (Курочкин, 1983), а также в третьем слое стоянка Няша в окрестностях г.Красноярска. Но в целом, по морфологической и типолого-декоративной характеристике этот комплекс не имеет тождества с материалами лесостепного и таежного Приобья, да и более западных районов. Близок ему декор некоторых сосудов окуневской культуры (Максименков, 1981), а по диагональному размещению орнамента в зоне венчика он сведен с крохалевской керамикой. Необходимо также подчеркнуть, что крупные орнаменты, особенно широкая лопаточка, характерны для Забайкалья, Тувы, вероятно, Среднего Енисея, в частности, для памятников предгорнотаежных районов.

Учитывая своеобразие керамического комплекса поселений Смирновский ручей-1, Инголь, Кадат-б, вероятно, можно выделить особый тип, который целесообразнее назвать "смир-

новским". Генетически он связан с керамическим комплексом, также расположенным в Ачинско-Маринской лесостепи и Причулымье, характеризующимся иной технологической традицией, но орнаментированным отступающей палочкой, формирующей кроме волнистых линий горизонтальные ряды, взаимопроникающие треугольники, а также вертикальной разбивкой орнаментального поля (стоянка Няша, Дрокино-2, Увалы, Березовый ручей-1, 2, Инголь). Эти материалы отражают существование какой-то культуры, население которой обитало в зоне контакта тайги и лесостепи в пределах Обиенсейского междуречья.

Что же касается хронологии "смирновского типа", то есть основания, прежде всего сравнительно-типологического порядка, отнести его к началу II тыс. до н.э.

В.С.Николаев, А.И.Уваров
г. Иркутск

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД УСТЬ-ИЛГИНСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ВЕРХНЕЙ ЛЕНЕ

Впервые древние захоронения у села Усть-Илга были исследованы А.П.Окладниковым в 1930 г. Им было раскопано два погребения, одно из которых двойное (Окладников, 1955).

В 1989 году А.И.Уваровым на правом мысу устья реки Илги в подрезке дороги, поднимающейся по ленскому борту на заброшенную пашию, были зафиксированы кости скелета человека. В результате проведенных в 1989-1990 гг. раскопок могильника, получившего название Усть-Илгинский, были получены новые материалы по погребальным комплексам бронзового века Верхней Лены (Уваров, Николаев, 1990).

Могильник дислоцируется в ленском борту 20-50-и метровой цокольной террасы, оформленной долинами рек Илги и Лены, с относительными отметками 11-13 м. Вскрыто 11 погребений. Захоронения производились ярусно, в две линии, параллельно реке Лене, в направлении ЮЗ-СВ. Все погребения грунтовые. Надмогильные кладки из плит красно-бурового песчаника мало согласуются с самими погребениями, что объясняется их перемещением по склону из-за большого уклона последнего (40 град.). В плане кладки продолговато-ovalной

формы, в средней части плиты имеют близкое к вертикальному положение. Уровни заложения могильных ям, их контуры не фиксируются. Глубина залегания костяков от современной дневной поверхности 10-50 см.

Из десяти погребений могильника (одно, № 8, полностью разрушено дорогой) нами выделено четыре группы захоронений. В основу их выделения положены: трупоположение покойного, особенности обряда погребения (воздействие огня, отсутствие черепа и пр.).

1. Погребения с горизонтальным положением костяка, вытянутым на спине (погр. № 1, 2, 3, 6, 9, 10, 11). Захоронения одиночные. Трупоположение горизонтально-вытянутое на спине. Руки располагались вдоль туловища, в погребении № 2 правая кисть находилась на тазовых костях, левая - под тазовыми костями; в погребении № 6 - на тазовых костях. Ноги вытянуты прямо, в погребении № 10 - согнуты в коленях и развернуты наружу, левое колено выше правого, кости стоп соединены вместе. Ориентация захоронений по линии ЮЗ-СВ (головой вниз по течению реки Лены). Кости в погребениях № 2, 3, 10, 11 принадлежат мужчинам, в погребениях № 1, 6 - женщинам, в погребении № 9 - подростку.

Все захоронения, кроме № 10, имеют сопровождающий материал, располагавшийся у пояса и рук костяков. В его состав входят: украшения - подвески из клыков марала, кольца из светло-зеленого нефрита и мрамора, бусы из пирофиллита и перламутра; предметы из кости и рога - игольник, иглы, шилья; изделия из камня - наконечники стрел, ножи, скребки, отщепы, расколотая галька, нож из нефрита; изделия из меди - игла (в погр. № 2), втулка (№ 3), фрагменты пластины - нож? (№ 6). Керамика представлена отдельными фрагментами сосудов: с отпечатками "сетки-плетенки"; гладкостенного с пальцевыми вдавлениями.

В погр. № 6 зафиксирован полный скелет соболя.

2. Погребение с горизонтальным положением костяка, вытянутым на спине и частичным сожжением черепа (погр. № 5). Умерший ориентирован по линии СВ-ЮЗ (головой вверх по течению реки Лены). Кости левой стопы отсутствуют. Череп, особенно правая теменная часть, был подвергнут сильному воздействию огня. Костяк принадлежал мужчине зрелого возраста.

Сопровождающий материал располагался в обл. сти грудной клетки: наконечники стрел из кости, бусы из перламутра; под

крестцом - две костяные иглы и ложка из рога. В ложке и вокруг неё находились коренные зубы соболя (43 экз.). Медный рыболовный крючок находился у правой ноги костяка.

Целый скелет и отдельные кости другого соболя располагались соответственно у левой голени покойного и черепа возле его жженой части, однако следов огня на них не обнаружено.

3. Двойное погребение на боку, коленями друг к другу (погр. № 4). Захоронение ограблено в древности. По сохранившимся остаткам костей удалось установить следующее: кости располагались на боку (левом-правом), ноги согнуты в коленях навстречу друг другу. Руки согнуты в локтях, кисти - на тазовых костях. Ориентированы по линии ЮЗ-СВ (головой вниз по течению реки Лены). Оба костяка принадлежали мужчинам.

В состав сопроводительного инвентаря входят: украшения - нефритовое кольцо, диски из мрамора; предметы из кости - лошила, шилья, иглы; изделия из камня - наконечники стрел, скребок, резец, отщепы. У одного из костяков находилось два полных скелета соболя.

В эту же группу следует включить и погребение № 1 1930 г., раскопанное А.П.Окладниковым. Погребение было двойное, в общей могильной яме находились два костяка - мужчины и подростка (Окладников, 1955). В состав погребального инвентаря входили: изделия из кости - пластины - "латы", шило; предметы из нефрита - топор, кружок и кольцо; изделия из камня - наконечники стрел, скребок, отщепы; изделия из меди - игла, трубочка, игольник, а так же глиняный сосуд-дымокур.

При работе с коллекциями этого захоронения нами были обнаружены кости скелета соболя, факт присутствия которых не был отмечен исследователем.

4. Погребение подростка с отсутствием черепа (погр. № 7). Находилось частично под погребением № 5, расстояние между костяками 10-15 см. Трупоположение на спине, таз развернут влево, ноги сильно согнуты в коленях под прямым углом к позвоночному столбу костяка. Руки согнуты в локтях, кисти - на тазовых костях. Череп отсутствовал, несколько зубов было рассеяно по всей площади погребения. Покойный ориентирован по линии ЮЗ-СВ (головой вниз по течению реки Лены). В состав погребального инвентаря входят: подвески из клыков марала, бусы из мрамора, кремневый наконечник стрелы.

Таким образом вышеописанный обряд погребения и сопровождающего материала всех групп захоронений Усть-Илгинского могильника характерен для погребальных комплексов глазковской культуры Прибайкалья.

Ярусное захоронение, рядная планировка, наличие надмогильных сооружений, трупоположение костяков на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и вытянутыми ногами (первая и вторая группа захоронений) имеет большое распространение среди могильников глазковской культуры на Лене и Ангаре (Окладников, 1955). Наиболее близкие аналогии можно проследить в Верхоленском и Усть-Ямном могильниках на Верхней Лене (Окладников, 1955; 1978; Зубков, 1978(А, Б); 1982; Аксенов, Лыхин, 1979).

Погребение № 5 с частичным сожжением черепа аналогично погребению № 27 Верхоленского могильника, где череп костяка был так же подвергнут сожжению (Окладников, 1978). Погребения с частичным и даже полным сожжением скелета известны на Ангаре - погребение № 3 из пади Усть-Долгой, погребение № 2 в деревне Евсеевой (Окладников, 1955).

Обращает на себя внимание погребение № 10. По определению антрополога Н.Н.Мамоновой, покойный при жизни страдал психическим заболеванием, связанным с воспалением мозга. Это, вероятно, объясняет отсутствие сопровождающего инвентаря.

Парные погребения, составляющие третью группу захоронений, реже встречаются в погребальных комплексах глазковской культуры. На Лене они обнаружены в Верхоленском могильнике, погребение № 26 (Окладников, 1978); Поповский Луг, погребение № 1 (Зубков, 1982); на Ангаре - в могильниках Верхняя Буреть, погребение № 1 (Окладников, 1974); Подосторожное, погребение № 2; Шивера, погребение № 5; Усть-Уда, погребение № 9 (Окладников, 1975).

Захоронения без черепа известны в погребальных комплексах раннего бронзового века Прибайкалья. В могильниках Пономарево, погребение № 8; Буреть, Сухая Падь II, погребение № 4 (Окладников, 1974) у костяков череп отсутствовал, а в погребении № 1 могильника Подосторожное "Кирпичный Сарай" было обнаружено захоронение одного черепа. А.П.Окладников связывал подобное захоронение с существованием культа головы или черепа умершего (Окладников, 1955).

Одной из характерных черт погребального обряда является наличие в захоронениях костей соболя. Погребения с этим зверьком впервые на территории Прибайкалья были зафиксированы в могильниках у деревни Серово (погребения № 2, 12); Братский Камень (погребения № 3, 10) на реке Ангаре, в Верхоленском могильнике (погребение № 33) на Верхней Лене. Данные погребения относятся к серовскому этапу неолита Прибайкалья (Окладников, 1976, 1978). Одно погребение с соболем было найдено в Якутии, в бассейне реки Амги, около поселка Оиннес. По сопровождающему инвентарю датируется белькачинской культурой неолита Якутии (Козлов, 1980), синхронной серовской Прибайкалья.

Наличие скелетов соболя в погребениях Усть-Илгинского могильника свидетельствует: во-первых, об определенной преемственности в погребальном обряде серовской неолитической и глазковской культурой бронзового века. Во-вторых, об устойчивой связи между социальным положением покойного (независимо от пола) и положенным с ним зверьком; в третьих, о существовании культа животных, в данном случае соболя, у племен неолита - бронзового века Прибайкалья.

В.Т. Монгуш
г. Кызыл
В.А. Сёменов
г. Санкт-Петербург

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КАМЕННЫЕ ЧАШИ ИЗ ТУВЫ

В 1991 г. в Кызыльский Республиканский краеведческий музей были переданы два фрагмента каменной чаши, сделанной из черного агальматолита. Чаша была найдена случайно на огороде в поселке Хадын Пий-Хемского района Тувинской республики. Ее диаметр около 15 см. Она имела ровный венчик, бочонковидную форму, вероятно плоское дно (которое полностью отсутствует). Сбоку чашу украшает зооморфная ручка в виде головы комолого быка. Длина головы 6,5 см. Фактически это реалистическое скульптурное воспроизведение одного из самых популярных образов в энеолите Тувы и Южной Сибири. Голова быка имеет выступ на макушке,

большие длинные уши с прорезью, вырезанные на стенке чаши в технике низкого рельефа. Рот и ноздри намечены углублениями на овальном уплощенном кольце массивной вытянутой морды. Под большими круглыми выпуклыми глазами находится выступ-складка. Показана длинная шейная складка (серьга) и широкой выпуклой линией упряжь, окаймлявшая морду от макушки до шеи. Стилистически эта скульптура ближе всего стоит к плоскостным изображениям, известным по петроглифам Бижиктиг-Хая, вблизи Кызыл-Мажалыка, и на плите с горы Хайрыкан, на которой две фигуры выполнены в низком рельефе (Дэвлет М.А., 1990. С. 89-91). Скульптурное навершие в виде головы быка венчает два каменных жезла из Тувы. Один жезл представлен обломком, другой найден в погребении окуневского времени на р. Тарлышкин (Маннай-оол М.Х., 1961). Оба эти изображения отличаются меньшей детализацией в сравнении с головой быка на чаше из Хадына.

На наш взгляд Хадынская чаша изготовлена носителями окуневской культуры, памятники которой в Туве известны по раскопкам на могильниках Аймырлык (Мандельштам А.М., 1973) и Тарлышкин, стоянках Азас 1 и 2, Тоора-даш.

Одно из первых окуневских погребений в Туве было раскопано С.И. Байнштейном на левом берегу р. Уюк в 8 км от пос. Хадын.

Три каменные чаши меньших размеров были найдены в процессе раскопок окуневских могил на Аймырлыке. Две из них имели процарапанные изображения лошадей и рельефное прочерченное дно. Еще три случайно найденные чаши с боковыми ручками без изображений хранятся в Кызыльском музее и, возможно, также относятся к энеолитическому периоду. Таким образом в Туве аналогий Хадынской чаши пока что нет.

Подобный экземпляр каменной чаши был обнаружен китайскими археологами в местечке Кэрмуццы (Алтайский аймак Синьцзян-Уйгурского автономного района). Эта чаша также не является полным аналогом Хадынской, так как имеет зооморфную ручку в виде стилизованной головы медведя. Судя по другим находкам (курильница, глиняный сосуд), могильник в Кэрмуццы может быть отнесен к афанасьевской культуре.

Среди памятников окуневской культуры к северу от Саян каменные чаши до сих пор не известны. Тем не менее бык занимает важное место среди персонажей окуневского

искусства, а рогатые с крупными бычьими ушами личины свидетельствуют о сложном синкетическом образе, зооморфные и антропоморфные черты которого уводят нас к древнейшим пластам общеевразийской мифологии.

Т.А.Абдулов, М.В.Друлис,
С.А.Дзюбас
г. Иркутск

УСТЬ-ИЛИРСКИЙ МОГИЛЬНИК (ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ)

Особый интерес для углубленного изучения первобытной истории древнего населения, проживающего на берегах Ии, представляет могильный комплекс Усть-Илир, открытый в 1990 г. Этот интерес обуславливается тем, что ранее на территории этого района погребений не встречалось вообще, а сопровождающий материал открытого погребения по уникальности может быть вполне сравним с уже известными лучшими образцами погребений Приангарья поздненеолитического времени.

Могильник расположен на десятиметровой надпойменной террасе реки Илир, в настоящее время это двух-трехметровой высоты останец от уровня Братского водохранилища (на сентябрь 1990 г.).

Площадь могильника сильно разрушена не только водами Братского водохранилища, но и активной человеческой деятельностью на площади размерами 20 x 50 м на глубину 0,5 - 1,0 м от наивысшей точки.

В результате на поверхности оказались многочисленные человеческие кости приблизительно шести костяков, фрагменты керамики, каменный и костяной инвентарь. Все это: и кости, и материал - покрыто охрой. Следует отметить, что могилы грунтовые, при полном отсутствии каких-либо следов кладок.

На данной поврежденной площади при сборе остатков разрушенных погребений и зачистки поверхности удалось обнаружить нарушенный, прямоугольной формы, контур могильной ямы без признаков кладки. Яма на фоне светло-серого песка выделялась своей чернотой, присутствием угольков, слабых следов охры.

Размеры уцелевшей могильной ямы: длина - около 2,0 м, ширина - 0,7-0,75 м. Яма ориентирована по линии ЮВ-СЗ.

Остатки костяков обнаружены на глубине 16-30 см от современной разрушенной поверхности. Остатки первого (таз, две берцовые кости и кости правой руки) находились в юго-восточной части могильной ямы. Погребенный находился в положении лежа на спине. От второго костяка уцелели череп (сильно разрушенный), ребра и отдельные кости, находившиеся в центре могильной ямы. Костяк лежал на спине и располагался над первым костяком, черепом в районе бедер и ниже над отсутствующими нижними конечностями первого. Остатки третьего костяка (берцовые и бедренные кости, кости ступни) находились в юго-западной части могильной ямы и судя по положению ног, погребенный был помещен на боку, левее двух первых и, видимо, лицом к стенке могилы.

В районе коленных суставов первого костяка и черепа второго наиболее отчетливо видны следы костра и прокала, хотя угольки и жгенная кость находились на всей площади могильной ямы и в ее заполнении. В том же районе под первым костяком и над вторым зафиксированы сожженные остатки либо бересты, либо коры. Все погребение засыпано охрой, расположенной пятнами. Ориентация погребенных, как нам представляется, для всех костяков одинакова: головой на юго-восток-восток.

Сопровождающий материал.

Наконечники стрел. Все наконечники стрел с Усть-Илирского погребения можно разделить на четыре группы: подтреугольные, с прямым основанием и прямыми или слабо выпуклыми краями (7 экз.); усеченно-листовидные различных размеров, ширина насада от трети до половины общей длины (11 экз.); ассиметрично-ромбовидные (5 экз.), по пропорциям, конфигурациям приближающиеся к наконечникам второй группы, но отличающиеся оттянутостью экстремальных точек маргиналов; и один экземпляр отмечается своими удлиненными размерами, в связи с фрагментарностью насада точную типологическую принадлежность дать трудно, но тяготеет он к наконечникам второго типа. Для всех наконечников характерна бифасиальная обработка стелющейся ретушью. 23 наконечника находились компактно в районе левого бедра первого костяка.

Нож из микрокварцита усеченно-овальной формы.

Тесло из кремня прямоугольной формы. Лезвие слабо выпуклое. Тело и лезвие подшлифованы. Обушок сохраняет следы предыдущей ретушной обработки. Оба орудия находились при втором костяке.

Скребок окружной формы на обломке шлифованного орудия. Лезвие выпуклое.

Игольники - 5 экз. Изготовлены из трубчатых костей водоплавающих птиц. Орнаментационно представлены двумя типами: а) игольники (4), орнаментированные по всей поверхности резной линией в виде спирали, края игольников украшены вертикальными насечками; б) игольник, орнаментированный по всей поверхности резными наклонными кольцами по 10-15 в группе. Все они находились в районе правой тазовой кости и запястья правой руки первого костяка.

Подвески также двух типов: а) собственно подвески (19) из резцов марала; б) имитированные "под марала" (50), изготовленные из трубчатых костей. Основная масса их находилась в районе таза и левой бедренной кости первого и черепа второго костяка.

Обломок кости прямоугольной формы - заготовка орудия.

Четыре скульптурных и одно плоскостное изображение водоплавающих птиц, из которых плоскостное изображение и головка птицы находились в нижней части второго костяка, три целых скульптурных изображения в районе таза первого.

Из погребений юга Сибирской платформы наиболее изученными являются могильники в долине рек Ангары и Верхней Лены, которые были подробно описаны А.П.Окладниковым. И если сравнивать Усть-Илирское погребение с погребениями Приангарья, наблюдается следующая ситуация.

1. Самой многочисленной группой орудий данного погребения являются наконечники стрел. Причем большинство из них по форме и размерам можно соотнести с наконечниками из глазковских погребений, хотя подобные имели место как в китайских, так и в серовских захоронениях.

2. Очень интересен нож. Своими округлыми очертаниями он схож с ножами из серовских погребений.

3. Подвески из резцов марала, а также имитированные "под марала" в могильниках Верхней Лены и Ангары встречаются в погребениях всех этапов неолита, а также в глазковском этапе.

4. Как и в случае с подвесками, аналогична ситуация и с найденными пятью игольниками, однако орнаментация

Усть-Илирских игольников больше тяготеет к глазково-китайским орнаментам.

Очень интересен, на наш взгляд, обряд захоронения. Но вследствие разрушения погребения все-таки истинную картину восстановить трудно. Во-первых, любопытна ориентация костяков по направлению "головой" к реке Илир. В упомянутых выше могильниках такая ориентация отсутствует вообще. Впрочем, это может быть объяснено близостью реки Ии (750 м), так как в этом случае кости расположены параллельно Ие, так называемая "речная ориентировка", характерная в основном для погребений глазковского типа. Хотя ориентация костяков Ю-В-В сходна с исаковской группой погребений и с погребениями Верхоленского могильника, входящими в архаичную группу. Во-вторых, положение костяков: два вытянутых лежа на спине, один на другом, третий - сбоку лежа на боку. В-третьих, обнаружены остатки сожженной либо бересты, либо коры и под и над костяками, из чего следует, что двух покойников, вероятно, сначала обернули, а затем развели сверху ритуальный костер по завершению погребения, с возможно частичной засыпкой, что свойственно в основном глазковским погребениям.

Таким образом налицо трудность определения культурной принадлежности и датировки этого погребения Усть-Илирского могильника. Но на основании преобладания таких черт в погребальном обряде как: засыпка костяков охрой, разведение ритуального костра, речная ориентировка костяков, наличие в сопровождающем инвентаре наконечников стрел, подвесок и резных игольников, тесла позволяет нам соотнести это погребение с погребениями глазковского времени, возможно, несколько более древними. Этому в целом не противоречат и фрагменты керамики из подъемных сбров.

Л.И.Аскарова
г. Иркутск

КОЛЛЕКЦИЯ СЕРЕБРЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИГОМ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ НАУЧНОЙ АТРИБУЦИИ

Один из старейших музеев страны - Иркутский государственный объединенный музей - является обладателем значительной коллекции серебряных изделий. Своеобразие ее состоит

в том, что изделия, имеющие высокохудожественную ценность, были изготовлены иркутскими мастерами и характеризуют развитие серебряного дела во второй половине XVIII - начале XIX в.

В коллекции широко представлены московские мастера, имеются единичные образцы ювелирных изделий зарубежных фирм, выявлены бытовые вещи, обильно орнаментированные высокопробными серебряными пластинами, созданными бурятскими и эвенкийскими кузнецами.

Начало коллекции было положено в 1879 г. Н.М.Мартыновым, который пожертвовал Иркутскому музею серебряную чашу из раскопок Минусинского кургана. Большое количество серебряных изделий поступило в музей из закрытых церквей в 1930 г. Ежегодно фонды пополняются за счет приобретения у частных лиц.

Собрание серебра представлено предметами религиозного культа: окладами икон, евангелиями, напрестольными крестами, имеется столовое серебро, нумизматическая коллекция, а также конная упряжь, пояса, национальные украшения.

Выделение коллекции в отдельный фонд и постановка на спецучет была осуществлена в 50-е годы. Но из-за слабой материальной базы музея и, в частности, из-за отсутствия должной охранной сигнализации, коллекция не экспонировалась.

В научный оборот коллекция вводится с 1986 г. При содействии Министерства финансов СССР инспекция Красноярского пробирного надзора приступила к опробации предметов, содержащих драгоценные металлы и камни. К работе по описанию были привлечены специалисты Иркутского художественного музея, геологи, ученые, художники. Результатом этого содружества стала выставка из фондов музея "Декоративно-прикладное искусство русских мастеров XVIII - начала XX века".

Работа по научной инвентаризации серебра выявила ряд нерешенных проблем. Наиболее острым моментом в изучении коллекции является отсутствие публикаций по музеям региона. Поэтому для ускорения научной обработки необходимо объединение усилий музеев Сибири и Центра страны по изданию каталогов своих собраний. Предлагается выявить, описать и опубликовать сводный каталог клейменых изделий иркутских серебряников, хранящихся в музеях страны. Это необходимо для пропаганды уникального искусства народов Сибири. Кроме того, так как крайне необходима развитая база реставрации, музей восточного региона имеют ограниченные

возможности по реставрации коллекций, что затрудняет их использование в выставочной и экспозиционной работе.

Важно отметить, что музеи Сибири имеют огромные возможности по созданию постоянных и эпизодических выставок и экспозиций на базе своих коллекций. Но существующее музейное оборудование имеет ряд значительных недоработок, например, отсутствие элементов пожарно-охранной сигнализации в витринах, что сдерживает на периферии музейную экспозиционную работу. Управлению музеев Министерства культуры РСФСР следует внести изменения в существующее музейное оборудование. Наличие пожарно-охранной сигнализации на витринах в небольших музеях и филиалах позволит заполнить существенный пробел, образовавшийся из-за невозможности активно использовать коллекции, имеющие огромные материальные, художественные и исторические ценности, открыть их для экспонирования.

Н.П.Макаров, Н.В.Мартынович,
Н.Д.Оводов, А.Ф.Ямских,
Г.Ю.Ямских (г. Красноярск);
Л.А.Орлова (г. Новосибирск);
В.И.Назаров (г. Минск);
Е.А.Цепкин (г. Москва);
В.М.Чхиквадзе (г. Тбилиси)

ПЕЩЕРА ЕЛЕНЕВА - МНОГОСЛОЙНЫЙ ГОЛОЦЕНОВЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Пещера Еленева - особо уникальный по информативности палеэкологический многослойный археологический памятник в Центральной Сибири. Пещера расположена в известняковом останце Карапульский Бык на левом берегу Енисея в 20 км выше Красноярска. Одним из первых Карапуленский карстовый участок исследовал в конце XIX века археолог-любитель А.С.Еленев, имя которого и присвоено пещере. Ее вход ориентирован на юго-восток, к руслу Енисея и находится на высоте 18 м от меженного уровня. Длина полости 19 м, средняя ширина 2,5-3 м при высоте 7-8 м. Относительно ровный пол слегка понижается внутрь пещеры. За 6 полевых

сезонов до глубины 2,5-3 м вскрыто 40 кв. м площади памятника.

Вскрытая трехметровая толща рыхлых отложений состоит из двух разнородных по генезису пачек. Нижняя представлена аллювиальными песками и супесями с косой слоистостью. Их накопление шло с наибольшей интенсивностью в устьевой части пещеры. Верхняя (двухметровая) составлена из переслаивающихся щебнисто-дресвяных, обогащенных песчано-супесчаными сedиментами горизонтов с уменьшением доли последних вверх по разрезу. Отдельные горизонты прерываются обвалившимися со свода глыбами диаметром до 0,5-0,8 м.

Разрез отложений пещеры описан А.Ф.Ямских по внутренней части раскопа:

	глубина подошвы слоя (м)
1. Дресвяный песок желто-бурого цвета (от разрушения сохранилась нижняя часть).	0,05
Культурный слой 1	
2. Диагонально-слоистая пачка переслаивающихся желто-бурого, коричнево-серого песка, дресвы, супесей с включением мелких частиц древесного угля, включения до дресвы разложившегося щебня, падение слоев к центральной части пещеры.	0,13
Культурный слой 2	
3. Дресвяно-мелкощебнистые слоистые песчаные отложения желто-бурого цвета с четкими контактами между прослойми (по контактам увеличение доли дресвы), линзы зеленовато-серой супеси, включения древесного угля до 2 см, уклон слоя к центру пещеры (3-5°), костища в верхней части слоя, под ними разложившийся щебень до 2-3 см, прокал на несколько сантиметров в глубину; костные останки млекопитающих, растительный детрит по прослойям.	0,17
Культурный слой 3	
4. Песок и супесь с включениями и прослойками мелкого щебня, в нижней части слоя пылеватый песок и опесчаненная супесь желто-	

бурого и коричнево-бурого цвета с диагональной слоистостью, включения обломков известняка до 4 см; нижний контакт прослой четкий со следами размыва; по верхнему контакту прослой растительный детрит, остатки древесины, остатки костища. Культурный слой 4.

В основании горизонта культурный слой 5 0,22.

5. Слоистые щебнисто-дресвяные отложения невыдержанной мощности; падение слоев к осевой части пещеры до 2-4° 0,24-0,4

6. Щебнистый слоистый песок прослойми по 1,5-2,0; 3-4; 1,0 см серого, серо-коричневого цвета, включения дресвы от мелкой до крупной, включения разложившихся костных остатков. Культурные слои 6 (0,26-0,35); 7 (0,36-0,41) 0,41

7. Дресвяно-щебнистый, пылеватый песок желтовато-серого и желтовато-зеленого цвета. Культурный слой 8, на поверхности которого - единичные гальки 0,44

8. Песок более светлых оттенков зеленовато-серого и серо-коричневого цвета, включения щебня мелкого и крупного, перекрывающих культурный слой 10, включения большого количества гальки, мощность слоя не выдержана по простирианию; на поверхности слоя - костища. Культурные слои 9, 9А, 9Б 0,54

9. Дресвяно-щебнистые осадки, обогащенные в большом количестве древесным углем, большая насыщенность каменными орудиями; культурный слой 10 в интервале 0,55-0,58 (0,59)м 0,62

10. Песок буровато-серый, внизу - с красноватым оттенком, уклон к восточной стенке пещеры 1-2°, в верхней части слоя - включения щебня до 7-8 см 0,69

11. Слабоволнистые прослои песка зеленовато-серого цвета с включением гравия, прослон коричневато-серого тонкозернистого и красно-коричневого

песка с диагональной слоистостью, с окатышами и линзами зеленовато-серого песка от 1,0-1,5 до 3 см, падение слоя к выходу пещеры - 5-8°. Включения гальки и гравия в аллювиальных прослоях, залегающих между щебнистыми горизонтами. В интервале 0,85-0,9 м - включения глыб известняка до 20 см. В этом прослойе костище. Культурный слой 11 с пятью горизонтами: 11А (0,6-0,64), 11Б (0,64-0,69), 11В (0,69-0,72) с большим количеством древесного угля, остатками костищ с прокалом, 11Г (0,72-0,74), 11Д (0,74-0,91)	0,91
12. Зеленовато-серые пески и супеси с волнистыми прослойями красно-коричневых, серо-коричневых песков с элементами диагональной слоистости. По прослойям - галька, в основании слоя - крупный щебень. Культурный слой 12 (0,91-1,2), 12А (1,2-1,31); слой 13 (1,34-1,38); слой 14 (1,39-1,46)	1,47
13. Сближенные щебнистые горизонты, разделенные супесью. В прослое дресвяно-щебнистого песка в интервале 1,49-1,52 - культурный слой 15 с уклоном внутрь пещеры 5-7°	1,53
14. Супесь опесчаненная, желтовато-серая, коричневая с прослойями щебня и глыб известняка, верхний и нижний контакты четкие, местами по простирианию слои "расщепляются" в северном направлении. Культурный слой 16	1,82
15. Супесь со щебнем и глыбами до 20-25 см, включения выветрелой дресвы, контакты четкие. В щебнистом прослое культурный слой 17	1,97
16. Переслаивание зеленовато-серых опесчаненных супесей с краиново-коричневой супесью, включения выветрелого мелкого щебня и дресвы, слоистость волнистая, уклон на восток 2-3°. Слой 18	2,11

17. Прослой серого с зеленоватым оттенком тонкозернистого песка с косой слоистостью 2,2
18. Пачка переслаивающихся по 1,5-3,0 см тонкозернистых песков и супесей с тонкими прослойями (до 0,5 см) зеленовато-серых и коричнево-серых супесей, включения отдельных частиц щебня до 5-7 см, концентрируются на контактах прослоев. По простирианию изменяется глубина залегания слоя и мощность. Слой 19. Пройдено раскопом до глубины 2,5 м.

В горизонтах слоистых песков и супесей предвходовой части пещеры пройдены слои с условной нумерацией 20 (около 2,55 м), 21 (около 2,7 м) и 22 (около 2,95 м).

Комплексным литолого-фаунистическим анализом установлена связь динамики осадконакопления с ходом природных процессов конца плейстоцена и в голоцене.

Детальные споро-пыльцевые анализы позволили реконструировать изменение растительности во время обитания древних людей от финальной эпохи плейстоцена до средневековья и современности. Проанализировано 34 образца в разрезе внутренней части пещеры и 52 по предвходовой. Характерной особенностью большинства горизонтов отложений является довольно большая насыщенность микрофоссилиями, что дало возможность получить надежные результаты и полно охарактеризовать состав спектров. В составе пыльцы и спор всех горизонтов встречена пыльца древесных растений, хотя в некоторых найдено незначительное количество пыльцы ели, пихты, сосны и березы. Отдельные горизонты содержат много пыльцы лиственицы, ели, кедра, сосны при незначительной доле пыльцы травянистых растений. В этих же осадках присутствуют споры *Polypodiaceae*, *Eqrisetum*, *d. alpinum*, *S. sibirica*.

Другие горизонты отличаются преобладанием пыльцы травянистых растений при ведущей роли *Asteraceae*, *Chenopodiaceae*, *Caryophyllaceae*. Повсеместно в составе спектров велика доля *Polygonaceae*, а максимум пыльцы *Onagraceae* отмечен в верхней части разреза.

При сплошной промывке грата на системе сит было получено десятки тысяч инсигнитных фаунистических остатков, принадлежащих группам позвоночных и беспозвоночных животных. Кости крупных млекопитающих, вероятно, занесены в

пещеру четвероногими хищниками и человеком; мышевидных грызунов, птиц, мелких рептилий, амфибий, насекомых — пернатыми хищниками (филинами, мелкими соколами). Полость также представляла собой естественное укрытие для экологически связанных с ней птиц, летучих мышей, рептилий, насекомых, погибших под сводами пещеры. Часть насекомых, найденных в рыхлых отложениях пещеры, являются сезонными обитателями естественных скальных полостей; остатки других видов накапливались в результате пищевой деятельности летучих мышей. Всего определено пока около 60 видов насекомых из четвертого и седьмого слоев в устьевой части пещеры. Среди установленных видов насекомых предварительно намечаются отдельные представители синантропов. В целом энтомофауна четвертого и седьмого слоев свидетельствует о лесостепном окружении пещеры.

Остатки рыб в виде позвонков и костей черепа дали довольно большой список представителей голоценовой ихтиофауны Енисея: осетр, стерлядь, таймень, ленок, нельма, хариус, щука, плотва, елец, язь, карась, налим, окунь, срш. Большая часть костей рыб в культурных отложениях пещеры, очевидно, связана с пищевой деятельность человека. Для Приенисейской Сибири в пещере Еленева впервые выявлены субфассильные остатки ряда рептилий и земноводных: уж или щитомордник, ужовые (предположительно динодон), узорчатый полоз, ящурка, прыткая ящерица (?), живородящая ящерица, лягушка (травяная?), лягушка монстробестия (недавно описанный вид по плейстоценовым остаткам из пещеры Окладникова на Алтае). Материал по рептилиям и земноводным требует дополнительных сборов и более пристального исследования для установления таксономического статуса отдельных находок.

Крупные млекопитающие представлены в пещерных слоях пятью единичными остатками волка, бурого медведя, рыси, благородного оленя и наиболее многочисленными костями косули (слои 6-10). Кости зайца-беляка, равно как и мелких куньих в относительно малом количестве встречены за редким исключением во всех слоях. Находки бобра и сурка единичны в слоях 7, 9Б, 10. Из мелких млекопитающих определены: крот, бурозубка, белозубка, летучие мыши, северная и степная пищухи, летяга, белка обыкновенная. Остатки полевок, определенные Н.Г.Ивлевой (красно-серая, рыжая, красная, узкочерепная, экономка, пашенная), преобладают среди мелких мамалей, количественно тяготея к верхним (3-5) слоям и к

низам разреза (слои 10-21). Так же с перерывом (6-10 слой) отмечены черепные фрагменты высокогорной полевки.

Наряду с мелкими мышевидными грызунами основная масса костных остатков (более 6 тысяч) принадлежит птицам. Из них около половины приходится на долю мелких воробынных птиц. В настоящее время определено более ста видов птиц, что составляет примерно 60 % птиц современной фауны, указанных для юга Красноярского края. Из неворобынных птиц преобладают остатки уток, тетеревиных, фазановых. Есть интересные находки птиц, не отмечаемых ранее в окрестностях Красноярска, например: чирка-клоктуна, лебедя-кликуна, серощекой поганки, белой, тундряной и бородатой куропатки. Наряду с видами, регистрируемыми в каждом слое (тетерев, утки, перепел, белопоясничный стриж, галка), есть стенотопные виды, появление которых в тафоценозе отражает смену окружающего пещеру ландшафта. Например, накопление нижних (19-21) слоев пещеры проходило в условиях таежного леса, что подтверждается большой долей таежных элементов (глухарь, рябчик, ястребиная сова, неясить, мохноногий сыч, кукша, кедровка, клест, щур, синицы). Слои 14-16 накапливались в условиях господства остепненного открытого пространства (отсутствие ярких таежных видов, большая доля остатков бородатой куропатки, перепела, присутствие степной пустельги, полевого жаворонка). Слои 1-12 представлены фауной птиц лесостепного облика с преобладанием таежного компонента в верхних слоях.

Кости белой и тундряной куропаток появляются в 18 слое и по направлению к 22 слою абсолютное и относительное количество их остатков возрастает. Белые куропатки (род *Lagopus*) являются характернейшим элементом позднеплейстоценовой фауны и присутствии их в раннеголоценовых отложениях наряду с преобладанием таежных элементов есть, возможно, последние "отблески" так называемого верхнепалеолитического мамонтового комплекса.

Вскрытая толща отложений включает до 24 культурных слоев и горизонтов залегания археологического материала.

В слоях 22-18 выразительных орудий не зафиксировано. Встречены лишь отдельные чешуйки и микропластинки в сочетании с мелко расколотыми костями животных. Учитывая общую стратиграфию памятника: эти разрозненные находки предварительно датированы переходным временем от финального палеолита к раннему мезолиту.

Слои 17-12 и культурный горизонт 11Д отнесены к эпохе мезолита. Общими типами изделий для всех горизонтов являются костяные одно и двухпазовые наконечники. Они изготовлены в виде длинных, овальных в сечении стержней. В глубоких узких пазах на боковых сторонах сохранились тонкие призматические пластинки без ретуши. В каменном инвентаре тесло с подшлифованной поверхностью, галечное орудие, нож-бифас, концевой скребок. Основную часть находок составляют отходы производства, при преобладании призматических микропластин над отщепами. Хронологические рамки мезолитического культурно-хронологического этапа определяются датами по С₁₄ для смешанного образца из слоев 17, 16 - 10485+310 л.н. (СО АН - 2948) и для горизонта 11Д - 7330+35 л.н. (СО АН - 2908).

Археологический материал горизонтов 11Г и 11В предварительно датирован ранним неолитом - серединой V тыс. до н.э. Керамика немногочисленна, но достаточно выразительна. Встречены фрагменты с оттисками шнура. Черепки орнаментированы в виде комбинации параллельных прочерченных линий, горизонтального зигзага под ними и направленных вертикально вниз оттисков отступающей лопаточки. Ряд фрагментов орнаментирован серповидными вдавлениями, образующими в совокупности сочетание горизонтальных и косых линий оттисков.

Орудия из камня представлены листовидным наконечником стрелы, обломком бифаса, отщепами с ретушью. Среди костяных изделий наиболее многочисленны изогнутые острия к составным крючкам и серия игл. Радиоуглеродные даты 6535+60 л.н. (СО АН - 22907) определяют возраст горизонта 11Г и 6475+190 л.н. (СО АН - 22906) для горизонта 11В.

К среднему неолиту - второй половине IV тыс. до н.э. отнесены находки из горизонтов 11Б и 11А. Керамика украшена оттисками отступающей лопаточки и различными вариантами вдавлений зубчатого, овального и овально-зубчатого штампов. Каменные наконечники стрел треугольной формы с вогнутой базой. Часть из них имеет асимметрично-вытянутые шипы. Костяные изделия представлены гарпуном, вкладышевыми двух и однопазовыми обоймами, изогнутыми остриями к составным рыболовным крючкам, подвесками из клыков животных. Для культурного слоя 11Б получена дата по С₁₄ - 5150+95 л.н. (СО АН - 2944).

Сходство археологического материала девятого и десятого культурных слоев позволяет отнести их к позднему неолиту

(конец IV - первая половина III тыс. до н.э.). Для слоя 10 получены 2 даты по углю - 5365+95 л.н. (СО АН - 2940) и 4655+30 л.н. (СО АН - 2905). Оба образца отобраны из углистой прослойки, к которой кроме археологических находок приурочены 64 разрозненных обломка костей трех человек (две взрослых и один подросток). Остатки людей по степени сохранности костного вещества голоценовые. Определены фрагменты двух черепов, нижней челюсти, диафизы трех плечевых, бедренной, двух локтевых, семь обломков диафиза большой берцовой и ее верхний апифиз; есть разрозненные позвонки, ключицы, обломки крестца, таза, первые и вторые фаланги. Обломки черепной крышки и одна первая фаланга несут следы обжига. Следов погрызов, оставленных хищниками, не замечено. Не исключено, что данные факты свидетельствуют о людоедстве в неолите.

Археологический материал десятого слоя насчитывает более 100 выразительных изделий: каменные наконечники стрел, концевые скребки, ретушированные вкладыши, костяное тесло, наконечник, вкладышевые обоймы с пазами, рыболовный крючок. Фрагменты керамики из слоя украшены оттисками пунктирной гребенки.

Девятый культурный слой, разбитый на три горизонта, характеризуется серией однотипных каменных наконечников стрел. Большая часть их треугольной формы с вогнутой базой или черешковым насадом. Зафиксированы также обломки наконечников копий и ретушированные вкладыши. Керамика слоя орнаментирована прочерченными линиями, оттисками зубчатого и овально-зубчатого штампов.

Среди находок восьмого и седьмого культурных слоев серия каменных наконечников стрел треугольной формы с вогнутой базой и черешком, ретушированные пластинки, вкладыши, керамика с орнаментацией серповидными и овально-зубчатыми штампами. Весь комплекс находок предварительно отнесен к периоду ранней бронзы - финального неолита.

Бронзовые изделия: обломки ножей, шило, иглы, лапчатая подвеска, а также каменные наконечники стрел, костяные цилиндрические бусинки, керамика - позволяют датировать шестой культурный слой временем карасукской культуры - концом II - началом I тыс. до н.э.

Археологический материал пятого, четвертого и третьего культурных слоев близок между собой и датируется ранним железным веком. Среди изделий - каменные наконечники стрел

и нож; костяные гарпуны, иглы, черешковые наконечники, подвески. Керамика орнаментирована зубчатым штампом, ногтевыми вдавлениями и отисками отступающей лопатки. Венчики сосудов дополнительно украшались пояском ямок.

Керамический комплекс второго культурного слоя характеризуется орнаментацией тонкими волнистыми налепными валиками и отисками крупнозубчатого штампа. Железный нож и дата по С₁₄ - 1400+50 л.н. (СО АН - 22939) позволяют отнести находки к переходному времени от железного века к средневековью.

Первый культурный слой предварительно датирован концом I - началом II тыс. н.э. Среди находок - обломки железных изделий, костяные черешковые наконечники стрел, гладкостенные фрагменты керамики и черепки с тонкими волнистыми налепными валиками, имеются поделки из дерева и бересты.

Таким образом, в отложениях пещеры Еленева, как показали ее комплексные биостратиграфические исследования, максимально представлены подразделения голоцена, включающие культурные слои от мезолита до средневековья, что позволяет считать данный памятник опорным для Среднего Енисея.

Г.А.Воробьева, А.Г.Генералов
г. Иркутск

АРХЕОЛОГИЯ И ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ РАЗРЕЗА СТРИЖОВОЙ ГОРЫ

Археологическое местонахождение Стрижовая гора открыто в 1959 г. Г.А.Максименковым и в последующие годы раскапывалось Комплексной археологической экспедицией Иркутского госуниверситета. Серий шурфов и раскопами в течение 1973-1976, 1979, 1981, 1990 годов вскрыта толща покровных отложений на глубину 5,0-5,5 м. Краткая культурно-хозяйственная характеристика памятника была дана ранее (Гуляев, Кононова, Медведев, 1977; Кольцов, Медведев, 1989). В 1991 г. силами Канского отряда Иркутского университета проведены археолого-стратиграфические работы по изучению состава и строения отложений, а также по уточнению положения культуроодержащих горизонтов (к.г.).

Стрижовая гора расположена на 20-метровой террасе реки Кан. Цоколем террасы служат карбонатные светло-серые песчаники девона (?). На цоколе, поднятом в районе стоянки до высоты 4-5 м над урезом реки, залегает шестиметровая толща аллювия (косослоистые пески русловой фации и глины пойменной фации). В глубь террасы мощность аллювия возрастает. Аллювий перекрывается субазральными образованиями мощностью 3-5 м.

В разрезе стоянки Стрижовая гора субазральные отложения имеют следующее строение (сверху):

мощность в м	
1. Гумусовый горизонт (A1) современной почвы, темно-серый легкий суглинок, включает I к.г.	0,1-0,2
2. Элювиальный (A2B) горизонт современной почвы, светло-бурый легкий суглинок, включает II к.г.	0,1-0,2
3. Иллювиальный (B1) горизонт современной почвы, бурый легкий суглинок	0,3-0,4
4. Иллювиальный (B2) горизонт современной почвы, светло-бурая супесь-легкий суглинок, в кровле слоя III к.г.	0,2-0,4
5. Погребенный гумусовый (A) горизонт, серая супесь, включает III к.г. Залегает на контакте бескарбонатных отложений (слои 1-4) с карбонатными (слои 6-11), граница вскипания от соляной кислоты находится то в кровле, то в подошве гумусового горизонта. Погребенный гумусовый горизонт подчеркивает неровную (буристую) поверхность карбонатных супесей слоя 6	0,03-0,2
6. Супесь карбонатная буроватая, неслоистая, местами рассечена до глубины 0,6-0,8 м гумусовыми языками, заходящими из слоя 5, в верхней половине слоя 6 находится IV к.г.	0,6-1,3
7. Пересланывание гумусированных и бесгумусных супесчаных и песчаных карбонатных прослоек.	

Выделяется восемь темных гумусовых прослоек, мощностью 1-2 см каждая. Биотурбации затрагивают три верхние гумусовые прослойки, нижние прослойки имеют ненарушенное строение. Над первой прослойкой находится костище - Va к.г. К 1-й прослойке приурочен V к.г., ко 2-й - VI к.г., к 3-й - VII к.г., к 5-й - VIII к.г., к 6-й - IX к.г., к 7-й - X к.г.; четвертая прослойка не содержит культурных остатков	0,6-0,8
8. Пески параллельно и волнистослоистые, карбонатные, включают XI, XII, XIII к.г.	1,0-1,2
9. Суглинки карбонатные, расчленяются на две части: супесчано-легкосуглинистую неоглееную прослойку мощностью 10-30 см и погребенную оглеенную почву легко-среднесуглинистого состава с профилем АО-АВО-ВО-СО, мощность почвы 60-70 см, к почве приурочены XIV, XV, XVI и XVII к.г.	0,8-0,9
10. Суглинки карбонатные окжелезненные, в верхней части оглеены и окжелезнены, в нижней - без оглеения. К кровле слоя 10 приурочен XVIII к.г.	0,5-0,7
11. Пески неслоистые, глубже 20-40 см от кровли слоя 11 пески содержат включения щебня коренных пород, вскрытая мощность	0,5
Археологическими раскопами прошлых лет вскрыта площадь около 600 кв. м. Археологический материал заключен в нескольких слоях субаэральных отложений в виде тонких 0,02-0,10 м культуросодержащих горизонтов, количество которых на различных участках колеблется от 15 до 20. По ряду признаков археологических и стратиграфических горизонты 4-18 считаются нами верхнепалеолитическими и подразделяются на четыре культурные пачки, частично совпадающие с литологическими слоями 6-10. В целом на всей раскопанной площади в палеолитических горизонтах найдено свыше 54 тыс. артефактов.	
Все культуросодержащие горизонты представляют собой, вероятно, остатки палеолитических "мастерских", что подтвер-	

ждается наличием значительных по размерам скоплений расколотого кремня с преобладанием продуктов первичного расщепления; большим количеством нуклеусов в каждой культурной пачке; почти полным отсутствием (за исключением горизонтов 14 и 18) костищ и очагов. В каменной индустрии Стрижовой горы морфологически определимые изделия представлены следующими группами.

Нуклеусы, призматические одно- и двуплощадочные, клиновидные макроформы с различной скошенностью и характером обработки площадки, клиновидные микронуклеусы, "торцевые" на плоских желваках кремня без конвергенции латералей, конические, "полюсные".

Пластины, в том числе микропластины, с параллельной и бессистемной огранкой.

Пластины ретушированные.

Скребла из пластин и крупных отщепов боковые, конвергентные.

Скребки концевые на пластинках, концевые и боковые на отщепах, периметральные.

Остроконечники на отщепах и пластинках.

Бифасы овальные, подтреугольные, подчетырехугольные, листовидные.

Резцы срединные, трансверсальные, угловые.

Чопперы (только горизонт 18).

Отбойники из кварцитовых галек.

Почти все горизонты содержат изделия из кости, рога, достаточно полно описанные ранее (Гуляев, 1976).

Анализ археологического материала Стрижовой горы при относительном однообразии индустрии, объясняемом спецификой "стоянки-мастерской", показывает и некоторые отличия между культурными пачками. Так в пачке горизонтов 5-13 по сравнению с нижележащими увеличивается количество (и процентное отношение) призматических одно- и двуплощадочных нуклеусов; случайные несерийные формы бифасов горизонтов 14-17, вероятно, различные и функционально, выше заменяются сериями небольших овальных и округлых бифасов, являющихся, скорее всего, заготовками клиновидных нуклеусов. Наиболее значительные особенности проявляются в материалах горизонтов 3 и 4, где фиксируются новые формы: тесла с боковыми выемками, призматические микронуклеусы, срединные и многофасеточные резцы. Достаточно своеобразен и комплекс горизонта 18, что прежде всего проявляется в наличии хозяйственной площадки, костища, вокруг которого были

найдены клиновидные нуклеусы, чопперы, срединные резцы, скребло, обломки пластин и отщепы.

По технико-типологическим параметрам достаточно обоснованных аналогий комплексов горизонтов 4-18 с памятниками сопредельных территорий нет. Определенное морфологическое сходство прослеживается в материалах памятников верхнего Приангарья (Сосновый Бор, Усть-Белая, Черемушник, Верхоленская гора). Морфологические особенности каменной индустрии Стрижовой горы позволяют датировать культурные комплексы в пределах второй половины верхнего палеолита (24-10 тыс. л.н.).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что разрез стоянки Стрижовая гора очень схож по литологии и особенностям строения с разрезами Приангарья. Это достаточно надежно подтверждается схемами стратиграфии голоценовых и верхнеплейстоценовых субаэральных отложений, разработанных для юга Средней Сибири (Стратиграфия., 1990) и дает возможность слои 1-4 (?) отнести к голоцену, слои же 6(?) - 11, несомненно, имеют сартанский возраст.

Выделенные стратиграфические подразделения и археологические материалы обнаруживают большое совпадение по возрасту.

- 1 слой - SA - к.г.I - железный век,
- 2 слой - SB - к.г.II - эпоха бронзы,
- 3 слой - AT,
- 4 слой - BO-PB - к.г.IIIa - мезолит,
- 5 слой - PB-1(?) или A1 (?) - к.г.III - мезолит,
- 6 слой - Sr4 - к.г.IV - палеолит,
- 7 слой - Sr3-Sr4 - к.г. Va, V, VI, VII, VIII, IX, X - палеолит (17400+300 л.н. - ГИН-5816),
- 8 слой - Sr3 - к.г. XI, XII, XIII - палеолит (36900 л.н. - ГИН-5817; 11350+100 л.н. - ГИН-5818; 11890+60 л.н. - ГИН-5819),
- 9 слой - Sr2 - к.г. XIV, XV, XVI - палеолит (12250+150 л.н. - ГИН-5820; 12000+150 л.н. - ГИН-5821; 12090+120 л.н. - ГИН-5822),
- 10 и 11 слоя - Sr1 - к.г. XVIII - палеолит (14000+1500 л.н. - ГИН-5326).

Д.А.Сапфиров
г.Санкт-Петербург

СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ (ВВЕДЕНИЕ В МЕТОД)

В рамках новой научной стратегии определенное место должна занять структурная археология, опирающаяся на метод транслингвистического исследования (Барт, 1975). Известно, что структуралисты редко обращаются к археологическим материалам (Леви-Стросс, 1985). Археологи же опыт структурализма пока не используют. Иногда, правда, они высказывают суждения, на основании которых можно заключить, что какие-то представления о "структуре" в них имеются (Григорьев, 1969). Рассмотрение археологической орнаментации в качестве текста, которому свойственны специфические принципы возникновения, функционирования и наращивания, открывает новые перспективы этногенетических исследований.

Традиционно изучение орнаментации обычно заканчивается ее классификацией и описанием для научного отчета или статьи, немногим от него отличающейся. Иногда изучается техника исполнения, редко - принципы построения и структура орнаментального поля, морфные характеристики и ритмика орнаментальных фигур (Кожин, 1981). Но никогда орнаментация не рассматривалась как лингвистическая структура. В отношении мотивов орнаментации высказываются либо спорные субстанциональные суждения (субъективно-формальное обозначение мотива), либо парадигматические (определение форм подобия), часто соприсутствующие в тексте. В основе подобных и многих других высказываний находится убеждение, что существенным свойством археологического орнамента является его мотив, что, в свою очередь, приводит к субъективно-формальному осознанию феномена древнего орнамента. Объяснение орнамента, таким образом, сводится к псевдоэтнографическому угадыванию мотива. Однако орнамент является знаком, немотивированным для археолога, который может лишь догадываться о способе классификации в орнаменте природных и социальных явлений. При этом орнамент интуитивно пропитывается смыслом, соответствующим его описанию и представлениям археолога. Поэтому орнамент может рассматриваться только как схематическая потенция символа, как

знак, в котором слиты план выражения и план содержания, означающее и означаемое. В то же время, орнамент способен означать, нести культурную информацию. В этом отношении орнамент является знаком-функцией (Барт, 1975). Отказавшись считать мотив основным, существенным свойством орнамента, необходимо признать, что важнейшим существенным и символическим свойством орнамента является его способность сочетаться с иными орнаментами на определенном материале. Только на уровне сочетаний возможно определение степени сходства в процессе поиска подобия. Необходимо отказаться от типологического атомизма, от рассмотрения отдельных орнаментов либо их элементов в качестве первоэлементов. Для лингвистического анализа орнаментации существенна только функция, сочетаемость узора.

Исследование структуры орнаментации начинается с отбора материалов. Желательно использовать материалы раскопанных поселений большой площади, керамика которых может исследоваться с позиции сочетаемости орнаментации.

Керамический субкомплекс местонахождения должен временно рассматриваться изолировано от остального инвентаря. Если коллекции памятника смешаны, то исследование на определенном этапе разделится на самостоятельные направления. Технический орнамент за редким исключением не рассматривается. Керамический субкомплекс является относительно одновременной совстречаемостью определенного количества абсолютно одновременных сочетаний орнаментов (сосудов). Априорно необходимо признать, что сочетания орнаментов являются постоянными, устойчивыми элементами орнаментации, что число сочетаний в определенном керамическом субкомплексе ограничено, что последовательность сочетающихся орнаментов всегда одинакова, что основная орнаментация керамических субкомплексов культуры однотипна по своей структуре, что основной набор сочетаний от комплекса к комплексу пополняется (мутирует) новыми орнаментами и сочетаниями, что трансляция со временем искажает оригиналы и опускает менее существенные орнаменты и сочетания (Пропп, 1969). На основе этих принципов строится орнаментальная синтагма (схематическая комбинация знаков), состоящая из знаков-функций. Конструирование синтагмы происходит на домысловом уровне. Процесс конструирования синтагмы трудоемок. Внешне синтагма имеет вид одной или нескольких параллельно вытянутых и пересекающихся цепочек сочетаний орнаментов. Орнамент обозначается знаком, сочетание орнаментов -

сочетанием знаков. Если существенен вариант орнамента, то вводится обозначение, дополнительное к знаку. Единицей синтагмы является функция (два и более сочетающихся на сосуде орнамента), т.е. - сосуд, или его презентативная часть. Целесообразность включения в синтагму несочетающихся орнаментов требует дополнительной аргументации и зависит от цели исследования. Все функции в синтагме равнозначны, независимо от количества сочетающихся на одном сосуде орнаментов. Универсальные отношения для смежных синтагматических единиц (солидарность, селекция, комбинация) предложены Луи Ельмслевым (Барт, 1975). Каждая функция занимает в синтагме определенное место, которое всегда одинаково в разных керамических субкомплексах культуры. В этом значимость синтагматической единицы. В то же время необходимо различать функции постоянные, присутствующие в синтагме каждого местонахождения культуры, и временные, иногда исчезающие, исключая случаи, связанные с сохранностью артифактов, с процессами отложения и исследования памятников, а также те, которые исчезают и в дальнейшем традицией не воспроизводятся. В случае временного исчезновения функции синтагма рассматривается как непрерывная эрратическая система. Те функции синтагмы, которые из нее невозможно исключить, не нарушив непрерывной последовательности, являются связанными, а те, которые легко исключаются без нарушения целостности синтагмы - свободными. Связанные элементы определяют специфику орнаментации культуры. Специфика самой синтагмы заключается в том, что она имеет "начало" и "конец", определяемые интуитивно. В "начале" синтагмы находятся воспроизведения отдельных ранних сочетаний орнаментов культуры, искаженные длительной трансляцией, а в "конце" - поздняя орнаментация (в основном, точные и оригинальные образцы). Независимо от того, в какой период жизнедеятельности обитателей памятника создавалась керамика, вся орнаментация в синтагме расположится в хронологическом порядке, по принципу: "раньше - позже". Синтагма керамического субкомплекса представляет собой схему предшествующего развития орнаментации всей культуры к моменту отложения рассматриваемого комплекса керамики. Синтагма диахронична. Уже в процессе построения синтагмы реконструируется процесс развития орнаментации, имеющий циклы развития. Выделение циклов, определение их содержания зависят от цели исследования и от квалификации специалиста. В любой части синтагмы могут быть зафиксированы ионокуль-

турные (маргинальные) орнаменты или сочетания. Однако не следует увлекаться выделением маргинальных функций. Процессы аккультурации изучены слабо, а мнения в этой области порой полярны.

Для того, чтобы иметь общее представление о направлении развития орнаментации культуры, достаточно иметь схему сочетаний орнаментации одного из ее (поздних) памятников. Чтобы изучать развитие орнаментации, необходимо для каждого керамического субкомплекса культуры построить отдельную синтагму, а затем выстроить общую схему сочетаний орнаментации всей (известной) культуры, включив в синтагму только постоянные, связанные функции. Каждая такая функция должна при этом замещать (Колпаков, 1989) подобную ей в синтагмах, построенных на материалах разных памятников, не меняя в то же время структуры схем.

Объяснение синтагмы предполагает насыщение функций смыслом, причем произвольность этого процесса ограничена возможностями схем. Реален и необходим анализ синтагматических ситуаций, также сопоставление результатов семиологического исследования с данными анализа пропорций, функций керамики, зональности орнаментации и другими, равно и как с наблюдениями по стратиграфии и планиграфии местонахождений.

Структурное изучение орнаментации позволяет получить представления о направлениях и последовательности ее развития, выяснить взаимную хронологию керамических субкомплексов местонахождений, разделить смешанные, разнокультурные коллекции (Сапфиров, 1989), определить реальное местоположение каждого, на первый взгляд "нового" для археолога орнамента (сочетания), определить "момент" разделения орнаментальной традиции на самостоятельные линии развития, "момент" инокультурного включения, исследовать особенности культурной памяти, механизмов трансляции культурной традиции и мутационных процессов.

В.И.Макулов
г.Красноярск

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭВЕНКИИ, БОГУЧАНСКОМ И БОЛЬШЕМУРТИНСКОМ РАЙОНАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В 1991 г. сотрудниками лаборатории археологии Красноярского педагогического института были продолжены работы по паспортизации памятников в Тунгусо-Чунском районе Эвенкийского автономного округа, в Богучанском и Большемуртинском районах Красноярского края. Наряду с обследованием уже известных археологических памятников велось выявление новых стоянок и поселений.

В Тунгусо-Чунском районе на двухкилометровом участке левого берега р.Подкаменной Тунгуски между устьем р.Оскобы и горой Ермодой были обследованы девять стоянок, получившие название Усть-Оскоба I-IX. Они находятся на расстоянии 80-350 м друг от друга. Такое концентрированное расположение археологических памятников очень характерно для долины Подкаменной Тунгуски. Примером могут служить комплексы стоянок у с.Ванавара в районе Чамбинского и Панолинского порогов, в устьевых участках р.Чамбэ, Собы, Оскобы, у п.Оскобы, Таимбы, Байкит, в устье Подкаменной Тунгуски.

Стоянки в устье р.Оскобы находятся на 5-7 метровой террасе Подкаменной Тунгуски, сложенной супесями и суглинками. Археологический материал памятников представлен каменным инвентарем: заготовками рубящих орудий и нуклеусов, теслами, концевыми и боковыми скребками на пластинках, скобелями на отщепах, пластинаами, отщепами и сколами.

Разнообразен материал стоянки Усть-Оскоба V, которая находится на расстоянии 700 м выше устья р.Оскобы. На стоянке были найдены два фрагмента керамики, которая на памятниках верхнего течения Подкаменной Тунгуски встречается крайне редко и в единичных экземплярах. Один из них - фрагмент венчика, орнаментированный по краю наклонными вдавлениями многозубчатой отступающей лопатки. Венчик профицирован. Второй фрагмент турова гладкостенный, неорнаментирован.

В коллекцию каменного инвентаря входят тесла трех типов. Первый тип - тесла оббито-ретушированные, с прямым

рабочим краем, подпрямоугольные в плане и трапециевидные в сечении.

Второй тип - тесла с широким рабочим краем и зауженным обушком, выполненные на крупных пластинчатых сколах, линзовидные в сечении.

Третий тип - узкие тесла подпрямоугольные в плане и линзовидные в сечении, изготовленные на пластинах (аналогичные тесла ранее были найдены на стоянке Чамбинский порог).

В каменном инвентаре имеются также наконечники стрел иволистной и лавролистной формы, шлифованный нож на пластине, концевые и боковые скребки на пластинах, единичный скребок языковидной формы из халцедона, заготовки нуклеусов, скобели на отщепах и сколах, призматические пластинки, отщепы и сколы. Своеобразно оформлено скребловидное орудие, которое вставлялось в деревянную или костяную обойму. Оно заужено, утончено к рабочему краю и утолщено в месте крепления в обойме, в результате чего образовались "плечики".

Ниже Панолинского порога, на левом берегу Подкаменной Тунгуски, где ранее были найдены стоянки Нижне-Панолинская IV-VI, зафиксированы еще два местонахождения, названные Нижне-Панолинская VII-VIII. Археологический материал местонахождений представлен изделиями из камня: заготовками нуклеусов, фрагментами рубящих орудий, скреблами, боковыми и концевыми скребками на пластинах, отщепами и сколами.

Осмотрены были стоянки на окраине пос.Оскоба, а также ниже его и напротив поселка на левом берегу Подкаменной Тунгуски, открытые в 1966 г. Г.И.Андреевым. Здесь были найдены топор с "ушками", скребла, концевые и боковые скребки на пластинах и отщепах, пластины, одноплощадочные нуклеусы концентрического принципа скальвания, тесла, заготовки рубящих орудий и нуклеусов, скобели на отщепах и сколах, многочисленные отщепы и сколы, часть из которых имеет следы подработки.

Сборы археологического материала проводились на стоянках Чамбинский порог, Нижняя Лакура, Панолинская I, Ванавара IV, Нижне-Панолинская IV-VI и др.

Материалы, полученные на стоянках Подкаменной Тунгуски, в процессе имеют много аналогий с материалами стоянок Ангары, что, возможно, свидетельствует о культурных связях древнего населения этих сопредельных регионов.

Большая часть стоянок, обследованных в 1991 г., интенсивно разрушается хозяйственной деятельностью человека

(таковыми являются стоянки в окрестностях пос.Оскоба и с.Ванавара), а также размывается паводковыми водами (это комплексы стоянок у Панолинского порога и в устье р.Оскобы). Поэтому очень остро стоит проблема спасения, изучения и сохранения памятников археологии в долине Подкаменной Тунгуски. Необходимо проведение масштабных спасательных работ.

Два местонахождения были открыты в Большемуртинском районе. Одно из них, относящееся к железному веку, находится на северной окраине с.Бартат, на вершине возвышенности. На памятнике были собраны железные шлаки и фрагменты неорнаментированной гладкостенной керамики. Второе находится в 4 км севернее Бартата. На памятнике были найдены призматические пластинки, отщепы и сколы из кремня, траппа, халцедона.

Интересная находка была сделана в Богучанском районе на западной окраине пос.Пинчуга, в 100 м юго-западнее МТФ. В склоне 18-24 метровой террасы прорыта глубокая траншея, в которой построен подземный гараж. В северной стенке траншеи на глубине 2,5 м от современной поверхности в слое ярко-коричневого песка с большим содержанием щебня, были найдены колотые кости животных. В 50 м западнее гаража, в отвале старого геологического шурфа, было обнаружено ножевидное орудие, выполненное на фрагменте бивня мамонта. Вероятно, здесь находилась палеолитическая стоянка, частично уничтоженная при строительстве гаража.

Второе местонахождение, разрушающееся карьером, находится в 1 км западнее пос.Пинчуги. Здесь найдены железные шлаки и фрагменты керамики с налепными валиками.

Оба местонахождения нуждаются в скорейшем проведении спасательных раскопочных работ, которые позволят произвести и их культурно-хронологическую привязку.

П.В.Мандрыка, К.В.Зырянов
г Красноярск, г Дивногорск

НОВЫЕ СПЕЛЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА РЕКЕ МАНЕ

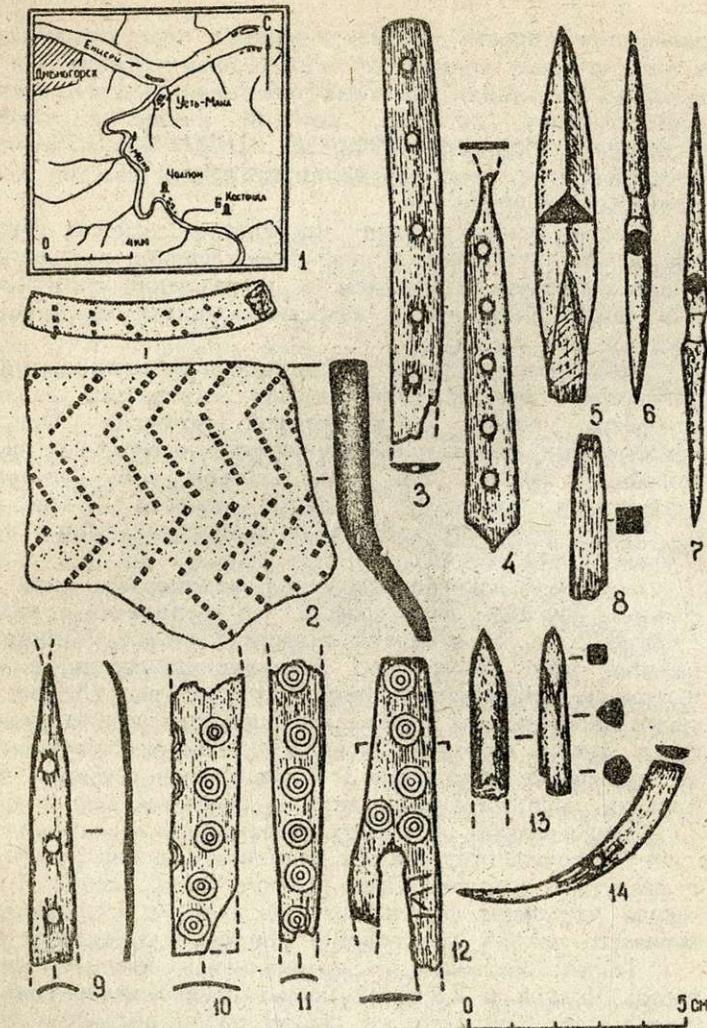
Река Мана на всем своем протяжении протекает между залесенными горами. Подошвы гор так близко подступают к

урезу воды, что не остается относительно ровных площадок по берегам реки, которые удобны для больших поселений. Последних здесь и не должно быть, так как таежные ресурсы не могли обеспечить пропитанием большие колективы людей. По берегам Маны расселялись скорее всего малочисленные группы охотников и рыболовов. Поиск же их стоянок чрезвычайно затруднен, и поэтому вполне объяснимо отсутствие на сегодняшний день археологических объектов в нижнем течении реки. Проведенные археологические исследования на отмеченном участке (И.Т.Савенков, 1875 и 1884 г.; А.В.Адрианов, 1902; П.В.Мандрыка, 1987; А.С.Вдовин, 1988; А.Л.Петренко, 1990) показали наличие стоянок и поселений по берегам только на протяжении последних 10 км до устья (А.С.Ермолаев, 1911; Погудин, 1979; Макаров, 1980; Л.В.Новых, 1989; и др.). Список уже известных манских памятников следует пополнить еще двумя объектами.

В начале 80-х годов в двух небольших гротах были проведены сборы материалов краеведом К.В.Зыряновым. Гроты Чолпон и Косточка находятся в бортах известняковых скал, стоящих на окраинах небольшой долины с подсобным хозяйством и дачным поселком, на левом берегу реки Маны в 4-5 км выше устья. При осмотре памятников установлено, что грот Чолпон представляет собой узкую щель с размерами при входе $1,0 \times 2,5$ м, длиной до 3,0 м. Грот Косточка выглядит как полуциркульная полость длиной до 3,0 м с узким колибривым входом. Археологические материалы этих памятников залегали в верхних слоях отложений и были приурочены к слою серой пылеватой супеси. Все немногочисленные, но выразительные предметы хранятся в Дивногорском музее.

Тонкие костяные пластинки, служившие, видимо, накладками на внутреннюю сторону кибита лука, отмечены в обоих гротах. Эти пластинки слегка искривлены и имеют параллельные, расширяющиеся или сужающиеся боковые грани. Последние, очевидно, выступают концевыми накладками. На всех пластинках на расстоянии 1,5-2 см вдоль продольной оси просверлены сквозные отверстия диаметром 0,2-0,3 см (рис. 3, 4, 9). Такое оформление пластинок автору встречается впервые на Енисее.

Серия тонких костяных накладок приемника или горловины колчанов зафиксирована в гроте Чолпон. Две пластинки имеют параллельные или почти параллельные грани, а у третьей наблюдается вильчатое раздвоение конца (рис. 10-12). По одной

К докладу Мандрыка П. В. Зырянова К. В.
"Новые спелеоархеологические
памятники на реке Мана"
2-8 грот Косточка; 9-14 грот Чолпон

заложенной стороне предметов нанесен циркулярный орнамент в виде тройных концентрических резных кружков. По способу такой орнаментации костяных пластинок выделен южносибирский вариант колчанов, который связан с енисейскими кыргызами (Худяков, 1980. С. 117). Но в отличии от южно-сибирских аналогов орнамент наших пластин не инкрустирован черной пастой.

Вместе с костяными накладками найдена еще одна пластинка, изготовленная из расщепленного кабаньего клыка с просверленным отверстием в центральной части (рис. 14). Она могла выступать в качестве нашивки на какой-нибудь предмет или одежду.

Рыболовные костяные спицы или иглы выполняли функцию рыболовного крючка. Эти изделия изготовлены из обломков трубчатых костей с тщательной обточкой. Они имеют приостренные концы и выемку-перехват в середине (рис. 6, 7). Подобные изделия для лова крупной рыбы употреблялись различными народами с эпохи неолита (Эверстов, 1988. С. 101) до недавнего времени на территории сибирского севера (Гурвич, 1977. С. 46).

Костяные наконечники стрел черешкового типа с трехгранным сечением пера (рис. 5) и стержневой с квадратным сечением (рис. 8) отмечены в гроте Косточка. В гроте Чолпон найдено перо стержневого наконечника стрелы с плавным переходом квадратного сечения в круглое (рис. 13). Все изделия тщательно вырезаны и обточены. Если трехгранные наконечники стрел имеют широкий хронологический диапазон бытования, то стержневые наконечники с квадратным сечением получают широкое распространение лишь в средневековую эпоху.

Единственный фрагмент керамики, зафиксированный в юте Косточки, представляет прямой утолщенный венчик сосуда с раздутым туловом. Срез прямого края, шейка и плечики сосуда украшены отдельными наклонными отисками мелко-зубчатого чекана, создающими композицию "елочка" (рис. 2).

Таким образом, по проведенному анализу материалов гротов Чолпон и Косточка можно предположить синхронность комплексов. Учитывая же общий набор предметов, представленные материалы следует относить к концу I тысячелетия н.э. и связывать с распространением на территории Красноярской лесостепи кыргызов.

А.Ю.Тарасов, В.Г.Буторин,
Ю.А.Гревцов
г. Красноярск

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПЕЩЕРЫ ГРАФСКАЯ

В 1987 г. Тасеевским отрядом Комплексной археологической экспедиции КГПИ в скальном выходе известнякового массива горы Дыроватой (правый берег реки Тасеевой, 65 км от устья), была обнаружена пещера Графская.

Летом 1991 г. пещера повторно исследована Археологическим отрядом НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры.

Вход в пещеру располагается на высоте 10 м от урочища воды, открыт на юго-восток. Привходовая площадка и часть входа разрушены взрывными работами.

Диаметр входа 2,5 м, коридор общей протяженностью 16 м постепенно сужается до 0,8 м и оканчивается наклонной щелевидной камерой объемом 2,5 м³.

При разборе завала в привходовой части пещеры в слое щебня (остатки обрушившейся взрывом кровли), обнаружены фаунистические остатки голоценового возраста и археологические материалы эпохи железного века-средневековья (1 тыс. до н.э. - XII-XIII в. н.э.): лапчатая подвеска карасукского типа (бронза), бабочковидная бляшка с прорезными стилизованными изображениями грифонов (бронза), втульчатый трехлопастной наконечник стрелы с обломанным жалом и поврежденной втулкой (бронза), обломок жала бронзового ножа. Собрана коллекция каменных (3 экз.) и костяных наконечников стрел (8 экз.).

Каменные:

- подтреугольные формы с прямой базой;
- иволистной формы с вогнутой базой;
- подтреугольной формы с насадом типа "ласточкин хвост".

Костяные:

- трехгранный с оформленными плечиками и плоским черешковым насадом;
- трехгранный в сечении с насадом из 3-х жалец;
- удлиненно-ромбический с плоским срезанным насадом;

- подтреугольной формы с трехгранным жалом и плоским срезанным насадом;
- 3 фрагмента наконечников 3, 4, 6 гранных в сечении и фрагмент плоского черешкового насида.

Характер повреждения наконечников стрел (независимо от материала, из которого они изготовлены) - утраченные жала, сколотые или выломанные насады, говорит о их преднамеренной порче.

Разрушение наконечников могло произойти в результате их удара о стены или потолок пещеры.

Анализ коллекции археологических материалов памятника, учитывая опыт изучения пещерных археологических местонахождений, позволяет сделать вывод, что пещера Графская могла иметь культовое значение и использовалась в качестве святилища древними обитателями реки Тасеевой.

М.Е.Килуновская
г.Санкт-Петербург

СОБРАНИЕ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ КЫЗЫЛЬСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

1. В Кызыльском Республиканском краеведческом музее (Тувинская республика) хранится 24 оленных камня. Часть материалов была опубликована - это в основном камни, на которых содержатся тюркские рунические знаки.

2. Часть камней не является собственно оленными камнями. Это просто камни с петроглифами (небольшие плиты, валуны). Два из них были обнаружены в каменном сооружении кургана-храма Улуг-Хорум в Саглы. На них выбиты животные в скфиском зверином стиле. Два других, найденные во время разведок в Монгун-Тайге (со сценой охоты, диким козлом и др.), напоминают петроглифы Мугур-Саргола.

3. Четыре оленных камня были доставлены 4-ым отрядом Тувинской экспедиции в 1986-1989 гг. Среди них камень, обнаруженный около поминального сооружения у горы Чарга

(Пий-Хемский район). Он расчленен на три зоны двумя горизонтально выбитыми широкими линиями. В верхней части камня выбиты три косые линии, выше этих линий - антропоморфная личина. В средней части изображены идущие друг за другом животные, выполненные контурно в стиле петроглифов. Два других камня были обнаружены в Уюкской котловине - на оз.Белое и на горе Кош-Пей около пос.Аржаан. Каменное изваяние, найденное у оз.Белое, украшают стилизованные олени монголо-забайкальского типа. Они покрывают всю поверхность плоской плиты. Наиболее интересен камень с г.Кош-Пей. На нем есть все компоненты, которые можно увидеть на оленном камне. Три косые полосы, серьги-подвески в верхней части, в средней - летящие олени, свернутые в кольцо хищники, лошадь с подогнутыми ногами, щит, втульчатый клевец. Под поясом - оружие, кинжал с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием, нож в ножнах, оселок, лук в горите. В нижней части камня находится уникальное изображение кабана, выполненное в технике высокого рельефа, тогда как все изображения в монументальном искусстве Центральной Азии сделаны в технике контуррельефа и глубокой выбивки. Последний камень был обнаружен в крепиде кургана на могильнике Хорум в Пий-Хемском районе. Он относится к наиболее распространенному типу оленных камней - камней без изображений животных. Верхняя часть, содержащая три косые линии и на боковых сторонах серьги с подвесками, отделена от средней ожерельем - выбитыми овальными лунками.

4. Камней без изображений животных в Кызыльском музее - 7. В основном это камни из Овюрского района. На многих есть изображения оружия - кинжалов, лука в горите, ножей в чехле, что является важным материалом для датировки самих камней и поминальных комплексов, где они были найдены.

5. С Кош-Пейским камнем сопоставим камень из Элегеста. Самый верх этого камня украшен выбитой полосой-повязкой, поддерживающей прическу. С той стороны, где выбиты три косые линии, повязка не смыкается, а заканчивается выступом. Две серьги с подвесками и ожерелье с застежкой расположены в верхней части камня. В ожерелье вклинивается выбитая фигура кабана с подогнутыми ногами. В средней части также находятся две свернувшиеся как змеи в кольцо пантеры. Необычны здесь фигуры лося и олена, выполненные в стиле петроглифов, аналогичных Чаганскому оленному камню, и

солярный знак (круг с ручкой). Из оружия мы здесь видим два щита и нож в чехле, подвешенный к поясу.

6. Наиболее ярким памятником является Туранский сленный камень, неоднократно упоминавшийся в литературе. Как и камень с г. Кош-Пей он содержит все элементы, характерные для оленных камней. Но по стилю он относится к камням с реалистично выполненными оленями. Таких оленей на камне 8: шесть стоят на цыпочках с поднятой головой, два с подогнутыми ногами. Кроме того на этом камне в верхней части есть две фигуры лошадей с длинными ушами (куланов) и 5 фигур кабанов, стоящих на цыпочках. Кабаны напоминают изображения на камне из кургана Аржан. Набор оружия, такой же как и на Кош-Пейском камне - чекан, оселок, кинжал с кольцевым навершием и лук в горите. Эти предметы можно датировать в рамках от X до VI в. до н.э.

7. Камень из Ортаа-Тей (район Самагалтая) отличается по форме - он округлый, 1 x 1 м, и плоский. С двух сторон всю поверхность камня занимают изображения щитов. С одной стороны вокруг домика-щита выбиты фигуры всадника с луком, двух кабанов на цыпочках, четырех горных козлов. Все фигуры контурные.

8. Олени монголо-забайкальского типа содержатся на Сайылской плите (Тес-Хемский район). В завитках рогов одного оленя выбиты маленькие фигурки лошадей-куланов. Этот камень представляет собой обломок громадной плиты, и изображения оленей представлены фрагментарно.

9. Собрание оленных камней в Кызыльском краеведческом музее является ценнейшим источником для изучения монументального искусства ранних кочевников Центральной Азии. Разнообразие камней, богатство зооморфных образов, предметов вооружения и астральных символов позволяют создать типологию стиля и дают ключ к прочтению семантического "текста", закодированного в камне.

СОДЕРЖАНИЕ

Вехи жизни Н.К.Ауэрбаха	3
А.М.Буровский. Николай Константинович Ауэрбах (1892-1930). Наследие научное и социальное	4
В.Б.Смирнова. Воспоминания о Николае Константиновиче Ауэрбахе	9
Л.Ю.Китова. Деятельность Н.К.Ауэрбаха в Обществе изучения Сибири	12
А.К.Горелова. Коллекция Е.О.Яковлева	14
Ю.И.Ожередов. Археологические находки с Ангара и сведения об археологических памятниках из собраний Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета в дореволюционный период	17
Л.И.Шаповалова. Коллекция изобразительного искусства музея и ее роль в художественной жизни города	19
А.И.Мартынов. Мерхарт и археология Сибири	21
Ю.С.Худяков. Обзор археологических коллекций музеев Средней Азии (по материалам экспедиции ЮНЕСКО "Степной путь" в 1991 г.)	24
Ю.С.Худяков, Е.А.Локотко. Формирование коллекции окуневских стрел и изваяний в Музее истории и культуры народов Сибири	27
Н.Е.Бердникова. Некоторые вопросы выделения "земель историко-культурного назначения"	30
Н.А.Белова, Р.В.Васильева. Материалы рукописного архива ЛОИА АН СССР как источник изучения музейного строительства на территории Сибири	34

<i>Л.Ю.Березовская.</i> Фотографии древностей Минусинского и Красноярского музеев в собрании фотоархива ЛОИА АН ССР	36
<i>З.А.Абрамова.</i> Распространение бифасиальной техники в палеолите Средней Азии и Сибири	38
<i>Е.В.Артемьев.</i> Применение теории стереотипизации в анализе каменного инвентаря и характеристике переходных периодов в технологии каменного века	41
<i>В.А.Ранов.</i> Термин "кливер" и его дефиниции	43
<i>В.П.Чеха.</i> Закономерности размещения палеолитических памятников в Северо-Минусинской впадине	45
<i>Н.Ф.Лисицын.</i> Основные проблемы позднего палеолита Минусинской котловины	47
<i>Г.А.Демиденко, Н.И.Дроздов.</i> Палеогеографическая обстановка Казанцевского межледникового Каменюложского археологического участка	50
<i>Н.Д.Соколова.</i> Опыт хронологического сравнения галечных орудий верхнего и нижнего палеолита	52
<i>Е.В.Акимова, В.В.Сидоренко.</i> "Жезл" с палеолитической стоянки Лиственка	56
<i>Е.В.Акимова.</i> Непубликованные коллекции Афонтовой горы	59
<i>В.Т.Монгуш.</i> Изучение палеолитических памятников Тувы	64
<i>В.Г.Кольцова.</i> Палинологическое изучение мусстьерского памятника "Гrot Двуглазка"	66
<i>Г.В.Синицына.</i> Палеолит Бирюсы	69
<i>Н.И.Дроздов, Е.В.Артемьев.</i> Раннепалеолитические местонахождения Средней Сибири	71

<i>М.Н.Мещерин.</i> Мастеров ключ — новое поселение на реке Хилок	76
<i>Н.Д.Оводов, Н.В.Мартынович.</i> Новые данные по млекопитающим и птицам грота Двуглазка в Хакасии	78
<i>Н.В.Мартынович, А.Ю.Гарасов.</i> Палеофаунистические находки в карстовых полостях северного Приангарья	83
<i>А.С.Вдовин.</i> Памятник каменного века на Большом Кемчуге	85
<i>С.А.Васильев.</i> Поздний палеолит Сибири и мадлен Франции: параллели в структуре стоянок	86
<i>С.А.Лаухин.</i> Палеоклиматические условия заселения Северной Азии человеком каменного века в начале голоцен (на примере Средней Сибири).	88
<i>Н.А.Савельев, А.Г.Генералов, Т.А.Абдулов, С.А.Дзюбас.</i> Археологические памятники Канской лесостепи (к своду памятников Красноярского края)	90
<i>В.И.Привалихин, Н.П.Макаров, А.С.Чупров.</i> Исследования археологических памятников в Канской лесостепи	94
<i>В.В.Бобров.</i> Смирновский тип керамики в Ачинско-Марининской лесостепи	98
<i>В.С.Николаев, А.И.Уваров.</i> Погребальный обряд Усть-Илгинского могильника на Верхней Лене	100
<i>В.Т.Монгуш, В.А.Семенов.</i> Энеолитические каменные чаши из Тувы	104
<i>Т.А.Абдулов, М.В.Друлис, С.А.Дзюбас.</i> Усть-Илгинский могильник (проблемы хронологии и культурной принадлежности)	106
<i>Н.П.Макаров, Н.В.Мартынович, Н.Д.Оводов, А.Ф.Ямских, Г.Ю.Ямских, Л.А.Орлова, В.И.Назаров, Е.А.Цепкин, В.М.Ухквадзе.</i> Пещера	

Еленева — многослойный голоценовый археологический памятник на Среднем Енисее	111
<i>Г.А.Воробьева, А.Г.Генералов.</i> Археология и геологическое строение разреза Стрижовой горы	120
<i>Д.А.Сапфиров.</i> Семиологический анализ археологической орнаментации (введение в метод)	125
<i>В.И.Макулов.</i> Археологические исследования в Эвенкии, Богучанском и Большемуртинском районах Красноярского края	129
<i>П.В.Мандрыка, К.В.Зырянов.</i> Новые спелео-археологические памятники на реке Мане	131
<i>А.Ю.Тарасов, В.Г.Буторин, Ю.А.Гревцов.</i> Археологическое местонахождение пещеры Графская	135
<i>М.Е.Килуновская.</i> Собрание олennых камней Кызыльского Республиканского краеведческого музея	136

ДЛЯ ЗАМЕТОК
